

Николь Галанина

МЕНЯ ОХРАНЯЮТ ПРИЗРАКИ

Часть 2

Николь Галанина

Меня охраняют призраки. Часть 2

«Издательские решения»

Галанина Н.

Меня охраняют призраки. Часть 2 / Н. Галанина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859713-8

Шестнадцатилетняя Мелисса, потерявшая родителей в результате теракта, уже много лет живёт под опекой Бертрама Эстелла, владельца крупной компании и члена одной из влиятельнейших семей города. И всё было бы замечательно, если бы ему вдруг не взбрело в голову сделать девочку своей наследницей...

ISBN 978-5-44-859713-8

© Галанина Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Возврат назад	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Меня охраняют призраки

Часть 2

Николь Галанина

© Николь Галанина, 2017

ISBN 978-5-4485-9713-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Возврат назад

Габриэль устало вздохнула и распрямилась над столом, с ожесточением втирая кулаки в сонные глаза. Ей хотелось зевнуть, пошевелиться, чтобы скинуть усталое оцепенение, а потом, не выбирая места, провалиться в сон и спать, пока не наступит конец света либо другое столь же значимое событие, способное её разбудить. А это событие неуклонно приближалось – на следующей неделе им предстояло сдавать экзамены. Для кого-то эти экзамены были последними в их школьной жизни. В числе выпускников были Джордан Мэллой, Питер и Пайпер; все они в недавнее время стали серьёзными и даже мрачными, по коридорам Джордан ходил с учебником в руках, а Пайпер испуганно закатывала глаза, как только при ней кто-то произносил заветные слова: «A2-Levels». Питер ни о чём не беспокоился, хотя и он, как выяснилось, с некоторых пор всё же начал готовиться к экзаменам, чем обрадовал Мелиссу и Люсинду (Люсинда становилась чрезмерно нервной и вспыльчивой, когда узнавала, что кто-то отлынивает от учёбы). Даже Габриэль пришлось принудить себя закопаться в лавину книг, поскольку она не была уверена, что сдаст все экзамены без подготовки. Но мысли её бродили далеко-далеко от повседневности, периодически застревая в труднопроходимых болотах и теряясь в дремучих лесах. Габриэль вспыхивала, когда обнаруживала, что снова пропустила вопрос учителя на уроке, или ответила друзьям совсем не то, что те хотели от неё услышать, и сжималась в комок, и закрывала голову руками, уверенная, что теперь её ложь точно откроется.

«Сколь долго я смогу скрывать от Мелиссы, что я влюблена в её опекуна? – с тревогой поинтересовалась у себя Габриэль, и на предательском, но таком нежном и желанном для неё слове „влюблена“ у неё сладко вздрогнуло сердце. – Или от собственной сестры? Мы с Ооной живём в одном доме, мы – однойцевые близнецы, она знает меня так же хорошо, как и я знаю её. Она скоро поймёт, что я от неё что-то скрываю... и наверняка догадается, что именно. И... как мне быть тогда? Ведь они все подумают, что я извращенка... что я ненормальная, – Габриэль вцепилась себе в волосы и пару раз скорбно качнулась вперёд, падая локтями на столешницу и причиняя им глухую, расходящуюся кругами по коже боль, – даже более ненормальная, чем они. Это же действительно странно... что там странно, это безумно! С точки зрения всего нормального общества мои чувства смотрятся как слабость сумасшедшей. Но я не могу с ними ничего поделать! Я уже пыталась, так долго и так решительно пыталась от них избавиться, но у меня не вышло...» – Габриэль отпихнула в сторону учебник: заниматься у неё не было никакого желания. Она могла бы попробовать пересилить себя, но она хорошо понимала, что её разум всё равно будет виться вокруг Эстелла, воскрешать все те недолгие моменты, когда она могла видеть его и слышать его голос, пропускать у неё перед глазами старые фотографии с ним, которые уцелели в семейном альбоме благодаря тому, что на этих же фотографиях была тётя Джинни. Те снимки, на которых тётя Джинни не было, но на которых она запечатлевала Бертрама – для своего личного альбома, найденного после её смерти в её комнате под подушкой, – бабушка собственноручно порвала в клочки и сожгла в камине. Габриэль, узнав об этой истории, стала часто останавливаться возле камина, в котором погибли фотографии Эстелла, и тихонько вздыхать с глубокой и неизбывной печалью.

За стеной раздавались громкие звуки высокого детского голоса – это Оона повторяла какие-то математические алгоритмы. Габриэль легко могла представить себе, как Оона шагает медленно и важно вдоль своей комнаты, похлопывая себя по лбу закрытым учебником, часто останавливается, снимает с одной из страниц учебника большой палец, который держала там в качестве закладки, проверяет себя и вновь продолжает своё размеренное и до зубовного скрежета скучное движение взад и вперёд, от двери и до книжных шкафов, а затем – в обратном направлении. Габриэль тоже хотелось бы стать такой холодной и прилежной, как Оона, чтобы не обращать внимания на громкий голос собственных лени и отчаяния, и заниматься дальше,

будто бы машина, не ведающая усталости и не подвластная ни одной из всех многочисленных страстей человеческих. Ей хотелось бы стать такой же рассудительной, как и Люсинда, чтобы убедить не свой разум, а своё непокорное сердце в том, что её ненормальное отношение к Эстеллу не имеет никаких шансов на счастливое продолжение, и что, следовательно, ей пора перестать терзаться и бездумно надеяться. Только она не была Люсиндой, она не была Ооной. Она была Габриэль Хаэн и презирала себя за то, что она оказалась такой мягкотелой, такой непозволительно глупой.

Габриэль подняла расплывающийся от усталости и многодневного недосыпа глаза на плакаты, украшавшие её комнату. Плакатов у неё было много, и почти каждый из них – с её обожаемой рок-группой, которую она слушала, наверное, с тех самых пор, как начала готовиться к поступлению в школу. Плакаты эти были разными – маленькими и высокими, занимавшими почти всю стену, с подписями либо без них. Между них затесался один плакат, который принесла с собой Оона, да и так и оставила в комнате у Габриэль. Плакат назывался: «Звёзды Голливуда ниже тебя». Габриэль как-то повесила его к себе на стену, но потом горько об этом пожалела, так у неё не осталось места для другого, более полезного, плаката: «Звёзды Голливуда выше тебя». Габриэль была самой высокой девочкой в классе и одной из самых высоких в школе, и ей было стыдно за свой рост, словно в её силах было укоротить себя хотя бы на дюйм. Её и Оону можно было различить именно по росту: Оона, миниатюрная и хрупкая, как мама и тётя Джинни, едва ли доставала Габриэль до уровня груди, которой у Габриэль, к слову, несмотря на её пятнадцать лет, так и не было.

– Да, – мрачно сказала Габриэль и пару раз прокрутилась на своём стуле, озирая захлапленную комнату, – именно такова я, Габриэль Хаэн. Мне уже пятнадцать, но никаких признаков взросления я в себе так и не заметила. – Сердито вздохнув, она снова крутнулась на стуле, попытавшись вернуть себя к прилежному корпению над кипой дополнительных заданий, которыми её нагроулила Люсинда. Но никакие полезные мысли так и не пришли к ней в голову. Габриэль отодвинула гору бумажных листков, исписанных мелкими ровными буквами Люсинды, в сторону и фыркнула про себя: «Это невозможно... Говорят, что свежий воздух приносит новые мысли. Мне кажется, что куда лучше было бы прогуляться, чем и дальше торчать здесь и чувствовать, как стены сдавливают меня. В своей комнате я чувствую себя как в коробке. А когда предки и бабушка снова ссорятся, то и вовсе – как в гробу».

Но сейчас никто в её обширном семействе не думал ругаться. К мистеру Хаэну прибыли в гости его родители, с которыми у мистера Хаэна после четырёх последовательных неудач по открытию собственного бизнеса сложились довольно напряжённые отношения. Миссис Дэвис никогда не любила ни мистера, ни миссис Хаэн-старших, во время их редких визитов она старалась спрятаться в дальних комнатах и скинуть все обязанности по приёму гостей на свою дочь. Габриэль тоже не испытывала к мистеру и миссис Хаэн-старшим особенно тёплых чувств: они любили разговаривать о деньгах настолько, что порой даже забывали осведомиться об успехах внучек, и, если внучки всё же попадались им на глаза, то начинали задавать тех вопросами: «Когда ты устроишься на подработку? А когда окончишь школу, то, конечно же, будешь помогать папе в его делах? Или заменишь дедушку?» Габриэль брезгливо поморщилась и закатила глаза, радуясь, что коридор пуст и её никто не видит. Мать часто ругала Габриэль за её постоянное «обезьянничанье», но отучить строить гримасы никак не могла. Судя по оживлённым звукам светского разговора, доносившегося из-за полуприкрытой двери, за которой располагалась гостиная, бабушка и дедушка Хаэны уже были там.

– Вот и славно, – пробурчала Габриэль, крадучись продвигаясь к дверям, – никто не будет поедать мой мозг и допытываться от меня, как средневековый инквизитор, почему я до сих пор не подрабатываю. Экзамены, эта Барбара, ребята, ещё вот и... – боязливо оглядевшись, Габриэль невнятной скороговоркой пробормотала себе под нос: – и Эстелл... Можно подумать, что у меня остаётся время на подработку!

Из гостиной послышался густой смех отца. Вслед за этим миссис Хаэн-старшая что-то сказала своим хорошо поставленным контральто, и в коридор выплеснулся общий хохот. Стоя на цыпочках и по-собачьи прислушиваясь, Габриэль отметила, что голоса бабушки Дэвис оттуда не слышно. На неё снова накатила приступ тоски, и ей показалось, что она совсем одинока в этом мире и не нужна никому – даже собственной семье, которая, как выяснилось, и без неё неплохо проводила время.

Габриэль беззвучно выскользнула на улицу и ускорила шаг, чтобы оторваться от дома, отлепить от него свои мысли и подумать о чём-нибудь другом. Но в последнее время ей удавалось размышлять только о Бертраме Эстелле и о своей семье.

«Можно зайти к братьям Виллям, – предложила себе она, – по крайней мере, там мне удастся скрыться от всего этого».

Братья Вилли держали лавочку, в которой они занимались продажей и перепродажей дисков, музыкальных шкатулок, постеров и прочих вещей, которые могли иметь к музыке хоть какое-то отношение. Габриэль привыкла, что заходить к ним стоит, лишь подготовившись быть оглушённой потоком грохочущих звуков, складывающихся в какую-нибудь мелодию. Каждый день Билл и Фред ставили новую пластинку, которая таинственным образом сразу входила в моду у местной молодёжи. На ступеньках их лавочки сидели юные меломаны и, прикрыв глаза, покачивались в такт музыке, вокруг толклись несколько компаний, сплошь состоящие из молодых людей, и пытались танцевать. Всех здесь Габриэль знала и считала своими приятелями. Спускаясь на улочку, где располагалась лавка, она издали махнула рукой толпящимся у дверей ребятам:

– Салют единомышленникам!

– О, Габриэль нагрязнела, – весело ответила сильно загорелая девочка с тёмными косичками, обернувшись, – тебя тут не было уже пару недель. Ты где пропадала? Неужели решилась взяться за ум и начать учиться?

– Я – да, а ты, Бинди? – провокационно улыбнувшись, спросила Габри.

Бинди пожала плечами с задумчивым видом, словно подобный вопрос был слишком труден для того, чтобы на него можно было ответить сразу.

– Я положусь на случай, – ответила она решительно, – это мне всегда помогало.

Габриэль ограничилась мимолётной улыбкой и прошагала мимо Бинди, крепко прижимая к себе сумку. Сумка её была расстёгнута, из неё торчал оцеплённый пружинками край блокнота. Остроглазая Бинди сразу углядела блокнот и воскликнула, хватая Габри за плечо:

– Стоп-стоп! Что это у тебя тут такое? – и она бесцеремонно ткнула пальцем в блокнот.

– Габриэль подалась в писатели, – тонко улыбаясь, предположил Джастин Харлей, тоже нависая над сумкой Габриэль.

– Ничего подобного, – оскорблённо отозвалась Габриэль и рванула ремень сумки на себя. Её щёки начали предательски краснеть. – Это... просто так... я там... уравнения решаю.

– Ну да, конечно, – рассмеялась Бинди, – знаем мы эти уравнения... Показывай, Габриэль, что ты стесняешься?

– Покажи! – потребовал Джастин. Его руки уже нахально тянулись к сумке и пытались подцепить закрытый блокнот.

– Да отстаньте вы все от меня!

Вырвавшись с силой, которой она от себя не ожидала, Габриэль проломил замок из рук Бинди и Джастина, пытавшихся её удержать, и кинулась бежать так, словно в спину ей летели стрелы, смазанные ядом. Она бежала, длинными прыжками перелетая по тротуару, расталкивала мешающих прохожих локтями и отвешивала им пинки – если они не желали сами построниться перед нею, – и совсем не слушала, что за крики несутся ей вдогонку. Её подстёгивал острый и холодный страх, которого она раньше не знала. Она вообще не думала, что умеет так бояться. В этом её страхе присутствовало что-то глубоко унижительное для неё, и она поняла,

что это было, лишь тогда, когда, совершенно измотанная, остановилась напротив корпорации «Эстелл Эстейшен» – ноги сами принесли её туда. Она с тоской всмотрелась в возносившиеся к небу многочисленные этажи с большими застеклёнными окнами, и на душе у неё сделалось совсем гадко. Она казалась себе недостойной себя самой – такой, какой она была до своего странного помешательства на Эстелле.

«Но что такого плохого в том, что я его люблю?! – гневно подумала она и вскинула руки вверх, словно пытаясь найти ответ у безмятежного неба, которое совсем не трогали пламенные чувства, пытавшиеся разорвать на части её мятущуюся душу. – Почему я должна скрывать это, прятаться, таиться?.. Я не такая, я не умею врать и учиться не хочу... не хотела... а вот научилась...»

Ведь мои друзья спрашивали меня, что я рисую в этом блокноте, Бинди и Джастин хотели взглянуть, но я не сказала одним правды и не позволила взглянуть другим. Потому что я знаю, что последует за моим признанием».

Габриэль вынула из сумки злополучный блокнот и отвернула несколько плотных страниц его назад. Из середины блокнота на неё глядели тёмные глаза Бертрама Эстелла, такого, каким он был сейчас. Габриэль брала уроки рисования у матери, неплохой художницы, но никогда не пыталась делать никаких набросков, считая их все уродливыми и бездарными. По её мнению, Она рисовала намного лучше неё.

Но она услышала как-то, что Эстелл был прекрасным художником в молодости, и её потянуло возобновить свои прерванные занятия, чтобы сделаться хоть немного ближе к нему, пусть даже и в своём воображении, возгордиться своей общностью с ним и подумать, будто это предоставляет им какие-то темы для разговора, хотя, конечно, Эстеллу никогда не пришлось бы в голову разговаривать с нею более серьёзно, чем может взрослый человек разговаривать с девочкой-подростком, годящейся ему в дочери. Габриэль устало вздохнула и осторожно провела кончиком пальца по усталой тёмной тени, наложенной ею под глаза Эстелла. Ей удалось незаметно сфотографировать его, когда он медленно (что её немало удивило и обрадовало) проезжал мимо неё с опущенными стёклами. С этого нечёткого снимка она и начала свою работу. Чтобы ни друзья, ни Она ничего не узнали, она защитила паролем все личные данные в своём телефоне, не сообщая пароля никому, даже если её пытались улестить весьма обаятельными просьбами. Тому, чего она не могла разглядеть в размытых пикселях, она пририсовывала воображаемые черты, пользуясь старыми семейными альбомами. Родители и бабушка думали, что она интересуется недавним прошлым, но на самом деле Габриэль даже не поглядывала на те страницы, на которых не было Эстелла. Временами она упрекала себя, что поступает эгоистично, но затем брала в руки карандаш, пожимала плечами и возвращалась к своей работе. Это успокаивало её нервы и уносило в далёкие мечтательные края, где всё было возможно, и где между нею и Эстеллом никто не мог поставить преград, даже он сам.

Габриэль нежно обводила пальцем созданный ею самой рисунок и тихо вздыхала. По щекам у неё катились слёзы, когда она поднимала ищущий, надеющийся и зовущий взгляд к окну седьмого этажа корпорации и призывала чудо... но чудо не приходило. Оно словно забыло, что его могут где-то ждать и с таким нетерпением просить, чтобы оно произошло, чтобы оно подтвердило: не только в сказках исполняются желания.

Взгляд у Эстелла был гордый и недоступный – как и у его прототипа, который, наверняка всем довольный и ничего не подозревающий – сидел сейчас за окном своего кабинета на седьмом этаже, просматривал необходимые документы, совершал важные звонки и даже отдалённо не чувствовал, как мягкими волнами доносится к нему чья-то первая и беззаветная любовь. Габриэль усмехнулась: она никогда не думала, что станет мыслить так сентиментально, и, конечно же, представить не могла, что влюбится в человека на двадцать лет старше себя. Она позволила себе ещё один слабый вздох, ещё одно непростительно жалкое ласкающее движение вдоль нарисованного карандашом твёрдого, волевого и отчуждённого лица, казавшегося ей

сейчас живым. Но затем она захлопнула блокнот, бросила его в сумку и, переваливаясь с ноги на ногу, сердито засунув руки в карманы, зашагала назад – домой.

* * *

– Ты всё рисуешь, – с явным неодобрением сказала Люсинда, нависая над плечом Габриэль и принимая такой оскорблённый и возмущённый вид, как будто занятия Габриэль можно было смело поставить на первое по значимости место в списке смертных грехов.

– Рисую, – грубо отозвалась она и неприязненно дёрнулась, отправляя захлопнутый блокнот в свою сумку. – Знаешь, Люсинда, не очень-то это вежливо – подсматривать за другими без их согласия.

Люсинда проигнорировала её упрёк и внушительным жестом перекрестила руки на груди.

– Нам надо готовиться к экзаменам, – с особенно важной интонацией сказала она и метнула на Габри очередной осуждающий свысока взгляд, – всего неделя осталась, Габриэль, а ты до сих пор не решила все задачи из списка, который я для тебя составила! Разве так можно? Ты вообще думаешь над тем, что тебе совсем скоро придётся продемонстрировать свои знания без права ошибиться? Почему?! – Люсинда устало вздохнула и отвернулась, картинно поднимая голову к потолку и закатывая глаза. – Почему все вокруг такие беспечные и ленивые?

– Люсинда, хватит уже её терзать, – предложил Патрик расслабленным тоном и дерзко улёгся на парту (брови Люсинды сдвинулись к переносице, и Патрик, утерев значительную часть своей напускной храбрости, поспешно выпрямился и даже сместил пятую точку со столешницы). – Я, например, вообще ничего не делаю, а Габриэль хотя бы рисует. Вот – уже налицо прогресс.

– Именно, – желчно процедила Люсинда, – ты НИЧЕГО не делаешь, ровным счётом, как и Габриэль. А между тем, Патрик, позволь тебе напомнить, что прошлый тест, который я вам всем дала два дня назад, ты непростительным образом завалил. Ты набрал всего пятнадцать баллов! Для того чтобы получить хотя бы D, тебе надо заниматься, заниматься и ещё раз заниматься! Но ты скорее предпочтёшь провести всю ночь за компьютером, чем хоть единожды открыть учебник по родному языку.

– Мисс Гибсон и так вьёт из нас верёвки, – пожаловался Патрик, – что же теперь, мне ещё и в законе отведённое свободное время...

– В это самое законом отведённое время, – процедила Люсинда, – ты должен готовиться к экзаменам! Если ты их не сдашь, тебя исключат из школы, тебя исключат из школы – твои родители будут опозорены, твои родители будут опозорены – опозорен будешь ты, вдобавок ты не получишь аттестата об образовании, следовательно, ты не сможешь получить никакой должности, не получишь должности – будешь всю жизнь сидеть на шее у своей семьи или, что того хуже, опустишься и станешь лицом без определённого места жительства.

Стивен чуть приоткрыл рот и присвистнул:

– Люсинда, сдаётся мне, что иногда ты перегибаешь палку. Мистер Мэннокс ещё не выгнал из школы ни одного ученика: он же добрый и понимающий человек, в отличие от некоторых.

– Молчи! – свирепо зыркнула на него Люсинда. – Когда ты окончишь школу и поступишь в университет или в колледж, доброго мистера Мэннокса рядом не будет. И что тогда ты станешь делать?

Мелисса издала утомлённый вздох и рухнула лицом на парту. Они сидели в кабинете химии, расположенном дальше всех остальных кабинетов от шумных центральных коридоров. В высокие светлые окна неторопливо вливались солнечные лучи, на подоконниках бодро распускали мягкие листья комнатные растения, чьих названий Габриэль не знала, висевшая напротив них доска, над которой располагался пожелтевший от времени стенд с Периодической системой химических элементов, был облит ярко-жёлтым светом, к которому изредка примешивались светло-бежевые или вовсе белые крапинки звездчатой формы. Линда и Блез,

отделившиеся от компании, сидели в центральном ряду за первыми партами и, кажется, спали. А, может быть, они старательно зубрили основные положения теории эволюции, которые были заданы им на сегодняшний день. Джоанна увлечённо переписывалась с кем-то в социальных сетях, Мелисса дремала с полуприкрытыми глазами и лишь изредка приподнималась, чуть разлепляя веки – это случалось в такие минуты, когда охваченная порывом красноречия Люсинда повышала голос до максимально высоких октав из тех, что были ей доступны, либо брала настолько низкие ноты, что слова её начинали звучать зловеще, будто погромыхивающая за облаками гроза. Стивен, уже совсем не слушая Люсинду, тоже повторял положения теории эволюции, Патрик закатывал глаза и принимал умоляющее выражение лица, но Люсинда не останавливалась. Не смогла остановить её и Оона, несколько раз мягко, но с очевидным намёком коснувшись её руки. Им приходилось слушать и впадать постепенно в заторможенное состояние на границе между сном и явью, как на бесконечных зубодробительных лекциях мистера Джефферсона.

Габриэль равнодушно вздохнула и осторожно нырнула ладонью в свою сумку. Было рискованно вынимать блокнот на глазах у друзей, однако она чувствовала, что уже не может сдерживаться. Ей вдруг показалось, будто она неверными штрихами прочертила длинные ресницы Эстелла, и эта крошечная ошибка, которой могло и вовсе не быть, показалась ей серьёзнейшим грехом, издевательством над светлым образом любимого. Габриэль не представляла, каков настоящий Эстелл внутренне. Она слышала рассказы матери и бабушки, но ни слову из них никогда не верила, поскольку они входили в слишком явное противоречие друг с другом, и слышала городские сплетни, но им не верила и подавно. Эстелл оставался для неё туманной и далёкой загадкой, которую она не могла разгадать, потому она наделяла своего любимого самыми лучшими человеческими качествами, приписывала ему те черты характера, которыми он в жизни не обладал, и с радостью закрывала глаза на все несостыковки между созданным ею героическим образом и поступками, что совершал реальный Эстелл. Габриэль осторожно повернулась спиной к девочкам и к Стивену и быстрым вороватым движением раскрыла блокнот. На неё снова взглянуло бесконечно любимое и дорогое лицо, и ей показалось, будто нарисованные блики в его тёмных глазах сделались больше, словно он тоже обрадовался встрече с нею. Габриэль с затаённым дыханием осматривала длинные, упругие, непрерывные линии, превращающиеся в ресницы, и находила их идеальными – равно как и всё остальное в этом человеке.

– Так что же ты рисуешь? – снова спросила Люсинда и проворно наклонилась вперёд.

Габриэль снова опередила её, захлопнув блокнот и прижав его к своей груди. Её взгляд сделался озлобленным, словно у загнанного в угол зверя.

– Ничего, – сказала она агрессивно. – Люсинда, я же уже говорила, что подсматривать невежливо.

– Просто покажи нам, – с наивной наглостью предложила Люсинда и невинно развела руками, – понимаешь ли, Габриэль, когда человек делает что-либо напоказ – вот как ты, например, – это значит, что он очень хочет, чтобы на него обратили внимание. И мы это делаем. К тому же, нам самим стало интересно. Уверена, что мы не будем кричать от страха, даже если там нарисован горный тролль.

– Это не ваше дело, – помимо своей воли грубо сказала Габриэль и вытянула шею вперёд, так что её лицо едва не соприкоснулось с лицом Люсинды. – Я не хочу это никому показывать.

– Почему? – спросил заинтересовавшийся Стивен и подошёл к ней ближе (Габриэль крепче прижала к себе блокнот, её сердце учащённо забилося).

– Есть... причины, – уклончиво ответила Габриэль, вжимаясь в спинку своего стула.

«Конечно, есть. Они сразу поймут, почему я так скрытничала, они обо всём догадаются, и тогда...» – додумывать до конца она не стала – помешал поднявшийся в её груди колющийся страх.

– Водород, литий, бериллий, – заунывным голосом бормотала Мелисса, повторяя Периодическую систему, – и иже с ними... Химия ещё даже не началась, а мне уже безмерно тоскливо, – пожаловалась она Люсинде.

– Что? – у Люсинды удивлённо округлились глаза. – Ты скучаешь в школе? Я, наоборот, дома тоскую. Мне кажется иногда, что я – птица, которую посадили в золотую клетку из-за её чудесного голоса, но она в неволе так затосковала, что совсем разучилась петь...

– Даже Люсинда стала мечтать о какой-то розовой чуши, – насмешливо вмешался Патрик, предпринявший новую попытку лечь на парту и вытянуть в стороны руки, – девчонки... порода такая.

– Не смешно, – обиделась Люсинда, вздёргивая нос, – с похожим сюжетом есть немало сказок, поучительных, кстати...

– Вот только сказок нам и не хватало, чтобы всем окончательно тут сбрендить, – проворчал Стивен, – знаешь, Люсинда, давай, ты лучше ты всем поможешь разобраться с тестами, которые дала? Теми, что по химии?

– Нет, нет, – с суровым видом отрезала Люсинда, – разбирайтесь сами. Я для того и дала вам эти тесты, чтобы вы хоть немного подготовились к экзаменам. Пойми, я не смогу тебе помочь...

– Не факт, – снова вмешался Патрик, гнусно рассмеявшись, – если попадём в соседние ряды, ты же перешлешь нам шпаргалку, верно? Ну, по доброте душевной...

– Даже не надейся, – отрезала Люсинда, – я не стану жульничать на экзамене, тем более что это может плохо закончиться для нас обоих.

– А как же насчёт того, что я завалю все свои экзамены, меня попросят из школы, я опозорю свою семью и себя, не получу никакой должности и просижу на шее у родителей всю жизнь или стану бомжом? – продолжал смеяться Патрик. Его щёки наливались весёлой яркой краснотой, словно бока помидора на грядке. – Это тебя не разжалобит?

– Если это и произойдёт, то это будут только твои проблемы, – безжалостно отрезала Люсинда и вдруг тоже засмеялась.

Габриэль тоскливо смотрела на них, пытаясь вызвать хоть отголосок веселья в своей душе. Но та была пуста и глуха, как пересохший колодец, и на все её попытки в подражание друзьям забыть о проблемах отзывалась только злорадной непроходящей болью.

* * *

Десять минут спустя Габриэль, хмурая, как тень от свинцового неба перед началом шторма, сидела за лаборантским столом и сосредоточенно смешивала вещества для произведения реакции разложения, при этом изредка сверяясь с записями в своей рабочей тетради. Её ассистентом была Оона: старательно щурясь, она отмеривала нужное количество каждого порошка на чувствительных весах и передавала пакетики Габриэль с величайшей осторожностью. На лице у неё было написано такое комичное благоговение, что многие ученики в классе не могли удержаться от смеха. Барбара злодейски ухмылялась в течение всего того времени, что Габриэль и Оона проводили опыт, её совершенно не пугала высившаяся неподалёку строга фигура мистера Скрэблстона, их учителя химии, чьё лицо имело какое-то сходство с мордочкой сердитой крысы.

«Не обращай на неё внимания, – приказала себе Габриэль, – всего лишь делай вид, будто её нет на свете».

Барбара задумчиво начала жевать ручку. Вид у неё был самый невинный и даже настроенный на рабочий лад, но Габриэль понимала, что всё это – лишь фикция. Подтверждением её подозрениям служили совсем не случайные злобные взгляды, которые то и дело метала на неё Барбара, приподнявшись от своей тетрадки.

– Это последний, – сказала Оона, протянув Габриэль пакетик с коричневым порошком. Габриэль высыпала содержимое пакетика в колбу и отстранилась.

Вещества в большом аппарате для смешивания, который занимал две с половиной парты, начали менять окраску – они распадались на более простые вещества, о чём красноречиво свидетельствовало выпадение едва заметного осадка.

Мистер Скрэблстон подошёл к столу, за которым работали Габриэль и Оона, осмотрел полученную ими жидкость и удовлетворённо хмыкнул, приподняв верхнюю губу:

– Замечательная работа, леди! Каждая из вас получает заслуженную «В» – оттенок раствора на полтона светлее, чем необходимо. Впрочем, это впечатляющий результат. Можете садиться и записывать в свои тетради вывод относительно проделанной работы. Класс, вывод должен быть у каждого!

Снабдив учеников столь грозным приказом, мистер Скрэблстон отошёл к доске и, быстро орудуя тоненькой меловой палочкой, стал с грохотом выводить различные химические уравнения. Глаза Гордона Фэя печально округлились: он никогда не был силен в учёбе, но химию он ненавидел и боялся в разы больше всех других предметов. А мистер Скрэблстон увлечённо продолжал выписывать на доске всё больше уравнений по мере их усложнения, притворяясь, что он не слышит, как ахнули несколько голосов за ученическими партами. Габриэль была большой поклонницей точных наук. Там не нужно было понимать мысли и чувства какого-нибудь великого поэта, застрелившегося от собственной гениальности, или уметь красиво говорить даже о ничего не стоящей вещи. В точных науках она всегда знала, что от неё требуется и как ей достичь поставленной цели. Именно этим: своей надёжностью, спокойствием, холодной логикой и предсказуемостью, – математика, физика и химия всегда привлекали её, особенно сейчас, когда в ней самой не осталось ничего от прежней непреклонной уверенности.

Мистер Скрэблстон оборвал последнее уравнение реакции, поставив вместо конечного результата длинную череду точек, и оглядел сникший класс блестящими в напряженном ожидании глазами.

– Ну, кто готов стать добровольцем?

В воздух не поднялась ни одна рука. Габриэль продолжала сидеть с апатичным видом, уставившись в свою тетрадь. Ей не хотелось привлекать ничего внимания, не хотелось ничего делать. Единственное, чего она желала – спрятаться куда-нибудь и лежать так, чтобы её никто не нашёл. Никогда.

– Мисс Хаэн... да, Габриэль. Юная леди, подойдите к доске и продемонстрируйте нам свои глубокие познания вот на этих небольших примерах, – посоветовал ей мистер Скрэблстон довольно дружелюбным тоном, услужливо отходя ко своему второму столу, на котором были составлены какие-то загадочные коробки.

«Как и следовало ожидать, – мрачно подумала Габриэль и с величайшей неохотой поднялась из-за парты. Возносясь над головами одноклассников, она чувствовала себя ещё более неловко, чем тогда, когда проходила мимо них, как движущаяся башня, которую нелепо сплюснули с боков. – Все шишки – мне. Радуйся, Габриэль, что у тебя столь большой талант к химии, ну а также – к собиранию неприятностей».

Возражать она не стала: в любом случае это было бы совершенно бесполезно. Угрюмая и ссутулившаяся, Габриэль прошагала между рядов с сидящими одноклассниками (многие из них со злорадством посмотрели на неё), и остановилась возле доски. Теперь каждый химический элемент, с которыми она дружила, как с собственными братьями, казался ей чуждым и непонятным. Она едва понимала, что от неё требуется, и широко открытыми глупыми глазами всего лишь смотрела на доску.

– Мисс Хаэн? – в голосе мистера Скрэблстона прозвучало неприкрытое изумление. – Вы помните, что Вам нужно сделать?

– Помню, сэр, но... не... совсем, – прошептала она, склоняя голову и заливаясь краской. – Кажется, я...я всё забыла.

Ей вдруг подумалось: «А будь здесь Эстелл, что он сказал бы об этом? Как ему понравилось бы, что его любит такая глупая девчонка? —ей захотелось напрячься, использовать свой ум, пожелавший уйти в отпуск на неизвестный срок, но более толковый и холодный внутренний голос в беспечно-циничной манере заметил: – Не зазнавайся так, Габриэль. С чего ты взяла, что Эстелл когда-либо узнает о твоих успехах и неудачах? А, даже если и узнает, его это несколько не тронет. Ты для него – всего лишь неопытная малолетка».

Габриэль ссутулила плечи ещё больше и пробормотала:

– Кажется, я ничего не смогу здесь решить, сэр.

– Значит, Вы повторите все темы и получите дополнительное домашнее задание, – в голосе мистера Скрэблстона звучало недоверие, – сегодня я не поставлю Вам неудовлетворительной отметки, но, если подобное повторится ещё раз, Вам не избежать заслуженной F. – Его голос возмущённо дрогнул. – Вы поняли меня, мисс Хаэн?

– Да, сэр, – чуть слышно ответила уничтоженная Габриэль.

– Можете садиться. Итак, раз уж мисс Хаэн внезапно забыла всё, чему её учили, к доске придётся пойти мистеру Поллесу. Мистер Поллес, прошу.

Габриэль брела на своё место, едва переставляя ноги и чувствуя, как в неё, точно в готовую добычу, впиваются жадные взоры Барбары и всех её приспешниц. Ей больших усилий стоило удержаться от глупого и детского желания заплакать. Но слёзы её были бы вызваны вовсе не обидой, а совсем другим – таившимся в глубине души и не понятным даже для неё самой.

* * *

– «Кажется, я ничего не смогу здесь решить, сэр...» – щебетала издевательским голосом Барбара, эффектным движением отбрасывая назад длинные обесцвеченные волосы и довольно удачно пародируя Габриэль на химии. Усмехнувшись отличающей её семью змеиной усмешкой, Барбара продолжила: – «Я не смогу ничего решить, сэр, потому, что я совсем безмозглая, но я это так тщательно скрывала – Вас боялась огорчить...» – и Барбара, и все окружившие её школьники, жадные до подобных сенсаций, раскатились противным смехом, заколотившимся в ушах у Габриэль, как будто раздраживаемый на мелкие осколки.

– Не обращай внимания, – напряжённым голосом посоветовала Мелисса, которой, вероятно, больших усилий стоило удержаться и не наговорить Барбаре гадостей в ответ. – Не обращай внимания, и они сами отстанут.

– Да я это превосходно знаю, – огрызнулась Габриэль и крепче стиснула ладони между собой. Слова Барбары проносились фоном, оттеснённые в сторону стыдом от пережитого в классе унижения и от мыслей, которые посетили её в тот момент.

– Да, и кстати, – не желая отвязываться, продолжала кричать им Барбара, – вы обе хотя бы знаете, за каким столиком сидите? Если вы не в курсе, это место для отстоя школы. Но, я думаю, что оно для вас наиболее подходящее. Не так ли, Габриэль?

– Ну всё, хватит, – прошипела Мелисса, – зачем мы только сюда пришли!

Сильно ухватив Габриэль под локоть, она рывком вздёгнула её на ноги и повлекла в коридор. Габриэль едва переступала следом, в руке у неё трясся, покачиваясь то вперёд, то назад, кулёк с пирожными, которые они с Мелиссой собирались съесть тут же, в буфете. Но появление Барбары помешало их спокойному отдыху.

Униженная и обозлённая, Барбара не упускала ни единого случая задеть их обеих, настроить против них ту половину класса, что ей подчинялась, швырнуться на уроке заклеенным жвачкой бумажным шариком с оскорблениями. Габриэль понимала, что Барбара не так долго будет ограничиваться мелкими кознями, вскоре она пустит в ход тяжёлую артиллерию, однако до того времени было ещё далеко, как ей хотелось думать, и ей не удавалось поразмыслить над этим, ей не удавалось приготовить ни одного плана защиты или ответного наступления. Всё это теперь было для неё не так важно.

Не выпуская руки Габриэль из своей, Мелисса рассерженно шагала по шумным коридорам. К ним неожиданно, вывернувшись из своей компании, как штопор, присоединился Питер и по-братски хлопнул Мелиссу по плечу:

– Чего грустим? Опять наша курочка разбуянилась?

– И так можно это обозвать, – угрюмо согласилась Мелисса, – правда, Питер, я же говорила, что этот наш трюк только больше разозлит её! Она до сих пор не может этого забыть и цепляется теперь и ко мне, и к моим друзьям!

– И пускай цепляется, – пожав плечами, спокойно сказал Питер, – а мы тем временем подготовим ещё какой-нибудь план.

– Достаточно с меня твоих планов! – отрезала Мелисса и даже отошла от него на несколько шагов, увлекая за собой совершенно безучастную Габриэль. – Я не хочу, чтобы против меня развязали настоящую войну. Я хочу спокойно сдать экзамены, вот и всё, мне не надо никакой мести и никаких...

– Если ты будешь всё сносить молчаливо, спокойно сдать экзамены у тебя не получится, – предостерег её Питер с мудрым видом, – таких, как Мэллоу, надо бить их же оружием, не то они быстро сделают из тебя отстой для всей школы.

– Ты преувеличиваешь. Должен быть какой-то другой выход. Насилием ничего не решишь.

– Да кто тебе это сказал? – развеселился Питер. – Видимо, плоховато ты слушаешь лекции мистера Джефферсона... Ты посмотри, Мелисса, ты только разочек открой учебник истории; тогда ты увидишь, что вся наша жизнь как раз на насилии и построена. Даже для того, чтобы просто ввести в обиход машины, потребовалось пройти через бунты! Когда верхи восставали против низов, что они делали? Они совершали революции, то есть прибегали к насилию. Такова уж наша природа, Мелисса, ничего тут не поделаешь. Поэтому придётся тебе принять мир таким, как он есть. Только мечтатели могут надеяться, что мы когда-нибудь научимся не причинять друг другу боль. Никогда такого не будет, Мелисса! Как ни крути, мы с тобой, да и Габриэль тоже, – он махнул рукой в сторону Габриэль, которая по-прежнему не проявляла никакого интереса к их беседе, – произошли от животных и сами же животными и являемся. А ты видела хоть одно такое животное, которое не боролось бы за существование? Я имею в виду настоящее, дикое животное, свободное и гордое? – он выдержал паузу и торжественно заявил: – Нет таких! Каков принцип дикой природы? «Ты не сожрёшь – сожрут тебя». А у нас, в нашем якобы цивилизованном мире, – его ноздри презрительно раздулись, – ничего, в сущности, не изменилось. Сколько мы ни напяливали бы на себя синтетической одежды, ни создавали бы продуктов из какого-то утильсырья и ни продвигали свою науку, мы останемся теми же животными. И город, в котором мы все с вами живём, – те же джунгли, только каменные. – Он с гордостью примолк, явно сам удивлённый необычно долгой и увлечённой для себя речью, а затем спросил: – Ну как, ты согласна?

– Нисколько, – сухо ответила Мелисса. – Ты говоришь так просто потому, что хочешь оправдать своё поведение. Но человек, который не согласен с тобой, поищет другой выход.

– Этот человек – ты, что ли? – насмешливо спросил Питер. – Слушай, Мелисса, ты, конечно, даже в чём-то права, но, знаешь ли, я же не один такой, кто прислушивается к звериным инстинктам. Есть я, и ещё такой же парень, как и я, и десять таких парней – что ты с ними будешь делать? Твоя мораль их не победит. Они будут делать то, что им диктует моя мораль, потому что она проще и разрешает больше. Пока есть такие, как я, таким, как ты, придётся бороться и уподобляться тем, против кого они борются. Становится очевидным, – Питер радостно прищурился, – что иного выхода у тебя попросту нет – тебе придётся противостоять Барбаре... По-моему, нет ничего плохого в том, что ты обратишь против её её же оружие.

– А по-моему, это плохо, – отрезала Мелисса, ещё больше мрачней лицом, – и я не стану уступать тебе, как ты ни пытался бы меня запутать.

– Ну, как знаешь, – с долей обиды фыркнул Питер и тоже отстранился и помрачнел, – я просто предложил тебе выход.

«Она твёрдая, – с уважением подумала Габриэль, взглянув на Мелиссу исподтишка, – и не сдаётся перед соблазнами. Я не смогла бы, я обязательно согласилась, если бы задевали моих друзей... Может, я и права? Ведь Мелиссе ничуть не помогает её борьба? Питер наверняка прав: какая разница, при помощи каких средств будет достигнута цель, если налицо будет результат?..»

* * *

Последняя предэкзаменационная неделя пролетела практически беззвучно и незаметно, словно короткий летний сон. Согласно расписанию, появившемуся на стенде в главном холле школы в последних числах мая, первый экзамен, который классу Габриэль предстояло сдать сегодня, был экзаменом по математике, и начинался он ровно в девять часов утра в кабинете мистера Сёрджа. Габриэль нисколько не волновалась. Она легла в кровать, ничего не повторяя, и проснулась бодрой и свежей, в отличие от Ооны, которая спустилась к завтраку помятой, словно пожёванная карамелька, и с большими тёмными кругами под глазами, хотя она уснула на два часа раньше Габриэль. Когда Габриэль, ничего особенно не боясь и испытывая лишь лёгкое затаённое волнение, вошла на кухню, её глазам предстала вся её семья (миссис Дэвис и миссис Хаэн – в халатах, накинутых поверх ночных сорочек, и с волосами, накрученными на бигуди), успокаивающая Оону. Она в слезах сидела в углу с нетронутой тарелкой каши на коленях и нервно тряслась. Глаза у неё были красными и совершенно безумными. Крольчиха Ооны подпрыгивала возле хозяйки, словно надеясь чем-то помочь, но Она даже не смотрела на свою питомицу. Честно говоря, Габриэль было трудно определить, на что конкретно смотрит Она: её отсутствующий взгляд прошивал пространство и словно уходил куда-то сквозь него, в дали, которые не открылись бы никому из них.

– Она, ну что ты так переживаешь, дорогая, – растерянно бормотал мистер Хаэн, казавшийся тут совершенно неуместным в своём деловом костюме и с портфелем в руках. Он пытался склониться к Ооне и обнять её, но его неизменно оттесняли миссис Хаэн и миссис Дэвис, поочерёдно припадавшие к каждому плечу Ооны и твердившие:

– Это же просто экзамен... ты его сдашь, моя дорогая, обязательно...

– Джинни тоже так переживала, – снова вставила миссис Дэвис, и Габриэль показалось, что внутри её горла поднялась зловонная волна тошноты.

Не зная, за что, но она никогда не любила тётю Джинни: у неё были слишком добрые глаза на каждой фотографии, о ней рассказывали только самое лучшее, словно она была воплотившимся на земле ангелом и никогда не совершала ошибок; бабушка до сих пор любила её, как живую, и оказывала ей заметное предпочтение перед миссис Хаэн. А теперь у Габриэль появилась новая причина обосновать свою ненависть к покойной тёте Джинни: она была невестой Бертрама Эстелла, и он по-прежнему тосковал по ней, как и всякий, кто знал её. Поэтому Габриэль приняла чрезмерно независимый и даже насмешливый вид и пошла вперёд, одаривая каждого из членов семьи снисходительным взглядом (за эти взгляды ей впоследствии стало стыдно).

– Ну, что тут за переполох? – протянула Габриэль и, не стесняясь, широко зевнула. – Она, что ты так переживаешь? Ма, па и бабушка правы, ты всё сдашь.

– Я... слишком мало готовилась, – пролепетала Она. Взгляд у неё по-прежнему был отсутствующий и овечий, как у тёти Джинни, что ещё больше бесило Габриэль.

– Ну и что? – сердито спросила она. – Я вообще все каникулы проторчала у лавочки Виллей, однако я знаю каждый учебник наизусть, а уж если я знаю, то ты – тем более. Так что прекращай ныть и принимайся за завтрак, всё остынет. И не порти мне настроение, не мешай мысли перед экзаменом, раз уж тебе ма, па и бабушку не жалко.

Она пару раз всхлипнула, дёрнула плечами, словно в предсмертной конвульсии, и накрепилась вперёд, так что Габриэль всерьёз испугалась за неё, не обрушится ли она лицом в тарелку. Но Она выпрямилась, и, хотя по лицу её читалось, что её пожирает безумное желание разрыдаться ещё пуще, она держалась. «И то хорошо», – с оттенком успокоения подумала Габриэль и села за стол. Ей вовсе не хотелось смотреть на Оону: казалось ей, что она что-то сделала не так, и её утешения принесли больше огорчения, нежели пользы. Габриэль пожала плечами и запустила ложку в свою тарелку. У неё совсем пропал едва проснувшийся аппетит, однако она упрямо проталкивала в себя кашу, казавшуюся безвкусной, чтобы подать правильный пример Ооне – та опять собиралась низринуться в нервный припадок. Между тем, пользуясь временным затишьем, миссис Дэвис ушла досыпать несколько приятных утренних часов в свою комнатку наверху, а мистер Хаэн, перехватив портфель удобнее и расправив галстук перед зеркалом, принял бравый вид – он всегда старался сам себя убедить в собственной храбрости и готовности явиться на работу, которая приносила ему больше убытков, чем прибыли, – и поинтересовался у миссис Хаэн, снова взявшейся за полировку тарелочек:

– Эмма, дорогая, скажи, у меня галстук хорошо завязан?

Миссис Хаэн стрельнула в сторону мистера Хаэна беглым взглядом и сказала, одобрительно качнув головой:

– По последнему писку моды, Дэвид. Иди, ты же опоздаешь. Девочек я провожу сама. Удачи тебе.

– И тебе удачи, милая, – прогремел мистер Хаэн. Он подошёл к миссис Хаэн, обнял её за плечи и поцеловал в щёку, миссис Хаэн краешками губ притронулась к его щеке (Габриэль за столом поспешила отвернуться, Она даже не поменяла отсутствующего выражения лица и продолжила механически отправлять в рот ложку за ложкой). – Не скучай тут без меня!

– В такой знаменательный день я буду столь сильно волноваться, что не успею даже подумывать, что мне пора соскучиться, – без намёка на беззлобную насмешку сказала миссис Хаэн и, плавно высвободившись из объятий мистера Хаэна, вернулась к работе.

– Удачных экзаменов, девочки! – пробасил мистер Хаэн и помахал им большой, мясистой и надёжной красной ладонью.

– А тебе удачи на работе, па, – вяло откликнулась Габриэль, Она же не проронила ни слова: кажется, она впала в ступор.

Разразившись громким густым смехом, мистер Хаэн вышел из кухни, громадные увесистые ноги его раздражающе топали. Вскоре Габриэль услышала, как с щелчком отворилась и захлопнулась входная дверь, а через несколько минут и увидела сквозь лёгкие кисейные занавески, лениво раздуваемые ветром, как машина мистера Хаэна вальяжно выбралась из гаража, медленно развернулась и покинула двор. Габриэль опустила взгляд в тарелку. Время для неё ковыляло слишком медленно, она исходила от желания, чтобы часы поскорее пробили пятнадцать минут восьмого, и она сумела бы под благовидным предлогом избавиться от Ооны, которая так и смотрела в стену стеклянными глазами, чуть шевеля бледными от волнения губами; от матери, что беззаботно напевала себе под нос некий фальшивый мотивчик и энергично растирала полотенцем блестящую от чистоты заднюю поверхность тарелки. Габриэль казалось, что и мать, и сестра тайком за нею следят. В последнее время она, вынужденная скрывать свои чувства к Эстеллу, приобрела вредную привычку к подозрительности и лжи. Она ощущала направленные на себя взгляды, даже если никто и не думал на неё смотреть, чувствовала, как о ней переговариваются, даже если сидела одна в своей комнате. В своих собственных глазах она была преступницей, и от чувства стыда ей не помогли избавиться никакие псевдомудрые цитаты из бульварных женских романов о том, что любовь – счастье и великий дар Божий, несмотря на возраст и пол любящих.

Габриэль поднялась, отодвинув со скрипом стул, и загрузила пустую тарелку в посудомоечную машину. Хотя ей пришлось присесть на корточках перед своей матерью, та даже

не взглянула на неё и не попыталась отодвинуться. Миссис Хаэн сосредоточенно любовалась своим отражением, пляшущим по изломленному заду блестящей тарелки. Наконец, удовлетворившись увиденным, она прокрутила тарелку в ладонях и торжественно водрузила ту на стойку позади себя. Габриэль рвал изнутри смех, но она загоняла тот внутрь себя, понимая, что своей несдержанностью рискует испортить себе целый день, если не месяц. В вопросах воспитания миссис Хаэн была очень строга, она была единственной в семье, кто наказывал девочек и делал им выговоры, поэтому Габриэль и не чувствовала к ней особенной привязанности. Куда больше она любила бабушку, хотя и та подчас казалась ей более чем странной. «Но это же наша семья, – возражала она себе, – здесь нормальных быть не может».

– Мама, – сказала она вслух, – я пойду... надо кое-что повторить.

– Да, конечно, – рассеянно откликнулась миссис Хаэн, не взглянув на Габриэль.

Габриэль, сердито топая ногами, выбралась из кухни и двинулась наверх по лестнице – к себе. Только в своей комнате, похожей на развороченное осиное гнездо, она могла чувствовать себя спокойной и защищённой от любых проблем и безрадостных событий, откуда и когда те ни вздумали бы нагрянуть. Габриэль долго пришлось искать свою школьную сумку: оказалось, что та завалилась под рабочий стол, погребённая под ворохом футболок и джинсов, которые раньше валялись в кресле и мирно ожидали, когда же хозяйка соизволит отнести их в прачечную. Вчера они так же мирно и тихо перекочевали на пол, поскольку Габриэль вдруг срочно понадобилось кресло. «Надо будет тут всё разобрать, – задумчиво решила она, обзвывая массивные открутившегося перед нею поля деятельности, – но... когда? Не очень-то и хочется...»

В половину девятого подъехал школьный автобус. Габриэль и Оона (по-прежнему находившаяся в состоянии глубокого шока и непреходящего волнения) попрощались с матерью и, похватав сумки, выбежали на жизнерадостно облитую солнцем и теплом летнюю улицу. В автобусе Оона несколько оживилась и даже вынула из сумки сборник по подготовке к экзамену по математике. Она была далеко не единственной, кто нервничал. Габриэль, спокойная, словно спящая кошка, лениво оглядела всю внутренность автобуса. Каждый второй ученик, уткнувшись в учебник или справочник, что-нибудь повторял. У Амелии Факт, ехавшей креслом позади них, были печальные глаза, Тэф и Кумм с ужасом взирали друг на друга. Питер сосредоточенно почесывал в затылке. Завязывать разговоры ни у кого сегодня не получалось, если они и начинались, то только приглушённым шёпотком, а затем быстро затихали... Их тревога перетекала к Габриэль, точно по невидимому проводу, к концу поездки она, выбираясь из дверей автобуса рука об руку с трясущейся от страха Ооной, подумала даже: «Нет, всё-таки я ничего не сдам!»

В голове у неё монотонно загудели, повторяясь по кругу, словно проматываемые кем-то злорадствующим на воображаемом диске, слова Люсинды: «Если ты не сдашь экзамены, тебя исключат из школы, тебя исключат из школы – твои родители будут опозорены, твои родители будут опозорены – опозорена будешь ты, вдобавок, ты не получишь аттестата об образовании, следовательно, ты не сможешь получить никакой должности, не получишь должности – будешь всю жизнь сидеть на шее у своей семьи или, что того хуже, опустишься и станешь лицом без определённого места жительства. Если ты не сдашь экзамены, тебя исключат из школы, тебя исключат из школы – твои родители будут опозорены... что того хуже, опустишься и станешь лицом без определённого места жительства, места жительства, места...»

Габриэль изнывала, её руки сами тянулись к волосам, чтобы вцепиться в них, а в горле застывали вопли отчаяния, вызванного стойкостью никуда не уходящего противного голоса. Она молчала исключительно потому, что неподалёку от себя видела высокий конский хвост Барбары и не хотела, чтобы Барбара над нею посмеялась. Хотя у Барбары, кажется, тоже не было никакого настроения шутить и издеваться над окружающими: когда она повернулась, Габриэль заметила ненормальную бледность на её лице и тёмные широкие круги под провалившимися в череп глазами. Барбара в нетерпении ожидала экзамена, все остальные ученики –

тоже. Коридоры напряжённо молчали, каждый шаг слышался в несколько раз громче, чем он был в действительности. Кусая губы, Габриэль посмотрела на часы – без пятнадцати девять. Ей показалось вначале, что эти пятнадцать минут пройдут быстро, промчатся на крыльях, как мгновения, но оказалось, что каждая из них растянулась вдвое и наполнилась тревожным ожиданием. Всеобщая подавленность и страх угнетающе действовали на Габриэль. Она опустила голову, чтобы не видеть взволнованных лиц студентов, но это не помогло. Она всё ещё могла слышать зловещее перешёптывание между Пайпер и Дейрдре Фокс, она могла улавливать кожей, как с каждым новым ударом часов, с каждым новым перемещением стрелки ближе к жирной цифре 9 всё больше напряжения скапливается в коридоре. Все кабинеты были закрыты, снабжённые табличками с указанием, какой экзамен и для какого именно класса пройдет здесь в определённое время. На белёной двери кабинета мистера Сёрджа висела табличка с надписью: «8 класс, отделение «А». Математика, в 09:00». Джессика с замороженным видом стояла у двери и смотрела на неё так, будто напрягала все свои силы, чтобы переколдовать надпись в нечто вроде: «Экзамены отменяются, все вы получаете хорошие отметки за посещение школы в течение года. Желаем удачных каникул, администрация школы им. Альберта Эйнштейна». «Какие глупые мысли лезут ко мне в голову, – с усмешкой подумала Габриэль и снова спрятала голову в ладонях, – как будто бы это не я через десять минут зайду в этот кабинет и начну писать экзамен...». Она попыталась подумать о математике, но повторение всех формул и правил показалось ей чересчур скучным: она действительно знала весь учебник наизусть и могла решить любое задание практически с завязанными глазами. Зато она чувствовала себя далеко не так уверенно: распахнув свой сборник на пятидесятой странице, она с увлечением читала и изредка закидывала голову назад, жмурясь и, очевидно, что-то про себя повторяя.

Коридор пустел. Теперь тут остались лишь ученики из восьмого класса, с отделения «А». Затем, сопровождаемый всеобщим унылым молчанием, появился мистер Сёрдж со связкой ключей в руках и отпёр кабинет, но никого туда не запустил. Для всех студентов оставалось загадкой, что он мог там делать совершенно один, но никто и не думал сомневаться: мистер Сёрдж наверняка творит ужасные дела, например, заменяет все лёгкие экзаменационные задания более сложными, взятыми из допотопных учебников, когда, как говорят, детские головы ещё больше обременяли знаниями. Габриэль казалось, что такое попросту невозможно, однако и она нервничала. Хоть её тревога была куда слабее, чем у остальных, она всё же ощущала, что близка к потере самоконтроля. В последнее время Габриэль пришлось взять себя в ежовые рукавицы: будь она по-прежнему искренна и беспечна, открылись бы многие тайны из тех, что она предпочла бы навеки похоронить в своём сердце.

За семь минут до начала экзамена прибежала потрёпанная Мелисса, на некотором расстоянии от которой спотыкалась о собственные туфли едва дышащая Джоана. Обе они выглядели так, словно дикий звонок будильника разбудил их лишь тогда, когда школьный автобус величаво откатывал от своей последней остановки. Габриэль возвела на подруг вопрошающий взгляд:

– Что, вы обе проспали? Удивительно, что вы прибежали одновременно, вы же живёте в разных концах города.

– А мы сегодня ни на минуту ещё не разлучались, – взволнованным голосом пояснила запыхавшаяся Мелисса, с щёк которой медленно начала исчезать пятнистая краснота.

– Я у неё сегодня ночевала, – гордо прибавила Джоанна. – Скажу вам, девочки, что комната у неё прекрасная, а раскладная кровать – так и просто супер.

– Да мы это и сами знаем, – проворчала Габриэль и толкнула Оону, практически упавшую лицом в учебник, локтем. – А вот вы, похоже, забыли, что у нас сегодня экзамены.

– Нет, почему же, – с совершенно спокойным видом ответила Мелисса, – просто мы чувствуем себя в такой мере подкованными Люсиндой, что нам уже никакие экзамены не страшны.

– С чем и поздравляю, – сухо откликнулась Габриэль. – Кстати, я сегодня не видела ни Люсинду, ни хоть кого-то из ребят. Я думала, что они всё-таки придут поддержать нас.

– Это ты зря подумала, – беспечно отмахнулась Джоанна, – мы совсем недавно её видели. Она, Стивен, Патрик, Линда, Блез и Тэф с Куммом сидят в коридоре на первом этаже, напротив старого класса биологии, и что-то повторяют. У Люсинды такой вид, как будто она готова немедленно удариться в рыдания. Впрочем, она и так практически рыдает, а ребята её успокаивают.

– Тэф и Кумм в том числе? – скептически осведомилась Габриэль.

– Слава небесам, нет, – рассмеялась Джоанна, задорно откидывая голову назад, – но я не исключаю такой вероятности, что они хотели прийти к ней на помощь, только она им не позволила и с криками прогнала.

– Узнаю старую добрую Люсинду, – вдруг прошептала Оона и поспешно снова уткнулась в сборник, словно опасаясь, что это крошечное мгновение, истраченное ею на произнесение своих слов, лишило её большей вероятности на успешную сдачу экзамена.

– А вот старых добрых Тэфа и Кумма я не узнаю, – заметила Габриэль. – Чтобы такие, как они, и вдруг засели за учебники? Получается, сейчас в далёком лесу, о котором никто из нас ничего не знает, что-то большое, старое, мерзкое и вонючее только что преставилось.

– Вечно твои шуточки! – воскликнула Мелисса. – Я не считаю Тэфа и Кумма настолько тупыми, чтобы они не понимали, как велики их шансы завалить все экзамены и вылететь из школы. Я даже рада, что они наконец-то взялись за ум.

– А вот ты не взялась, – меланхолическим тоном упрекнула её Габриэль, – потому что ты сейчас стоишь здесь и весело рассуждаешь о чужих экзаменах, в то время как тебе надо бы хоть свои сдать.

Лицо Мелиссы сразу сделалось мрачным и даже чуточку обеспокоенным. Она двумя пальцами взялась за ремешок своей сумки и покачала его из стороны в сторону, словно очень серьёзно раздумывая над чем-то. Она даже расстегнула молнию и запустила руку в наибольшее отделение, где хранились письменные принадлежности и учебники, но не успела ничего вынуть: в коридор вышел мистер Сёрдж, казавшийся смешно дряхлым и маленьким в окружении молодых, высоких и здоровых студентов, и громко сказал надломленным старческим голосом:

– Класс, проходите в аудиторию! Сумки вместе со шпаргалками оставляйте на пороге.

Барбара скорчила унылую мину: видимо, она заготовила с несколько десятков шпаргалок. Она сдёрнула с плеча свою дорогую белоснежную сумочку, наверняка выделанную из натуральной кожи и проданную за баснословную сумму, и грохнула сумочкой о пол, оставляя её в двух шагах от двери в кабинет. Рядом с сумкой Барбары, словно молчаливые и очень преданные охранники, приземлились сумки её лучших подружек, а затем, на некотором расстоянии, – и сумки всех девчонок и парней в классе, кто был хоть мало-мальски к ней приближен. Со стороны это напоминало некую иерархическую лестницу, над чем Габриэль обязательно поострила бы в более благоприятное время. Но сейчас её одолевало единственное, но оттого и столь сильное, что ему практически невозможно было противостоять, желание – желание притвориться больной, тупой, умирающей, лишь бы убежать отсюда и никого и ничего не видеть, ничего не делать и не волноваться. Она совсем уже забыла о том, что знает учебник наизусть, что точные науки – это её конёк и явная слабость, она чувствовала себя столь же неуверенно, сколь, наверное, и Мелисса, ненавидевшая математику. Мистер Сёрдж стоял внутри класса, справа от дверного проёма, и острым пронизательным взглядом сканировал каждого студента, переступавшего порог. Под этим взглядом Габриэль вздрогнула и стиснула руки в кулаки. У неё не было с собой никаких шпаргалок и справочников, однако ей казалось, будто её всё-таки уличили в некоем преступлении и теперь готовы отвести на немедленный расстрел. Мысли путались у неё в голове, ладони потели, а колени дрожали столь сильно, что

ноги у неё подкашивались, делались непростительно нетвёрдыми и делали вязкие и неуверенные шаги, словно она пробиралась сквозь зыбучие пески. Ей каждое своё движение приходилось совершать с усилием, словно отвоёвывая собственное тело у сковывающего страха. Во рту у неё пересохло, язык плотно прилип к нёбу. Краснота неожиданно, подло начала оккупацию каждого миллиметра её лица; в это же время кончики её пальцев не менее предательским образом начали крупно трястись, будто бы у неё начиналась лихорадка. Она прошла мимо мистера Сёрджа, с усилием повернула голову и сконцентрировалась на пустующих партах. Её глаза неконтролируемо разбегались в стороны.

– Мисс Габриэль Хаэн, – звучно пропечатав её имя, приказал мистер Сёрдж, – Вам туда, – и указал ей сухим костлявым пальцем на одинокую парту, придвинутую практически вплотную к окну. Окно плотно прикрывали полосы жалюзи, так что на широкий подоконник удавалось скатиться лишь ничтожно малому количеству солнечных лучей.

Габриэль молча кивнула. Это указание она даже не восприняла, скорее, её направление к стулу движение пальца мистера Сёрджа. Она поплелась к парте, периодически выписывая странные петли и шатаясь от одного ряда к другому. Но многие ученики в классе вели себя точно так же. Амелия Факт, получив от мистера Сёрджа указание, так и осталась стоять, глядя на него огромными, подёрнутыми туманной влажной плёнкой глазами и крупно трясясь.

– Вторая парта в центральном ряду, мисс Факт, – с заметным утомлением повторил мистер Сёрдж, и тут Амелия расплакалась.

– Я ничего не сдам! – воскликнула она и вцепилась обеими руками в свои аккуратно заплетённые косы. – Я ничего не знаю, сэр!!

Барбара и Джессика, рассаженные в разные концы класса, остановились на полпути и с любопытством оглянулись на Амелию, которая продолжала громко рыдать, краснея и стискивая в трясущихся кулаках свои косы. Мистер Сёрдж заговорил добросердечным и участливым тоном:

– Мисс Факт, Вы чересчур взволнованы... конечно же, Вы всё сдадите, Вы старательно готовились... не бойтесь, мисс Факт, то, что Вы напишете, будет лишь немногим отличаться от обычной проверочной работы...

Амелия по-прежнему безутешно рыдала. Отчаявшись её успокоить, мистер Сёрдж повернулся к классу и потребовал:

– Кто-нибудь, принесите мисс Факт стакан воды!

Помочь Амелии живо вызвался Дэвид Ди. Он быстро, в несколько минут, примчался с гранёным стаканом, наполненным водой, и сунул его в дрожащие руки к Амелии. Та с благодарностью приняла стакан и, клацнув об его край зубами, стала пить, пока на дне не осталось ни капли. Только тогда она сумела успокоиться, и мистер Сёрдж продолжил распределять студентов по их местам. К тому времени уже многие успели обменяться советами и шпаргалками, спрятанными где-то в ботинках, в узлах галстуков и под манжетами рубашек. Габриэль заметила, как Джоанна аккуратно протянула свою шпаргалку Мелиссе, и Мелисса с вороватым выражением лица затолкала шпаргалку к себе в рукав. Мистер Сёрдж, отирая пот с покрытого густой сетью морщин лба, подошёл к своему столу, наклонился и выдвинул первый из его многочисленных ящичков. Деловито хмурясь, он извлёк из ящичка внушительную по толщине стопку белых листов и водрузил их на самое заметное место на своём столе, чтобы все ученики их видели и представляли себе, с чем им предстоит иметь дело. У Мелиссы мертвецки побелели щёки, Барбара стала сосредоточенно дёргать себя за кончик хвоста, видимо, борясь с желанием засунуть его к себе в рот. Мистер Сёрдж аккуратно развязал устрашающего вида узел, стягивавший листы в плотно спрессованную стопку, и начал раскладывать её, словно пасьянс. Тридцать пар глаз метались вслед за каждым его движением. По виску Габриэль противно сползала капля пота.

Наконец, мистер Сёрдж закончил со своим метанием и поднял строгий взгляд на класс. Сердце у Габриэль задрожало – против её собственной воли оно переполнялось отчаянием и безнадёжностью.

– Итак, – сказал мистер Сёрдж, кивнув в сторону стопок, – то, что вы перед собой видите, и есть ваши экзаменационные работы.

Он роздал стопки с работами каждому студенту, пройдясь между рядов с необыкновенной быстротой и неожиданным проворством. Габриэль сразу схватила свой большой, белый, скреплённый металлической скрепкой для надёжности, лист и развернула его; так же поступили и многие отличники в классе, а также те, кто находился с математикой в сердечной дружбе. Те же, кого математика пугала, устремили вначале непонимающие взгляды на мистера Сёрджа. Мистер Сёрдж же вернулся за свой стол и занял место за ним. Лицо у него было отстранённое, величественное и даже строгое, словно он был незнакомым экзаменатором, явившимся принимать у них GCSE. Габриэль боялась даже посмотреть на него, а уж задать ему вопрос – тем более.

– Что ж, – мистер Сёрдж сдержанно прокашлялся, – сейчас вы приступите к выполнению экзаменационной работы, состоящей из трёх этапов. Каждый новый этап содержит задания более высокого уровня сложности по сравнению с заданиями предыдущего этапа. Внутри каждого этапа задания также расположены по степени их усложнения. За каждое правильно выполненное задание первой части вы можете набрать от одного до трёх баллов. За задания второй части – от трёх до шести. И, наконец, за задания третьей части вы можете получить от шести до девяти баллов. Баллы могут сниматься за помарки в бланке ответов и небольшие нарушения в решении с тем условием, что ответ получился верным и ход ваших мыслей был правильным. На выполнение работы вам даётся ровно два астрономических часа. Внутри вашего комплекта с заданиями лежат черновик и ручка, которыми вы будете пользоваться. Если вы окончите писать экзаменационную работу раньше отведённого срока, спокойно проверьте все ещё раз, не полагайтесь на гениальность, которую многие одарённые ученики обычно проявляют только в черновиках.

Джим Поллес нервно почесал переносицу.

– Черновые записи, как вы должны были бы уже знать, при проверке бланка ответов не учитываются. За попытку использовать шпаргалку, повернуться к соседу либо что-то ему подсказать вы будете удалены с экзамена, – голос мистера Сёрджа звучал непривычно сурово. – Результаты этого экзамена, равно как и всех остальных, будут вам известны через две недели после сдачи вами последнего экзамена. На дом к вам должны будут прийти извещения из школы с выставленными экзаменационными балами. Чтобы сдать, вам нужно правильно решить хотя бы всю первую часть, – и он обвёл выразительным взглядом Гордона, Барбару и Джеффри Дугласа, студента, уместившегося на последней строчке в списке успеваемости после того, как Люсинда решительно принялась за дрессировку Мелиссы.

Мистер Сёрдж выждал несколько мгновений, ожидая, что хоть кто-нибудь задаст ему вопрос, но никто так и не раскрыл рта. Наконец, он сказал, складывая руки на груди:

– Итак, начинаем! Будьте очень внимательны и аккуратны!

Габриэль была уверена, что последние слова относились к ней, поскольку в школьных тетрадах она создавала такой же неопишумый дикий хаос, как и в своей комнате. Но она проигнорировала предупреждение мистера Сёрджа и быстро схватила лист с заданиями в руки (лист протестующе зашелестел и скрипнул, в него глубоко впечатались её вспотевшие от напряжения пальцы). На титульном листе были пропечатаны жирными большими буквами всего две строчки:

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ РАБОТА

для учеников 8 класса, отделение «А».

«Ну-ка, давай посмотрим на тебя, экзаменационная работа», – подумала Габриэль и отогнула титульный лист в сторону. На следующем листе красовалась ещё одна надпись, выполненная более мелким шрифтом:

Часть 1

Ниже галочкой согнулся номерной знак, а рядом с ним – цифра 1. Габриэль быстро пробежалась глазами по строчкам задания: «Выполните умножение...»

«О, я это знаю! – радостно подумала она, и на сердце у неё сделалось немногим легче. – Даже в уме могу это решить!»

Однако ей не хватило необузданной смелости на то, чтобы решить задание в уме без проверки письменно: хотя этот пример был прост до примитивизма, ей казалось всё же, что именно в нём она ошибётся и разочарует мистера Сёрджа, что она сама почувствует себя после полнейшей идиоткой. Ручка, выданная школой, была непривычно тонкая, и писала она светлыми чернилами, которые Габриэль ненавидела, поэтому ей не доставляло такого удовольствия склоняться над черновиком и следить обоими косящими в разные стороны глазами, как на бумагу укладываются цифры простого и элегантного решения. В такие минуты, когда на неё снисходило вдохновения, и всё начинало казаться ей смешно простым, она была готова полюбить даже свой почерк, который окружающие, и она сама подчас, считали нечитаемым. Она любила свой почерк в эти минуты потому, что он становился по-настоящему красивым. Когда она отпускала свои мысли и переставала напрягаться, изображая из себя то, чем не являлась, ей всё делалось легко, и её рука писала точно так же, без особенных усилий, изящно выводя буквы и цифры. Габриэль стремительно проехала горящими глазами по длинному экзаменационному листу. Всего в первой части было двадцать восемь заданий. Они не представляли для Габриэль никакой сложности, стремительно расщёлкивая их, словно примеры для учеников начальной школы, она даже мысленно посмеивалась и улыбалась уголком рта – выглядело это довольно-таки зловеще. Часы, висевшие на стене позади стола мистера Сёрджа, равномерно отсчитывали секунду за секундой, длинная красная стрелка быстро вращалась по циферблату, чёрная же стрелка, покороче и потолще, сдвигалась со своего места с какой-то лентой, словно она, как и студенты, часто вскидывавшие головы и с мольбой смотревшие на неё, могла не выспаться и потому не желать куда-то сдвигаться. Но самая короткая и самая толстая из часовых стрелок, та, что стояла на цифре 9, и вовсе пребывала в полнейшей неподвижности. Казалось, что только при помощи величайших усилий удастся столкнуть её с места, придвинуть хотя бы чуть-чуть ближе к следующей отметке – 10...

Габриэль была столь увлечена, что на часы она вовсе не смотрела. Она забыла о времени, о том, что у неё сейчас идёт экзамен, о том, что через несколько рядов от неё сидят Джоанна и Мелисса, что в сумке её, оставленной за порогом, лежит блокнот, в чьём сердце находится обличающий её портрет Эстелла, она забыла даже о том, кто она такая, потому что все её помыслы и самое её дыхание заменило дело, которым она увлечённо замечалась сейчас. Она перелетала тоненькой ручкой по белой бумаге. Первая часть осталась далеко позади, теперь Габриэль увлечённо сражалась со следующим этапом. Это сражение можно было охарактеризовать следующим образом: Габриэль, вооружённая своими знаниями, умом и пониманием предмета, победоносно наступала, а этап трусливо прятался на своих позициях, изредка делая неудачные вылазки и эти позиции одну за другой оставляя. Габриэль шептала про себя сумасшедшим голосом: «Как легко... Боже правый, как же это легко... как детская задачка...»

Мистер Сёрдж подозрительно поглядывал на Габриэль поверх бумаг. Только она, не замечая его слезки и прикинув к парте, продолжала увлечённо писать, считать и тихонько, с удивлением, восклицать, когда неожиданное и такое простое решение снисходило к ней в голову.

Так текло время. Барбара с отсутствующим видом смотрела в спину Гордона Фэя, сидевшего впереди неё с опущенной головой и с ненавистью раздиравшего взглядом шестнадцатый вопрос первой части. Мелисса взволнованно кусала ручку. Дэвид Ди, напротив, с увлече-

нием перелистнул ещё один лист вперёд и приступил к выполнению третьей части. Амелия Факт изредка шмыгала носом и мигала покрасневшими глазами, но уверенно работала, лишь изредка останавливаясь, но для того, чтобы посмотреть на часы и вновь склонить голову. Джоанна сосредоточенно загибала пальцы и что-то прищёптывала себе под нос одними губами. Джессика Лоуренс беззвучно плакала, выражение её лица представляло собой смесь страха, отчаяния и боли. Мистер Сёрдж просматривал какие-то документы, лежавшие на его столе перед студентами ближайшего к нему ряда, и тоже, видимо, о чём-то напряжённо размышлял, судя по упорному блеску, что появился у него в глазах, и по заметнее других прорезавшейся складке на его жёлтом, словно старый пергамент, лбу. Временами мистер Сёрдж отвлекался от своих размышлений, осматривал класс и, по всей видимости, всем довольный, снова погружался в просматривание документа, которым он был занят столь же серьёзно, сколь и его ученики – экзаменационной работой.

Но, когда тяжёлая и ленивая короткая чёрная стрелка всё-таки неохотно перевалилась на отметку 10, мистер Сёрдж закончил читать присланный ему кем-то важный документ и тяжело поднялся из-за своего старого рабочего стола. Он заложил руки за спину и принялся прохаживаться между рядов. Многие ученики краснели и встревоженно вздрагивали, увидев его приближение. Барбара поёрзала на своём месте, словно что-то вспомнив, и с увлечением склонилась к листку. Джессика прекратила плакать, схватила ручку и стала быстро писать. Дэвид Ди с гордым видом оглядывал свою работу, которую он завершил раньше всех в классе, но, помня наказ мистера Сёрджа, вёл себя так тихо, словно он неожиданно умер. Мелисса прекратила грызть ногти, от которых практически ничего не осталось, и тоже наклонилась к парте. Джоанна что-то считала на черновике, поворачивая его к себе под различными углами. Мистер Сёрдж приближался к парте Габриэль. Возле каждого студента он останавливался и, склонив голову, изучал краем глаза его работу. На правильно выполненные задания он одобрительно кивал и улыбался, на ошибки фыркал и морщился, но никому не подал ни единого знака ни словом, ни жестом, где эти ошибки кроются. Ученикам приходилось следить за мельчайшим движением его потускневших под бременем лет глаз, однако эти глаза ничего не выражали и практически не двигались. Они не метались по строчкам, а планомерно опускались вниз, так что понять, чем именно он недоволен, делалось совсем затруднительно.

Габриэль взяла небольшую паузу. Она чувствовала себя вымотанной, но в то же время ей хотелось быстрее отдохнуть, набраться новых сил и идей и двинуться на решительный штурм последних трёх заданий последней части. Эти задания были на редкость упрямы и сложны, они не пожелали сдаться ни после первого, ни после второго предупредительного залпа и только приосанились, словно насмехаясь над нею. Габриэль ненавидела, когда над нею смеялись. Поэтому она чуть слышно зашипела сквозь зубы с недовольством и попыталась с отчаянного броска взять хотя бы самое простое из трёх заданий, но оно не далось ей, решение ускользнуло от её разума. Габриэль ощутила, как её мозг стремительно наливается усталостью. Она видела, что Дэвид Ди уже решил всю третью часть работы, и она до дрожи, заставлявшей клацать зубы, завидовала ему. Она не хотела быть обойдённой им и чувствовала свою вину в том, что позволила ему опередить себя. Вначале Габриэль даже вовсе пожелала не позволять себе никакой передышки, однако в ней вовремя заговорил холодный трезвый голос рассудочности и заставил приподнять от парты разгорячённую идеями и мыслями голову, в которой толкались только формулы, только алгоритмы и все последовательности логических размышлений, что она, ненавидевшая логику, старательно зубуривала наизусть, когда была в состоянии заставить себя приступить к зубрёжке. Габриэль подняла голову и прищурилась, чтобы разглядеть часы. Велико было ее удивление, когда она увидела, что самая ленивая из всех часовых стрелок подползла к отметке 10 и прочно установилась на ней...

«У меня осталось совсем немного времени, – озабоченно подумала Габриэль, – всего час... я должна всё проверить и успеть занести в бланк ответов».

Не существовало такой сложности, с которой она не смогла бы справиться теперь, в таком приподнятом и одушевлённом настроении, как сейчас... Однако Габриэль милостиво выделила своему мозгу десять минут блаженного отдыха, в течение которого она не вспоминала ни о своих проблемах с семьёй, ни о том, как она ненавидит ссоры и затаённую вражду между бабушкой, родителями и бабушкой и дедушкой с отцовской стороны, ни, тем более, о Бертраме Эстелле. Её мозг наполняли какие-то разрозненные картины, между которыми и реальностью, как она думала, вообще не существовало никакой связи, ей хотелось уснуть, улететь, умчаться – сделать всё, что угодно, лишь бы прочувствовать в полной мере, сколько радости могут доставить эти картинки, действовавшие на неё так успокаивающе. Эти картинки были светлыми, чистыми, они показывали какое-то нереальное, светлое будущее, к которому хотелось потянуться из надежды, что оно не отшатнётся и не развеется в дым, как это делают все обыкновенные сны и мечтания, но само подается в руки и станет твёрдой реальностью, в которой будет жить она, Габриэль, её семья и все её друзья. В этой реальности, конечно, не было места тем проблемам, которые так угнетали Габриэль в последнее время. В этой реальности делалось возможным всё – даже о том, о чём удавалось мечтать единственно с опаской и лёгким налётом беспринципного цинизма.

Но эти блаженные десять минут кончились, и железная рука собственной воли заставила Габриэль отвернуться от таинственного яркого будущего, что вдруг открылось перед ней, и снова опуститься на землю, а конкретно – на стул, и склониться над партой, и вместо воображаемых нереальных картин упереться взглядом во вполне осязаемый светлый плотный листок с экзаменационными заданиями, который, возможно, был не столь привлекателен, но всё же существовал в действительности и не имел никаких шансов убежать от неё. Он вполне мог изменить всю её жизнь – Габриэль была уверена, что ни она, ни её семья не переживут заваленного ею экзамена.

«Не время думать об этом, – приказала себе Габриэль, и слабая частичка её души разлилась в бесполезных рыданиях. – Есть куда более важные вещи!»

Первое из трёх заданий сдалось ей неохотно, с затаённой злобой и неприязнью. Но Габриэль и сама не чувствовала больше яростного желания отличиться, стать самой лучшей, самой умной, ей не хотелось заниматься тем, что было ей дорого и близко: наваливалась усталость, которой она пока не замечала. Габриэль вздохнула и принялась за предпоследнее задание. Она могла справиться лучше, решения, вымучиваемые ею, были такими стандартными, такими скучными и поразительно неизящными. Ей хотелось пойти более умным путём – но только где-то в отдалённом уголке души, прочая же часть её желала только одного – скорее разделаться с этим экзаменом и отдохнуть – возможно, мечтая.

Габриэль поставила жирное двоеточие справа от слова «ответ» и быстро нацарапала две цифры: «0; 6» – это и было решением последнего номера в последней части экзаменационной работы. Габриэль отвела от себя черновик и всмотрелась в него глазами, с трудом привыкающими что-либо различать на увеличенном расстоянии. Она чувствовала внутренне, что всё сделала правильно, однако продолжала с бессмысленным упорством проверять себя, решать задачи иными способами, переворачивать примеры с ног на голову, лишь бы удостовериться в своём ответе. Она не хотела, чтобы у неё осталась хоть крупинка свободного времени, поскольку внутри неё жило трусливое понимание: если она позволит себе отвлечься, она вновь вспомнит о семье, о друзьях, об Эстелле и начнёт страдать. А страдать Габриэль вовсе не хотелось, особенно в такой важный и трудный день.

«Это всё совершенная чепуха, – снова пробурчал здравый смысл в её голове, – займись лучше более важным делом: перепиши свои решения в бланк ответов, сдай все свои экзамены, и вот на каникулах мучайся, сколько тебе пожелается».

«Разумно, – согласилась Габриэль и занесла первый свой ответ в бланк, – но ты, здравый смысл, подумай, может быть, мне нужно пострадать именно сейчас? Ведь если я не буду

выплёскивать всё то, что во мне накопилось, я с ума сойду, и даже быстрее, чем закончится экзаменационная неделя».

«Ты и так сумасшедшая, – спокойно ответил здравый смысл, – ты же сейчас разговариваешь с каким-то непонятным голосом в собственной голове, но нисколько не удивляешься тому, что у тебя появился мысленный собеседник, ты даже не думаешь, что это – первейший признак шизофрении. Ты неаккуратна, не умеешь поддерживать в порядке собственную комнату, как сумасшедшая, ты думаешь о себе в третьем лице, тебе кажется, что кому-то есть дело до слежки за тобой; вдобавок ты разговариваешь со мной и воспринимаешь это как должное. Мне придётся сообщить тебе, Габриэль – притом с величайшим прискорбием, – что ты уже законченная шизофреничка и шансов спасти тебя, кажется, нет. Ведь тебе намного удобнее грязнить собственную комнату и только обещать себе – и мне заодно – убраться в ней, обращаться к себе в третьем лице, потому что ты ненавидишь собственное имя и себя тоже ненавидишь. Ты и меня выдумала для того, чтобы с кем-нибудь секретничать. И вот, когда я родился, я навсегда останусь в твоём разуме, доведу тебя для палаты в доме скорби... тебе не страшно?»

«Нет... с чего бы это? – несколько покривив душой, поинтересовалась Габриэль у здравого смысла. – Ты же нереальный, как тебе удастся свести меня с ума? Да и мы с тобой – единое целое; захочешь заставить меня сбрендить, сам станешь сумасшедшим. А тебе, по-моему, нравится чувствовать, что ты умнее и сильнее меня».

«Ты, Габриэль, конечно, права, – с оттенком неудовольствия в голосе согласился здравый смысл, – но ты кое о чём забываешь. Может, мне надоело быть твоим здравым смыслом? Ты же никогда меня не слушаешь, поступаешь, как тебе захочется, а мной пренебрегаешь... я чувствую себя ущемлённым и обиженным, Габриэль. Вот тогда, когда мне окончательно опротивееет быть всегда на вторых ролях в твоей голове после тараканов, которых тут полно, я уйду, и ты станешь сумасшедшей в прямом смысле этого слова. Видишь теперь, как всё просто? Признаться, я тебе немного приврал, чтобы запугать и заставить себя слушаться. На самом деле ты никогда не сумела бы меня выдумать: ты же даже не знаешь, что такое здравый смысл, хотя я у тебя есть. Всё объясняется тем, что я так устал... ведь это до одурения плохо, когда тебя не слушают, Габриэль! Вот я и решил сам с тобой пообщаться – как видишь, ты ни этому не удивляешься, ни моим прежним словам и всё так же спокойно продолжаешь выполнять свою работу. Габриэль, ты стоишь на кромке сумасшествия. Послушай меня и поскорее сверни с дорожки, по которой ты уже не идёшь, а катишься».

«Ну и как это сделать, интересно? – ощерившись, мысленно спросила Габриэль. – Может, подскажешь?»

«Как образцовый голос здравого смысла, я должен помогать тебе, даже если ты будешь упорно от меня отрещиваться, – с гордостью ответил он, – поэтому, так и быть, я тебя научу. Ты не думай, что это ради тебя! Я уже не такой юный, чтобы легко сменить место жительства. Поэтому, Габриэль, сделай три главные вещи: во-первых, прекрати осуждать свою семью, во-вторых, начни уделять больше времени учёбе, на подработку устройся, наконец, чтобы научить себя дисциплине, и, в-третьих, разлюби Эстелла».

«Замечательно, – после некоторого молчания сказала Габриэль, – ты мне предлагаешь что-то уж слишком сложное, здравый смысл! Как я могу прекратить осуждать свою семью, если она никак не хочет исправиться и научиться нормально относиться друг к другу?! Я даже представить себе не могу, чтобы моя мама и бабушка когда-то были лучшими подружками и секретничали, и не могу представить, чтобы родители моего папы его любили и называли своей гордостью. Как можно спокойно слушать все их ссоры и потом совершать любые глупости, лишь бы они не стали перетягивать меня на свою сторону? Нет, здравый смысл, кажется мне, что в этих вопросах я немного поумнее тебя. Насчёт второго пункта... это представляется мне самым лёгким, пожалуй, я только его и выполню. Но третий... если бы ты знал, как я сама старалась избавиться от этого идиотского чувства, ты не стал бы требовать от меня столь

многого. Я не могу его разлюбить, если бы я могла, я уже давно это сделала бы. А вот теперь, здравый смысл, попробуй только доказать мне, что ты разумнее меня».

«Ты потакаешь самой себе, – отчитал её здравый смысл, – тебе легче сказать, что ты не можешь одолеть собственную слабость, чем приложить все усилия к тому, чтобы от неё избавиться. Поверь, если человеческий разум способен был возвести пирамиды, полететь в космос, изобрести атомную бомбу – хоть это последнее столь глупо, – то задавить в себе какое-то ничтожное чувство он тем более способен! Для желания есть миллион лазеек, лень не видит ни одной из них».

«Хватит читать мне заумные лекции! – злобно подумала Габриэль. – Ты слишком холодный для того, чтобы понять меня. Я же не изобретала атомную бомбу, не летала в космос и не возводила пирамиды, во мне нет и сотой доли того, что было в тех людях. Я хочу просто жить спокойно, а уж кого я люблю и что думаю о своей семье, – это не твоё, здравый смысл, дело. Ты слишком отличаешься от меня для того, чтобы я тебе разрешала влезать в такие секретные дела».

«Ты всё-таки неотвратимо катишься к сумасшествию, – проворчал здравый смысл, – эти твои проблемы возникают именно от твоей лени, Габриэль. Тебе удобно чувствовать себя жертвой, поэтому ты обращаешь такое большое внимание на отношения бабушек и дедушки к своим родителям, поэтому ты любишь Эстелла – именно Эстелла, а не кого-либо иного. Тебе очень хочется пожалеть себя, и ты ищешь миллион поводов к тому, чтобы это сделать. Ответ, как видишь, очень прост».

Габриэль не знала, что можно на это возразить, но не стала и пытаться найти внутри себя какие-нибудь достойные слова. Ей спас гулкий звонок, потрясший школу, и голос мистера Сёрджа, который, вернувшись на своё место посередине класса уже давно, громко сказал:

– Экзамен окончен! Все оставайтесь на своих местах, пока я соберу ваши работы!

Барбара, нацелившаяся сбежать, резко хлопнулась на стул снова и недовольно нахмурилась. Мистер Сёрдж обошёл столы, быстрыми движениями пальцев сдёргивая с них бланки ответов. Габриэль потерянно смотрела, как её бланк, первая половина которого была заполнена чёткими и красивыми, а вторая – кривыми и уродливыми цифрами, исчезает под наслоениями чужих работ. Мистер Сёрдж не успел ещё вернуться к своему месту, как истосковавшиеся и утомившиеся ученики рванули сквозь двери. Габриэль протолкалась в коридор первой, больно прижав плечом к косяку ойкнувшую Барбару. Она подхватила свою сумку, ревниво прижала ту к себе и поспешила прочь от кабинета: ей казалось, что именно там остался её здравый смысл, и он вот-вот побежит нагонять её, чтобы задать новый провокационный вопрос и загнать её в тупик своими абсурдными умозаключениями.

До часа дня – времени начала второго экзамена, биологии, – ученики имели право немного расслабиться, перекусить, посидеть на школьном крыльце, любуясь солнцем и позволяя его нежным лучам поглаживать себя по лицу. Был конец июня – прекрасная пора, в которую таким сильным становится желание забыть обо всех своих делах, броситься ничком в нагретую траву, на мягкую землю, и, закрыв глаза, всего лишь мечтать, радуясь тому, что мечты – это единственное в жизни современного человека, что недоступно для окружающих, пока сам современный человек не додумается продать и принизить собственную мечту, выставив её на всеобщее любование в социальных сетях или поделившись ею с болтливой подружкой. Габриэль села на ступенях школьного крыльца, как то было для неё привычно, и крепко зажмурилась. Она была встревожена, ей не хотелось ни с кем сейчас общаться. Она чувствовала сильную необходимость разобраться в том, что произошло на экзамене. Она спрашивала себя: «Так, получается, всё оставшееся время я разговаривала с самой собой? Конечно, я говорила с самой собой, но почему-то такие мысли никогда не приходили ко мне в голову. Действительно... это может значить только одно: я скоро помешаюсь. Нельзя было сказать, – она невесело усмехнулась, – что я раньше была настолько уж вменяемой, но я никогда не думала,

что я могу сделаться ещё более ненормальной, чем сейчас. Впрочем, кого я сейчас пытаюсь обмануть – снова?! – с тех пор, как я полюбила Эстелла, я совсем потеряла уверенность в себе. Мне самой неизвестно, что за трюк я вздумаю отмочить в следующую минуту. Интересно, это тоже признак помешательства?»

Неподалёку послышалось увесистое топание тяжёлых ног – на полупустое крыльцо, лишь начавшее заполняться измождёнными учениками, выбрались Тэф и Кумм. Они двое протиснулись сквозь двери, прижимая друг друга массивными плечами к косякам. Оказавшись на свободе, оба обменялись счастливыми взглядами и облегчённо вздохнули полной могучей грудью. Габриэль повернулась к Тэфу и Кумму, смерила их усталым и завистливым взглядом и снова спрятала голову у себя в коленях. Spина её начала ощутимо вздрагивать, ей показалось, что она как никогда близка теперь к рыданиям. Она пару раз с наслаждением негромко всхлипнула, но ни одна слезинка не вздумала показаться из её глаз. Солнце уже не приятно грело её, но жарило.

«Не хочу никуда отсюда уходить, – подумала Габриэль и, чуть приподняв локоть, выглянула во внешний мир: на крыльце по-прежнему оставались только она, Тэф и Кумм. – Хочу всю жизнь просидеть здесь и никого не видеть».

И тут массивная тень подкралась к ней, опустилась рядом и съела солнечный свет, вылившийся на высокие ступени.

– Габриэль, – пробасил Тэф более умным, чем она ожидала, голосом, – ты плачешь.

– Ничего я не плачу, – отрезала Габриэль гнусавым расстроенным голосом. – Уйди, Годрик.

– Джимми тоже плакал из-за экзаменов, – сказал Тэф, как будто её и не услышав, – и нервничал знатно. Мы с ним долго занимались всю эту неделю.

– Вы занимались? – безрадостным тоном спросила Габриэль.

Это признание нисколько не удивило её; скорее, она задала вопрос только для того, чтобы собственным голосом заглушить бесновавшиеся в голове мысли.

– Ну да, – оживлённо подтвердил Тэф, и из его голоса исчезли последние нотки глупости, – мы не вылезали из-за учебников! И знаешь ли, Хаэн, у нас даже удалось раздобыть за это время часть журнала «Познаём непознанное», ну, это эстелловский журнал, его Мэллои печатают, ты же знаешь...

– Знаю, – безжизненно ответила Габриэль. Но, стоило смыслу этих слов добраться до её мозга, как она встрепенулась и петушиным голосом переспросила: – Вы читали... что?!

Квадратное, похожее на необожжённый кирпич, лицо Годрика, не скрывавшее в себе ни капли потаённого разума, вдруг осветилось изнутри пытливым умом и расплылось в довольно-таки приятной на вид улыбке.

– Ага, мы его уже семь лет выписываем. В космосе много всего интересного. Вот и сдаём мы физику, чтобы когда-нибудь... – он вдруг покраснел, покосился на Габриэль весьма подозрительно и вздохнул, – ну, чтобы просто...

– Понятно, – теряя интерес, ответила она и опять упала лицом в колени.

Голос Годрика, который она теперь истово ненавидела, продолжал строить предположения у неё над головой:

– А всё-таки тебя не экзамены расстроили, Габриэль. Я видел, ты очень много о чём-то плохом стала думать в последнее время. И... – Тэф понизил голос и несмело оглянулся, – я видел, как ты плачешь. Вышло как-то... случайно.

– Ты – видел? – ахнула Габриэль и взвилась, будто рассерженная кобра. В мгновение она ухватила Тэфа за воротник и приблизила своё пылающее от страха и стыда лицо к его лицу, оставшемуся безмятежно спокойным, словно он ожидал от неё именно такой реакции. – Да если ты вздумаешь кому-то сказать, то я тебе... я тебе голову оторву! – не придумав угрозы пострашнее, она вдруг ощутила своё ничтожество, поняла, как слаб её кулак по сравнению

с кулаком Тэфа, напоминавшим каменную плиту в несколько тонн весом, и обессиленно опустилась на ступеньки. Плакать ей больше не хотелось, но желание куда-нибудь убежать отсюда, из этой школы и вообще – из этого города – вдруг стало непереносимым.

Тэф вздохнул и подпёр массивную голову здоровенными ручищами. Рукав его рубашки завернулся от яростно движения Габриэль, и ей стала видна густая, немного выющаяся светлая растительность на его загорелой коже. Её взгляд невольно опустился к этим волоскам и словно запутался в их непроходимых дебрях. Тэф покраснел – раньше она думала, что он не умеет этого делать, – и поспешно одёрнул рукав рубашки. К его лицу прилила краска, и он тоже потупился, как будто в действительности смутившись. К Тэфу молча подсел Кумм, подсел и стал смотреть в небо, полностью поглощённый колышущимися на ветру светло-зелёными кронами молодых деревьев, что посадили в школьном саду добровольцы, давно уже навсегда выбравшиеся за оцепившие территорию ворота. Грусть возобновила крадущиеся движения к Габри в душу, будто кошка, ищущая любую лазейку, чтобы подластиться к рассерженным на неё хозяевам.

– Ну так, Габриэль, – заговорщицким тоном продолжил Тэф, подталкивая её локтем, – что ты скажешь насчёт того, что я... ну, в курсе, почему ты так расстроена?

«Знает?!»

– Ничего ты не знаешь, – поспешно выплюнула Габриэль и отвернулась от Тэфа окончательно, чтобы утвердиться в собственном мнении. – Ты за мной не следишь.

– Вообще-то, видел пару раз. Я тебя всегда замечаю, – с гордостью заявил Тэф и выпятил вперёд грудь.

– Это ещё почему? – подозрительно оглянувшись через плечо, поинтересовалась Габриэль.

– Ну, потому... – Тэф замялся, явно стесняясь что-то сказать, но затем всё-таки заявил: – Ты такая... занятная.

– Читай – «сумасшедшая», – съязвила Габриэль угрюмым голосом.

– Потому и занятная, – степенно кивнув, согласился Тэф. – Я, по-твоему, нормален?

Габриэль смерила его долгим взглядом. Старательно поддерживаемая личина непроходимого грубияна, задиры и идиота, вещи, мешком и неловко сидящие на его огромной мощной фигуре, будто из брезгливого нежелания плотнее прилегать к телу, разъезжающиеся в стороны бессмысленные глаза, выходки одна другой страннее... Она фыркнула и снова отвернулась:

– По-моему, ответ очевиден: ты ещё больший псих, чем я.

– Но меньший, чем я, – впервые подал голос Кумм.

– Конечно, – усмехнувшись, пробурчал Тэф в ответ на это хвастливое замечание и тут же так резко и внимательно вонзился обоими глазами в спину Габриэль, что она вздрогнула и невольно метнула на него быстрый взгляд из-за плеча: – Хаэн, знаешь, мы же все немного в себе. Это, по-моему, интересно, когда ты мыслишь не так, как принято.

– Это было принято для того, чтобы жить было легче, – буркнула Габриэль, по-прежнему не испытывая ни малейшего желания продолжать такую странную беседу и спрашивая себя, отчего же она всё ещё это делает. – Всё так очевидно, Тэф...

– Это было принято для того, чтобы закрепить тебе мозг, – поспешно парировал Тэф, и его поумневшие глаза радостно зажглись, – если будешь постоянно смотреть на жизнь под одним и тем же углом, ничего нового не придумаешь, верно?

– А оно мне надо? – невесело спросила Габриэль и вдруг оживилась, наполнившись саркастическим презрением к Тэфу, который сидел тут, не ведая ничего об её страданиях, и пытался научить её мыслить так же, как и он: наверное, чтобы приобрести себе третьего абсолютно ненормального друга в компанию. – Хотя, Годрик, да, иногда да, иногда мне хочется посмотреть на жизнь под другим углом, чтобы придумать, как мне научиться существовать нормально! – и она злобно всмотрелась ему в глаза.

– Вот видишь, – удовлетворённо заметил Тэф, – ты уже хочешь что-то изобрести. Ты хочешь поменять свою жизнь, хочешь изменить угол своего зрения – значит, ты уже не можешь помещаться в прежние рамки. Оттого тебе тесно, оттого ты грустишь, плачешь и всё прочее. А если бы ты хоть на минуту поверила, по-настоящему поверила, что ты способна изменить правила игры, тогда тебе сразу сделалось бы намного легче.

Тэф замолк: в дверях появился силуэт Мелиссы, за которой толкалась длинная вереница уставших учеников. Тэф поднялся, на прощание посмотрел на Габриэль долгим разумным взглядом и вразвалочку отошёл. Он снова казался идиотом, весьма занятно вращал глазами и издавал звуки, неотличимые от слоновьей отрыжки, даже делал стойку на руках на верхних ступенях крыльца, чтобы ему кто-нибудь – например, Ромильда, – похлопал. Но Ромильда не обратила на Тэфа внимания – истомлённая, она присела несколько в стороне от главных дверей, склонила голову на плечо и тут же задремала. Вскоре к Ромильде присоединился Алекс. Он не спал; возможно, его в состоянии напряжённой бдительности поддерживала Люсинда, которая тоже вышла сюда и последовала за Мелиссой и остальными ребятами – те стекались, как полноводный ручей, к Габриэль, служившей для них центром притяжения. Габриэль устало вздохнула и невольно запустила пальцы к себе в волосы. Любая компания будто сдавливала её сейчас, и искренне она сожалела, что у неё вообще есть друзья. В этот момент она даже не чувствовала, будто между ними в действительности существует какая-то связь.

«Что это за друзья, – с отчаянием подумала она, – которым нельзя ничего рассказать?!»

– Габриэль, – нудно гудел у неё над ухом голос Мелиссы, – ты решила всё? Даже последнюю часть?

– Что? – она взглянула на Мелиссу широко раскрытыми, ничего не понимающими и растерянными глазами. – Что ты сейчас сказала?

Мелисса утомлённо завела голову назад и отдельно проговорила, напирая на каждый слог в своей речи:

– Я спрашиваю, что ты решила в экзаменационной работе. Шестнадцатый вопрос из второй части, что у тебя там получилось? Тринадцать целых и пять десятых?

«О чём она говорит? – думала Габриэль, заворожённо глядя на напряжённое лицо Мелиссы и её забавно распахивающийся в каких-то словах рот. – Чего она хочет от меня? Я совсем её не понимаю. Кажется, ей нужно что-то по учёбе... Да когда она хотела большего? Я ничего не помню... ничего... какая теперь разница? Зачем она спрашивает меня, когда можно подумать, эти жалкие, ничего не стоящие экзаменационные баллы – то, что меня по-настоящему волнует? Неужели она не может догадаться, почувствовать, что я волнуюсь? Она не понимает, что я сама в себе запуталась? И какое теперь тут может быть дело до экзаменов, до вопросов, заданий, утомительных вычислений, если я не могу разобраться в себе? Если мне кажется, будто подо мной проваливается мир, в котором я жила до сих пор, в который я верила... мир, где я надеялась на что-то лучшее, вечное и прекрасное... – Габриэль с ненавистью посмотрела в лицо Мелиссы, по-прежнему увлечённо о чём-то повествовавшее, и ей захотелось завывать от усталости и злобы на всех этих окружающих, которые знали только волнующие их вопросы, а от всего остального предпочитали открепиваться, представлять, будто они ничего не замечают. – Господи, когда она замолчит?!»

Габриэль безвольно уронила руки на колени.

– Так что? – деловито прострекотал голос Мелиссы над её головой. – Ты помнишь, я спросила у тебя, что ты ответила на шестнадцатый вопрос? Ты помнишь?

– Я ничего не помню, не помню, отстань от меня! – воскликнула Габриэль и взметнулась на ноги. – Мелисса, хватит!

Мелисса удивлённо смотрела на неё, широко распахнув глаза, в которых, несмотря на яркий солнечный свет, с изумлением и болью расширились узкие щели тёмных зрачков.

– Что с тобой такое? – обиженно спросила она. – Я всего лишь спросила твоего совета, Габриэль, неужели тебе так трудно было мне ответить?

– Экзамен окончился! – сварливо рявкнула Габриэль, топая ногой. – Никто не позволит тебе ничего изменить, так что лучше сядь – и расслабься!

Измотанный Стивен, изучавший её постепенно красневшие от злости и бессилия щёки, вдруг вытянул непропорционально длинные ноги ещё дальше и заметил ленивым голосом:

– По-моему, Габриэль, это тебе надо сесть и расслабиться. Но она действительно права, Мел, – миротворческим тоном обратился он к Мелиссе, чьи губы оскорблённо надулись, – теперь уже всё в любом случае кончено. Нам остаётся ждать и молиться, чтобы наши результаты оказались вменяемыми. Выйди это не так, мать снимет с меня голову, не успею я переступить порога.

– Не смешно, – сердито отозвалась Люсинда: она снова увлечённо копалась в своих справочниках, которых она, судя по её раздувшейся сумке, взяла с собой в немереном количестве. – Давайте лучше займёмся повторением. Нам сейчас придётся идти на экзамен по математике, Стивен! Возьми блокнот и реши мне вот эти простенькие примерчики, – она с непримиримым видом прибавила к блокноту свой справочник и провела кончиком ногтя вниз по странице. Глаза Стивена расширились от страха и возмущения, он оттолкнул от себя укоризненно зашелестевший справочник и решительно воскликнул:

– Нет! Нет, Люсинда, с меня этого хватит! Мне совсем скоро сдавать экзамен, а ты не даёшь мне даже минутки отдыха!

– Не надо меня обманывать, – с привычной холодностью ответила Люсинда, – ты уже двадцать пять минут отдыхаешь. Тебя никто не просит перенапрягаться, реши только вот это, – она отчертила ногтем половину примеров, – и ты свободен.

– Люсинда, ты издеваешься, – обречённо сказал Стивен, но и справочник, и блокнот взял и принялся усердно решать, сопя и облизывая губы кончиком блестящего языка.

Люсинда в молчании раздала по справочнику и блокноту каждому из компании, кому предстояло сдавать экзамен по математике после обеда, и так же молча указала, какие именно примеры они должны решить. Сама она взяла в руки учебник и начала перечитывать последние главы, впрочем, часто перелистывая множество страниц вперёд или назад, сосредоточенно хмураясь и кусая остро отточенный карандаш. На другой стороне крыльца Тэф и Кумм увлечённо разговаривали друг с другом о чём-то, привлекая к своей беседе Питера в качестве безмолвного и покорного слушателя (у Питера было отсутствующее лицо и пустые глаза), на ступеньках сидели Барбара и Джессика и, что было довольно удивительно для них, не пытались никого обозвать либо унижить. Напрягая зрение, Габриэль сумела увидеть на коленях у Барбары раскрытый справочник.

– Я так волновалась, – сказала Мелисса, – что дальше второй части просто не смогла продвинуться.

– Уверена, что ты переживала зря, – не поднимая взгляда от учебника, сказала Люсинда, – потому что я тебя готовила, и ты должна была сдать экзамен хорошо... даже если ты так и не решила ни одной задачи из третьей части, – в её голосе проскользнула лёгкая тень раздражения. – Верно, Джоанна?

– Верно, – кисло ответила Джоанна. – Мелисса, у тебя всё вышло чудесно, я чувствую! Чувствую, – с убеждением и отзвуком смущения повторила она, наклоня утвердительно голову.

– А вот у меня нет никакой уверенности, – пробурчал Стивен, – потому что я физически не в силах выносить этот фирменный ядовитый взгляд мисс Гибсон. Мне начинает казаться, что она вот-вот выпрыгнет из-за своего стола, достанет до меня в один прыжок и разом заглотит.

– Это всё твои глупые фантазии, – отчитала его Люсинда и обратилась к хихикнувшему Патрику: – А тебе нечего смеяться! Ты тоже и не думал готовиться!

– Конечно, – расслабленно согласился Патрик, – я не такой упорный, как ты, Люсинда, меня не принудишь учиться в свободное время, особенно по выходным. Но, если прикинуть, то получится, что и сразу после уроков я тоже не совсем склонен к...

– Занимайся своим делом, – оборвала его Люсинда холодным начальственным тоном, – иначе рискуешь схватить ещё одну неудовлетворительную оценку в придачу к той, которую ты наверняка получил за английский!

– Люсинда, – Патрик сделал оскорблённое лицо, – но ведь ты сама себя принижаешь! Разве не ты гоняла меня, как собака – мячик, разве не ты заставляла меня садиться за учебники и повторять все эти глупые правила... не ты? Я не могу завалить экзамен после такой суровой дрессировки.

– Жаль, что мистер и миссис Дельсио не умеют держать тебя в ежовых рукавицах, – посетовала Люсинда, – тогда ты стал бы более дисциплинированным и не покраснел бы так от страха перед входом в кабинет, – она злорадно блеснула глазами, и Патрик покраснел с возмущённым видом.

– Кто это там у тебя покраснел, Кэчкарт? Я? Да быть такого не может, чтобы хоть какая-то вещь на свете вогнала меня в краску!

– Не дури, – спокойно сказала Люсинда, – и кстати, ты должен сейчас смотреть не на нас, а вот сюда, – она указала пальцем на белый лист блокнота, лишь до середины покрытый длинными рядами цифр и букв с лёгким наклоном влево. – И ещё, Патрик: краснеет даже Алекс. Раз он умеет, значит, все остальные тоже могут.

– Даже Питер? – впервые спросила Мелисса, приподняв голову от справочника по английскому языку, который она крепко сжимала во вспотевших ладонях.

– Даже он, – согласилась Люсинда с важным видом. – Не надо думать, что мальчишки – это инопланетяне, Мелисса. В сущности, они такие же люди, как и мы, стоит лишь немного – совсем капельку – сойти с ума, чтобы понять их ход мыслей.

– Началось, – вздохнул Стивен с огромной долей иронии в голосе, – даже Люсинда съехала на любимую тему Барбары и её компании – на парней и то, как к ним стоит относиться, чтобы они никуда не вздумали убежать, – он закатил глаза и состроил страшную рожу.

– Да, Люсинда, – засмеялся Блез, – ты меня удивляешь. У нас на носу экзамен, а ты рассуждаешь о мальчиках. Неужели тебе потребовалось так много времени, чтобы понять, кто мы такие?

– Скоро Люсинда встречаться с вами начнёт, – мечтательно прикрыв глаза, сказала Линда, – и вот тогда ей точно не будет времени ни на какие скучные учебники и зубодробительные посиделки с дядюшкой. Что можно делать так долго в гостях у этого человека, Люсинда?

– Вообще-то, – нахохлившись, ответила Люсинда, подобравшись на своём месте и сделавшись похожей на неудобный колючий шар, утыканный иголками, – дядя Себастьян – очень умный человек; вы его просто не знаете! – она неприветливо оглядела ребят, как будто каждый из них только что прямо заявил о неприязни к её дяде. – А во-вторых, – она сердито посмотрела на Линду, – я умею расставлять приоритеты. Учёба для меня важнее всего.

– Ну да, ну да, – вздохнула Линда с дружеской насмешкой, – но кто знает, как повернётся дело, когда ты встретишь того самого – единственного и...

– Решай девятнадцатый номер, – сухо приказала Люсинда, всем своим видом давая понять, что шутки окончились. – Иначе не успеешь даже отдохнуть перед экзаменом.

– Не будет ли тогда проще для них ничего не решать? – осмелилась подать голос Она, остановившимися глазами глядевшая в раскрытый справочник, ни одной страницу которого она ещё не перевернула.

Люсинда злобно зыркнула на Оону, и та, дрогнув, опустила голову.

- Нет, не легче! Хочешь потакать им, чтобы они и дальше деградировали?
- Эй, мы вовсе не... – возмутился Блез, но Люсинда оборвала и его:
- Занимайся!

Больше никто не произнес ни слова. Здравый смысл не мучил Габриэль, поэтому ей удалось, как он и советовал, приступить к дотошному повторению биологии – предмета, который она тоже любила, но чувствовала, что, ходя вокруг его глубинной сути – той, что не изучают в школе, – не может до неё добраться. Это злило её, распалило и заставляло упрямо ломиться вперёд, но она даже представить себе не могла, в каком направлении ей следует двигаться. Она натыкалась на свои старые следы или на следы своих предшественников и бесилась, что не может придумать ничего нового. Она испытывала омерзительное чувство обиды на то, что родилась именно в такое время, когда всё вроде бы уже открыто и исследовано и тайн от человечества не осталось практически никаких. Ни одну из тех загадок, над которыми учёные бились, она не могла решить. Тогда она обзывала себя ущербной и умственно недоразвитой, даже билась головой о стену, если была одна в своей комнате, а Оона находилась где-нибудь внизу. Она мечтала родиться на пару столетий раньше... но вдруг осознавала, что и тогда не сумела бы совершить никаких выдающихся открытий, и окончательно падала духом.

«В чём же моя судьба? – растерянно подумала она. – Так и пройдёт моя жизнь в этом скучном и глупом городе, я ничего выдающегося не совершу, умру, и меня все забудут? Неужели у меня нет никакого таланта, который я сумела бы развить так, чтобы удивить мир? Я умею рисовать? Ну и что, это многие умеют, и я уверена, что он... Эстелл... умеет это куда лучше меня. А что ещё я могу? Я не исследовательница и не великий математик, тогда кто я? И что мне надлежит совершить? Неужели же ничего? Как это... обидно! Почему другие люди получают свыше какой-то особенный дар и достигают небывалых высот, почему слава и признание, бессмертие на страницах учебников и интерес историков приходят к кому-то другому, а не ко мне? Чем же я хуже них?.. Тем, что у меня нет таланта, и я, как Тэф сказал, „не умею смотреть на мир под другим углом“. Я пробовала – и что у меня получилось? Я только единственный раз попробовала выйти из границ, которые установила общественная мораль, но из этого получилась какая-то несуразная нелепица... теперь я люблю Эстелла вопреки общественной морали, и вопреки ей же имею какой-то странный и чуждый голос в своей голове. Чем это мне помогло? Что это мне подсказало? Выходит, я либо так и не сменила угол зрения, либо этот угол у меня какой-то неправильный».

Габриэль с ненавистью смотрела на справочник, который ей осторожно подложила на колени Оона, словно именно этот справочник был повинен во всех неприятностях, приключившихся с нею, и именно этот справочник должен был предоставить ей прямой и чёткий ответ на все её вопросы. Но справочник молчал, и его молчание, и тишина на крыльце, изредка нарушаемая голосами Тэфа и Кумма да смехом компании Питера, погружали Габриэль в блаженное состояние безвременья. Она ничего не замечала и ничего не слышала, погружившись в работу, она сумела забыть о том, что её так тревожило; а больше ей не требовалось совершенно ничего. Она хотела бы навсегда потерять память, чтобы суметь начать жизнь заново и не допускать больше никаких ошибок, которые, как она теперь понимала, отравляли её существование из-за того, что она сама гостеприимно распахнула перед ними двери своего сознания когда-то. Вообще-то, стремление сбежать из этого узкого и странного мира было для Габри далеко не новым. Когда она была маленькой, то загадывала желание, писала его старательными, хоть и корявыми, детскими буквами на небольшой полоске бумаги, потом скатывала полоску в калачик и прятала её под подушку. Желания Габриэль были абсурдны и неосуществимы. Она хотела изменить отца и мать, бабушек и дедушку, а ещё – очень сильно, в первые дни после того, как начала осознавать, сколь сильно подкосила миссис Дэвис потеря её любимой дочери, – она желала вернуть тётю Джинни к живым. Для себя Габриэль загадывала обрести крылья и улететь в сказочную страну эльфов, о которой так много слышала от матери

(та читала ей и Ооне на ночь большую книгу, где были собраны истории об эльфах для самых маленьких). Только ни одно из этих желаний не исполнилось. Габриэль полюбила смотреть боевики и ужастики, а сказки об эльфах и собственные пылкие детские желания показались ей бредовыми. Но всё-таки Габриэль не могла сказать, что даже сейчас, когда она была уже такой взрослой и так хорошо понимала неприглядную несправедливость реального мира, её не тянуло назад в другой мир, детский, где всё было просто и правильно, и где ни эльфы, ни желания не виделись неосуществимой розовой дымкой.

«Нет никакого лучшего мира, – озлобленно подумала Габриэль и перевернула ещё страницу, – потому что, если бы это было так, ни одна школа мира не додумалась бы изобрести такую вещь, как экзамены».

Быстро промчалось время. Когда крыльцо начало очищаться от учеников, Патрик вынул из кармана руку и сверился с часами на запястье.

– Без двадцати час, – хмуро сказал он, – пора двигаться на экзамены, ребята.

Люсинда собрала свои справочники и не без усилий затолкала их в раздутую, как гриб-дождевик, сумку.

– Желаю удачи, – серьёзно сказала она девочкам. – А тебе, Стивен, – она уничтожающим взглядом испепелила Стивена, – и тебе, Линда, я готова отдать даже всю свою собственную удачу, лишь бы вы сдали.

– Ты нас готовила, – провыл трубой Блез, – неужели ты так в себе не уверена?

– Давай обсудим это в другой раз, – предложила Люсинда более миролюбивым тоном и продолжила: – Главное, ребята, не волнуйтесь. Уверена, что у нас всё получится, мы не зря так старались...

Мелисса посмотрела на Габриэль расширенными глазами, и Габриэль показалось, будто внутри зрачков Мелиссы она видит только страх, вздымающийся острыми пиками, словно волны во время яростного шторма. Габриэль пробормотала, отдавая всем команду:

– Ждать нас никто там не собирается... что ж, девочки, вперёд...

Но у неё самой вяло начали подрагивать колени, когда она преодолела несколько первых ступеней и вдруг почувствовала, что не в силах переступить порог... Даже Оона, столь взволнованная, выглядела намного более собранной и сосредоточенной. Она взяла Габри под руку и помогла войти, но Габриэль озлобленно выдернула свою ладонь и, прихрамывая, неуверенно двинулась впереди всех, как будто маяк, указывающий морским путникам дорогу.

У дверей кабинета биологии собралась половина класса. Несмотря на то, что каждое лицо, на которое падал взгляд Габриэль, выглядело основательно напуганным, ни один голос не смел потревожить укрывавшую коридор тишину. Барбара сосредоточенно пролистывала учебник снова и снова в бешеном ритме, не останавливаясь. Амелия Факт, кусая губы, смотрела в потолок. Дэвид Ди и Джим Поллес поочерёдно метали друг в друга растерянные взгляды. Пятнадцать минут... десять...

Мелисса, кусая губы, остервенело бормотала что-то себе под нос и то и дело сверялась со справочником Ооны, который та услужливо пододвигала к её носу. Сама Оона напряжённо сдвинула брови и закусила губы, её лицо было бледным и страдающим, словно в её голове возились мысли, там не помещавшиеся, но старавшиеся устроиться удобнее. Джоанна глубоко вздыхала и крепко жмурилась, а потом резко открывала глаза и быстро, бегло и невнимательно осматривала каждого своего одноклассника и каждую одноклассницу, пол, стены, потолок, роковую табличку на двери... Габриэль утомлённо вздохнула про себя: «Когда меня окружают эти несчастные лица, такие, какие наверняка были у преступников из прошлого, которых возводили на эшафот, мне начинает казаться, что там, за этой дверью, меня действительно ожидает нечто невероятно гадостное».

Десять минут... пять... три...

– Проходим в аудиторию, класс! – громко сказала госпожа Страйпер, появившаяся на пороге кабинета. – Оставьте сумки за порогом... мистер Поллес, третья парта в левом ряду. Мистер Фэй – пятая парта, центральный ряд. Мисс Эстелл, Джоанна... да, мисс Эстелл, Вы садитесь за третью парту во втором ряду слева. Мисс Эстелл, Мелисса – первая парта, второй ряд справа.

Мелисса и Джоанна, обменявшись печальными взглядами, расстались и разбрелись на указанные им места. Госпожа Страйпер пропускала их вперёд медленно, каждого снабжая своим указанием и рассылая по местам. Она разъединяла друзей, родственников и влюблённых – это могло бы показаться трагичным, если бы не было столь необходимо с практической точки зрения. Габриэль остановилась возле госпожи Страйпер, покорно ожидая своего приговор.

– Мисс Хаэн, Габриэль, – госпожа Страйпер задумчиво побарабанила себя пальцем по губам, но затем, видимо, озарённая решением, громко велела: – Мисс Хаэн, Ваше место в центральном ряду, за первой партой. Мисс Оона Хаэн, крайний правый ряд, шестая парта.

Габриэль потащила к своему месту, не озвучив никаких возражений, которых у неё, в принципе, и не имело права быть. После той подготовки, что ей пришлось пережить под строгим и безжалостным началом у Люсинды, она потеряла всякий страх ошибиться. Хотя сомнения, связанные с переживаниями по поводу итоговых работ, никогда не были свойственны Габриэль. Она воспринимала каждый экзамен как нечто необременительное и не совсем страшное, потому не позволяла себе впадать в депрессивно-подавленное настроение, как Оона, для которой что-то новое, пусть даже это было бы купленное матерью в подарок платье, не вписываясь в её идеально устроенный мирок, приносило страдания.

Габриэль не ожидала от госпожи Страйпер никаких новых слов по поводу того, что им надлежало сделать на этом экзамене. Всё происходило по давно установленному шаблону – как она подозревала, уже немалое количество лет. Белые экзаменационные листы и ручки мягко легли на стол каждого студента в классе, госпожа Страйпер вернулась на середину кабинета и звучно объявила:

– Начали!

Габриэль равнодушно просматривала вопросы.

«К типу Хордовых относятся следующие животные из списка...»

«Соотнесите каждое животное из столбца А с классом из столбца Б...»

«Укажите число кругов кровообращения у Рыб: а) 1, б) 2...»

«Перечислите особенности строения тела Птиц, связанные с их приспособленностью к полёту...»

Габриэль редко приглядывалась к таким простым вопросам. У неё в голове снова начали просыпаться самые неприятные мысли и воспоминания, и для того, чтобы их заглушить, она должна была занять себя максимально сложным и максимально интересным заданием, но таких в этой экзаменационной работе, к сожалению, не было. Она любила и понимала математику, но ещё больше любила и понимала она биологию, хотя уровень собственных знаний казался ей неудовлетворительным для того, чтобы всерьёз начать изучать этот предмет а, уж тем более, попробовать побиться вместе с именитыми учёными над загадками, которые даже они не могли разгадать. Габриэль лениво водила ручкой по черновику, одним глазом кося в сторону заданий. Они были напечатаны ровными чёрными буквами, мирно тянувшимися через белое бумажное поле, и для Габриэль не составляло никакого труда ответить на тот вопрос, что они формулировали, сливаясь друг с другом и превращаясь в слова и предложения. Она быстро покосилась на Мелиссу – та сосредоточенно чесала в затылке кончиком ручки, выданной госпожой Страйпер, и ломала над чем-то голову. Габриэль осмотрела аудиторию. Судя по её наблюдениям, она была единственной в классе, кто не чувствовал никаких затруднений в том, чтобы выбрать правильное решение или же дойти до него самостоятельно. У Гордона

Фэя было несчастное лицо, как Габриэль показалось, оно было даже более несчастным, чем на математике. Джоанна перемигнулась к Ооной, что-то придумала и старательно приникла к своей парте. Амелия Факт не поднимала головы, кончик её ручки смешно подпрыгивал над её плечом. Габриэль поймала себя на том, что свою ручку ей хочется изгрызть, несмотря на то, что это явно не придётся по нраву госпоже Страйпер, которая эту ручку ей выдала.

«Я волнуюсь? – спросила она себя и ненадолго замерла за партой, прислушиваясь к своим ощущениям. Даже неугомонные мысли, связывавшиеся друг с другом в бесконечную лестницу, ей удалось утишить, и тогда ответ пришёл к ней. – Нет, – решила Габри, наконец, – да и зачем бы я вдруг стала?..»

Ещё совсем немного времени прошло, и госпожа Страйпер, с торжественным видом покидая своё место за столом, откуда она пронизательным взглядом окидывала прилежных – и не совсем – учеников в поисках нарушителей правил, объявила:

– Экзамен окончен! Прошу, оставайтесь на своих местах, пока я не соберу ваши работы... Результаты будут объявлены через две недели после окончания учебного года, но, надеюсь, что вы об этом уже знаете.

– Да, мэ, – нестройным хором откликнулись студенты.

Госпожа Страйпер быстрой и лёгкой походкой, как будто ей не было, на примерную оценку Габриэль, немногим более пятидесяти лет, прошла между рядов. К ней навстречу тянулись усталые руки, протягивающие белые листки с аккуратно заполненными бланками, а госпожа Страйпер торопливо собирала эти листки в одну высокую и плотную стопку, которую она ещё и спрессовала сверху своими ладонями, когда вернулась к столу и водрузила работы на него. Габриэль уже начинала чувствовать себя спокойной и свободной, словно птица, которая впервые ощутила чистоту и головокружительное счастье от полёта. Она снова покинула класс одной из первых, но теперь ей хотелось не прятаться ото всех и искать ответа на какие-то ненужные и совершенно глупые вопросы, а, напротив, её одолевало желание смотреть каждому встречному в лицо с гордой улыбкой и утверждать, что она, Габриэль Хаэн, полноправная победительница и королева нынешнего дня.

– Ну что? – с измученным видом спросила Мелисса, поднимая на них потухшие глаза. – Ещё столько дней каторги впереди...

– Скорее, – задорно подмигнув, улыбнулась ей Габриэль, – уже один день каторги остался позади!

* * *

Быстро пролетели дни суматошной экзаменационной недели. Никакими особенными происшествиями последовавшие экзамены не отличились, исключая лишь то, что в классе Люсинды и Стивена с компанией Тэф и Кумм, переволновавшись, перепутали двери и вместо биологии пришли на математику, которую сдавал выпускной класс. Строгая хэмптшидская комиссия рассудила этот инцидент как нечто, самым скверным образом попирающее основы школьной дисциплины, возмутилась до глубины души и даже отправилась к директору – выяснять, почему его студенты до сих пор не могут запомнить расположение кабинетов. Господин Мэнокс ответил на это очень просто – его слова до сих пор звучали из уст многих сплетников и сплетниц школы, несомненно, подвергаясь значительной правке и корректировке, чтобы приобрести более героическое звучание. Итак, господин Мэнокс ответил, беспечно взглянув на главу комиссии – господина Вирджила Дака: «Господин Дак, но что Вы можете требовать от двух учеников, появившихся в нашей школе совсем недавно и сдающих в ней первые экзамены? Уверен, что Вы в состоянии волнения также могли совершать некие вещи, в которых после, придя в себя, раскаивались и которых стыдились».

Видимо, господин Дак действительно делал когда-либо подобные вещи, поскольку он прекратил предъявлять господину Мэноксу свои претензии и ушёл из его кабинета, шумно переваливаясь с одной ноги на другую.

Лето буйствовало в воздухе. Стало невообразимо жарко, так, что, казалось, подошвы обуви прилипли к асфальту и поджарятся на нём, если простоять в неподвижности некоторое время. Окончился учебный год, и Габриэль, считая, что она успешно сдала все экзамены – или хотя бы большинство из них, – стала считать себя учащейся выпускного класса. Алекс Кэчкарт, Питер Эндерсон и Джордан Мэллой окончили школу – для Габриэль, успевшей привыкнуть к ним за недолгое время своего пребывания в Литтл-Мэе, это показалось немного странным, и она даже подумала, что будет скучать. По Питеру, конечно, обязательно затосковала бы Мелисса, а по Джордану – Барбара, так как ей больше некому было жаловаться, об уходе Алекса наверняка пожалела бы Ромильда (насчёт Люсинды Габриэль была не так уверена). Но все эти трое стали бы скучать так, как полагалось, в то время как Габриэль казалось, что ни одно из её чувств нельзя назвать правильным.

Катилась к концу первая неделя летних каникул. Габриэль ничего не делала, пользуясь своим священным правом на сон и отдых в течение этих коротких, похожих на мимолётное движение человеческого века, блаженных месяцев. Она никуда не выходила, не читала список литературы, которым их наградила мисс Гибсон, выпуская с экзамена, и чувствовала себя – в кои-то веки! – счастливой. Этому помогало то, что друзья особенно не донимали её звонками, а родители и бабушка пока не ругались. Они даже не подпускали друг другу привычных шпилек: например, бабушка не упрекала маму, что та нигде не работает и в течение круглых суток только и делает, что моет свои сервизы и смотрит передачу «Милые и красивые домохозяйки» либо надоевшую всем членам семьи «Женщину в паутине страстей»; мама не кричала на папу из-за того, что его очередное дело в бесщётный раз повисло на грани прогорания; бабушка не сердилась на папу из-за того, что он не принимает никакого участия в воспитании девочек, а папа не отвечал обеим своим женщинам глухим раздражением (в адрес миссис Дэвис, которая возбуждала в нём боязливое уважение) и встречными упрёками (в адрес миссис Хаэн), повторяя те же самые слова, что говорила миссис Дэвис. В доме царил затишье. Габриэль радовалась и всецело посвящала себя более детальному изучению математики и биологии. Рисование она на время забросила, поскольку всякий раз, когда она открывала блокнот, её тянуло нарисовать лишь единственное лицо, и лишь в единственные глаза всмотреться с гордостью влюблённого творца, сумевшего до идеала своё творение, которое даже не знало о том, что им так безрассудно восхищаются. Габриэль удивлялась этому. Она несколько раз была в гостях у Мелиссы после того, как начались каникулы, и единожды даже сумела застать предмет своего обожания дома. Но предмет обожания посмотрел на неё именно так, как и подобало взрослому человеку смотреть на гостью своей приёмной дочери, и поднялся наверх, предварительно заказав Мелиссе принести ему в кабинет чашку кофе.

– Когда-нибудь из-за твоего кофе у тебя начнётся бессонница! – угрожающе, но с долей беззлобной семейной шутки воскликнула Мелисса вслед уходящему Эстеллу. – Или станешь гипертоником! Я уверена!

Эстелл не прислушался к её словам, поскольку он и не мог их услышать: их разделяло слишком большое расстояние. Габриэль наградила Мелиссу изучающим взглядом и словно вскользь поинтересовалась:

– Неужели вам удалось наладить отношения?

– Ну, – Мелисса беспечно пожалала плечами, – когда эта Сэнди Санчайз перестала бывать у нас дома, я решила, что, даже если у них там что-то намечалось, то оно лопнуло, иначе Сэнди никуда не уехала бы.

– Сэнди уехала? Куда? – изумилась Габриэль, с трудом сумев замаскировать просившееся наружу злорадство. – Откуда ты это знаешь?

– Мне Джоанна сказала, – с прежним безмятежным и совершенно довольным видом ответила Мелисса, – Сэнди уехала в Лондон. Скоро будут снимать какой-то фильм с её участием, она не может оставаться здесь дольше.

– Вот и хорошо, – пробормотала Габриэль себе под нос.

– Что?

– Я говорю, что ты наверняка очень рада, – столкнувшись с удивлённым взглядом Мелиссы, пояснила Габриэль и изобразила на своих губах жалкое подобие улыбки. – Ведь... это же так?

– Рада? Конечно, – легко согласилась Мелисса, по-прежнему не замечая в поведении Габриэль ничего подозрительного, хотя так очевидны были все признаки, что ей не удавалось стереть со своего лица: горящие безумным пламенем глаза, лихорадочный румянец на щеках и особенная радость, с которой она восприняла известие об отъезде Сэнди.

Никто по-прежнему ни о чём не догадывался, но Габриэль больше не мучила себя вопросами: сказать, продолжать утаивать правду или же намекнуть, чтобы они, друзья, если они действительно были её друзьями, догадались сами. Она свыклась с тем, что жизнь её, как и мозг, поделилась надвое, и жила, наслаждаясь этим. Её любовь к Эстеллу нисколько не умаляло прошедшее время, и голос здравого смысла, пытавшийся убедить её, что у неё нет никаких шансов на взаимность, оставался для неё по-прежнему на вторых ролях после её тараканов, которых она старательно подкармливала и с которыми охотно делила свои самые сокровенные тайны.

«А что, – отстранённо размышляла Габриэль, лёгким касанием пальца снимая блокировку на телефоне, – это даже хорошо, что у меня есть Эстелл. Он ничего не знает, я вроде бы одна, а вроде бы и нет. В конце концов, есть о ком помечтать, если вдруг бессонница одолеет. Ты, здравый смысл, в принципе, прав: мне очень хотелось бы пожалеть себя и попытаться создать идеальную жизнь хотя бы в своём воображении. Там были бы идеальная я, мой идеальный любимый, идеальная семья, друзья тоже идеальные... как думаешь, такое вообще возможно, здравый смысл? А, здравый смысл?»

Здравый смысл предпочитал не отвечать на такие вопросы. Кажется, он либо считал их слишком ненормальными для своих границ восприятия, либо он решил игнорировать Габриэль, чтобы хоть таким образом добиться её внимания. Но Габриэль не думала ничего менять в своей жизни. Она считала, что сейчас устроилась как нельзя более удобно, и даже то, что у неё начала развиваться шизофрения, не казалось ей страшным. В конце концов, это означало, что у неё появится собеседник, который никому не сможет поведать об её трусости и слабости, собеседник, который никуда от неё не убежит и будет разговаривать с нею, когда ей это пожелается. Но не всё было столь просто, сколь она думала.

J. A. Estell: «Право, Габриэль, я не знаю, почему ты так этим интересуешься, но я могу тебя ещё раз торжественно заверить, что моя тётя уехала. И, насколько я знаю, она собирается выходить замуж в Лондоне...она никогда не зовёт нас к себе на свадьбу. Я как-то слышала, она пробудет вдали от нас до тех пор, пока не завершатся съёмки. Она снимается в одной из главных ролей, так что ей придётся задержаться».

Strange Disaster: «Да, Мелисса говорила, что она нашла себе какого-то жениха. Как ты думаешь, он понравится твоей семье?»

J. A. Estell: «Не знаю. Я никогда не задавала себе такие вопросы, потому что тётя Сэнди ни с кем не может ужиться надолго. Сначала она твердит всем вокруг, что безумно влюблена, счастлива, нашла своего единственного и неповторимого, но уже через две недели начинаются скандалы, и она пьёт успокоительные таблетки и плачет у мамы на плече. Честно говоря, я не помню ни одного из предыдущих мужей тёти Сэнди. Они не держатся дольше, чем год или два».

Внутри Габриэль заворчалось смутное беспокойство. Она прижала палец к клавиатуре и быстро вывела нехорошее слово, затем передумала и стёрла его: не столько потому, что испугалась разоблачения, а потому, что побоялась пасть в глазах Джоанны. Джоанна до сих пор не знала, что Габриэль Хаэн знает витиеватые матросские ругательства, что Габриэль Хаэн

далеко не так прилична дома, как в школе и в гостях (хотя, даже находясь там, она понимала, что выглядит глупо, гадко и неуместно; пыталась измениться, но не выходило – собственные желания и гордость, не позволявшая прощать обиды, крепко держали её). И Габриэль казалось, что у Джоанны и всех остальных ребят возникнет к ней отвращение, они отвернутся от неё, оставив её наедине с Ооной – единственной, кто знал о ней практически всю правду.

«Я боюсь их потерять», – подумала она со странным облегчением.

Strange Disaster: «Может быть, она не нашла того, кто ей подходит?»

«Конечно, не нашла, – сердито подумала Габриэль, отправляя сообщение, – потому что обе мы знаем, кого она ищет. Хорошо, что у них ничего не получилось».

J. A. Estell: «Тётя Сэнди – очень скрытный человек. Она даже моей маме ничего не рассказывает, а уж мне – тем более. Она не любит детей и никогда не замечает меня».

Strange Disaster: «Вообще-то ты уже не ребёнок».

J. A. Estell: «Тётя Сэнди считает иначе. Она говорит, что от детей, особенно в переходном возрасте, можно ожидать любой глупости, любой безумной выходки, а ей ни к чему преждевременные морщины и седина в волосах. Мама пыталась её переубедить, но она... упрямится. И не хочет никого слушать. Она, видимо, думает, что я способна взорвать дом, если меня оставить там одну хотя бы на мгновение».

Strange Disaster: «Знаешь, тут неподалёку есть музыкальная лавочка братьев Вилль? Эти парни – действительно чудо природы. Когда они учились в нашей школе, учителя и студенты ежедневно опасались, что на воздух взлетит туалет, или в чулане для швабр и метел неожиданно появится толпа лабораторных мышей, или ещё что-нибудь произойдёт... Жаль, что у нас нет больше таких фокусников».

J. A. Estell: «А знаешь, я даже рада этому. Я не люблю внезапные потрясения, даже если они хорошие. Это нарушает мой привычный уклад жизни, и я начинаю чувствовать себя так... странно, так неудобно. Как будто я сидела в своей комнате, но её стены вдруг обрушились, и прохожие на улицах смогли увидеть меня. Я не люблю, когда происходит что-то, чего я не могу предугадать и объяснить. Возможно, из-за этого у меня скучная жизнь, но мне кажется, что лучше уж немного скучать, чем постоянно дрожать, оглядываться по сторонам: какой ещё сюрприз заготовил мне нынешний день? Я хочу держать всё под своим контролем. Понимать, что не всё зависит от твоей воли, унижительно. У меня нет желания ощущать себя марионеткой, которую дёргают за ниточки, чтобы она плясала».

Strange Disaster: «У тебя очень странная философия. Сдаётся мне, что я её совсем не понимаю. Я, наоборот, жду, чтобы со мной произошло что-нибудь чудесное и неожиданное. Если бы жизнь текла однообразно изо дня в день и совсем ничего не случалось, я сошла бы с ума! В таком упорядоченном мире было бы слишком скучно жить».

J. A. Estell: «Но эти неожиданности выбивают из колеи, и к ним очень трудно привыкнуть».

Strange Disaster: «Послушай, Джо, но ведь мы с ребятами тоже были для тебя неожиданностью, и я всегда думала, что ты была рада нашему знакомству».

J. A. Estell: «Это так, Габриэль, но... честно говоря... я до сих пор не верю, что такое чудо могло произойти со мной, ведь я совсем его не заслужила».

Strange Disaster: «Брось! Ещё пара месяцев общения со мной, и ты будешь спрашивать у себя, за что тебе такое наказание!»

На душе у Габриэль установилось блаженное состояние, схожее с чудесной дрёмой, когда реальность, видимая сквозь полуприкрытые веки, искажается сонным воображением и принимает те формы, что ему угодны. Но дрема не может длиться вечно, равно как и счастье никогда не задерживается надолго, и Габриэль пришлось убедиться в этом, когда снизу послышался каркающий голос миссис Дэвис, сдавленный годами и простудой, которую она умудрилась подхватить неделю назад, попав под неожиданно начавшийся сильный ливень по пути из магазина.

– Габриэль! Тебя к телефону!

– Да, бабушка, уже иду! – отозвалась Габриэль мрачным голосом и неохотно спустила ноги на пол с кровати.

Больше всего ей хотелось задать себе единственный вопрос: почему тот, кому она так потребовалась в разгар жаркого июльского дня, не позвонил ей на мобильник.

Миссис Дэвис стояла под лестницей с домашним телефоном в руках и поджидала, пока Габриэль, шумно хлопая задниками тапочек по каждой ступеньке, спустится вниз. У миссис Дэвис было очень мрачное лицо и сердитые глаза, а на лбу её тяжело лежали гневные морщины. Дрожашей (как Габриэль подозревала, не только от слабости) рукой миссис Дэвис протянула ей трубку и коротко сказала:

– Это Мелисса Эстелл.

Габриэль прижала трубку к уху, повернулась было, чтобы уйти, но колючий взгляд миссис Дэвис впился ей в спину, разъедая кожу, как концентрированная серная кислота, и Габриэль остановилась. Ей не требовалось слышать приказы, чтобы понять, чего желает бабушка – в последнее время та из властной женщины превратилась в тиранку, ссориться с которой было противопоказано из опасений надолго испортить себе жизнь. Поэтому Габриэль всего лишь поднялась на одну ступеньку выше по лестнице и опёрлась свободной от телефона рукой о перила. Эту руку тут же накрыла холодная ладонь миссис Дэвис, как будто та всерьёз собиралась удерживать Габриэль, не доверяя ей и думая, что та хочет сбежать.

– Аллю! – прокричал голос Мелиссы сквозь динамики трубки.

– Да, Мелисса, это уже я, – сконфуженным голосом отозвалась Габриэль. Разговаривать под надзором бабушки было для неё тяжело. – У тебя голос взволнованный. Что-то случилось?

– Габриэль, ты мне необходима, как воздух! – громко кричала трубка, не подозревающая о присутствии миссис Дэвис, которая стояла, напряжённо вытянувшись, ловя каждое слово своим острым слухом.

– В чём-то... какие-то проблемы? – спросила Габриэль ненатуральным голосом. – Слушай, может быть, я приеду к тебе, и ты всё объяснишь у себя... – она зажмурилась от неприятного ощущения холода – ледяная ладонь миссис Дэвис глубже вдавила её пальцы в перила, и Габриэль сумела закончить свою фразу только через стиснутые зубы и с большим трудом: – ...дома?

– Слишком долго, у меня мало времени! – продолжала орать трубка, которая, казалось, подпрыгивала от волнения у Габриэль в кулаке. – Я тебя просвещу вкратце, остальное доскажу, когда все соберутся. Послушай, в город вернулся кузен моего дяди! Бальтазар Эстелл, он вернулся! И с ним его сын, он наш ровесник; так вот, это не самое худшее...

Габриэль обречённо вздохнула. Миссис Дэвис торжественно блеснула глазами и даже не предпринимала никаких попыток скрыть того факта, что она злорадствует – на это, видимо, существовали некие причины, о которых Габриэль не знала и насчёт которых она думала, что лучше ей их и о них и не подозревать.

– Они не хотят приходить к нам в гости, – продолжала увлечённо болтать Мелисса, – но своему сыну разрешили встретиться со мной, потому что... они... объяснили это тем, что знать свою семью необходимо, даже если она немного не соответствует ожиданиям... – Мелисса неловко прокашлялась (Габриэль страдальчески поморщилась и пожелала, чтобы на этом трубка умолкла). – Так вот, он скоро придёт! Придёт знакомиться со мной! Да ещё и не один, а со своими родителями! Они немного подумали и решили, что его нельзя отпускать одного... Мне нужна моральная поддержка, срочно! Я боюсь, что они будут задирать нос и важничать... Я позвонила Линде и спросила об этом семье, и она мне столько всего рассказали об этой женщине, жене дядиного кузена... я теперь боюсь её даже больше, чем боялась миссис Лондон перед тем, как с нею познакомилась.

– Мелисса! – почти провыла Габриэль сквозь крепко стиснутые зубы. – Мелисса, давай ты всё расскажешь, когда мы с Ооной приедем к тебе домой! Пожалуйста!

На линии долго висело интригующее молчание. Миссис Дэвис просверлила Габриэль убивающим взглядом, отчего Габриэль моментально сделалось нехорошо, затем она круто повернулась. Миссис Дэвис производила грозное и величественное впечатление, даже будучи такой хрупкой, высохшей, с накрученными на бигуди волосами и в старом халате, который висел на крючке двери в её комнате уже тогда, когда тётя Джинни ещё не родилась. Ледяная ладонь миссис Дэвис больше не вдавливала пальцы Габриэль в перила, но той не удавалось почувствовать желанное облегчение, пока миссис Дэвис стояла тут и, несомненно, с прежним вниманием следила, что будет дальше. Однако Мелисса наконец-то поняла все намёки и поторопилась распрощаться.

– Приезжай скорее! – твердила она, когда Габриэль уже начала отнимать трубку от уха. – Не трать много времени, это действительно очень важно!

Габриэль нажала на кнопку отбоя, и телефон смолк. Он был раскалён, словно его совсем недавно вынесли из-под прицельного обстрела солнца. Габриэль осторожно поставила телефон в ячейку на тумбочке, что притулилась возле лестницы, и скосила один глаз в сторону бабушки. Та успела переместиться в дверной проём, где она сейчас и стояла к Габриэль спиной в совершенной неподвижности. Габриэль осторожно перенесла ногу одной ступенью выше, и произведённый ею лёгкий стук мгновенно привёл миссис Дэвис в чувство. Та обернулась, как кошка, почуявшая мышь, выпрямилась и прокричала:

– Эмма! Эмма, немедленно иди сюда!

Миссис Хаэн имела ещё одну, помимо гипертрофированной любви к тарелкам и сервизам, слабость. Она любила сладко поспать, причём желательно – намного дольше, чем то полагалось здоровому взрослому человеку. Миссис Хаэн ложилась в кровать далеко не самой последней в доме, но именно её никогда не удавалось разбудить раньше десяти часов утра, если встать раньше указанного времени не требовалось ей самой; в таких случаях она заводила будильник, который, впрочем, мало ей помогал. Всей семье приходилось ходить по дому на цыпочках, пока она спала, поскольку невыспавшаяся миссис Хаэн становилась злой, нетерпимой и агрессивной. У неё всё валялось из рук, она не передвигалась, а практически ползала по дому, едва составляя себе труд выглядывать из-под полуопущенных век, и в конечном итоге всё равно засыпала, добирая упущенные часы, в кресле в гостиной, в своей комнате или наверху, где раньше жила тётя Джинни.

Но был один такой сигнал, который мгновенно будил миссис Хаэн вне зависимости от того, в какой части дома она сейчас спала и сколько времени показывали часы. Этим сигналом был трубный призыв, издаваемый миссис Дэвис. На голос матери, выкрикивавший её имя, миссис Хаэн отзывалась сразу и спешила узнать, для чего её зовут; все прочие домочадцы могли надсаживать глотки часами – миссис Хаэн не приоткрыла бы даже одного глаза. Спустя рекордно короткие сроки, прошедшие с того мига, когда миссис Дэвис в последний раз выкрикнула имя дочери, на лестнице уже слышались торопливые, путающиеся шаги. Габриэль посторонилась вовремя – в следующую секунду со ступеней в коридор слетела ошарашенным сонным комком миссис Хаэн, не успевшая переменить ночной сорочки на повседневную одежду. Поверх сорочки был накинут пеньюар, но, судя по тому, как он, практически свободно болтаясь, висел на фигуре миссис Хаэн, было очевидно, что накинули его второпях. Протирая кулаками, на которых отчётливо выступали тонкие синие жилки, едва открывающиеся глаза, миссис Хаэн замерла в паре сантиметров от матери. Миссис Дэвис глядела на неё с явным неодобрением и молчала, ожидая, пока заговорит миссис Хаэн. И та это сделала – но как только широко раскрыла глаза и попыталась оценить обстановку.

– Зачем ты звала меня, мама? – спросила миссис Хаэн усталым голосом. – Габриэль, что ты опять натворила?

Габриэль утомлённо вздохнула и закатила глаза к потолку: миссис Хаэн на неё даже не смотрела, поэтому ей совсем не хотелось ничего объяснять, тем более что звонок Мелиссы не одобрил бы никто в её семье, за исключением Ооны и, пожалуй, мистера Хаэна, но тот не стал бы высказываться ни в чью пользу, чтобы не навлекать на себя и на девочек лишние неприятности.

– Она не натворила пока ничего особенного, – пропечатала миссис Дэвис, подчеркнув слово «ничего» язвистыми ироническими нотками, – однако собирается натворить и обязательно это сделает, если ты, как мать, не заявишь ей своей чёткой позиции по поводу того, о чём мы с тобой уже не один раз говорили.

Глаза миссис Хаэн переполнились утомлённой горечью.

– Мама, я не понимаю, почему ты не хочешь отпустить ситуацию. Это случилось пятнадцать лет назад. Хватит уже...

– Нет, не хватит, – строптиво отрезала миссис Дэвис. – Послушай меня внимательно, моя дорогая Эмма. В твоём возрасте я тоже была такой наивной... как и ты, я училась в пансионе для девушек и не верила, что окружающие люди могут оказаться вовсе не такими приятными, какими они представляются поначалу. Мир полон врагов, Эмма. Я убедилась в том, что никому нельзя верить, когда Эстелл подло убил мою дочь и даже не понёс за это никакого наказания. А теперь ты рискуешь потерять Габриэль, когда отпускаешь её в гости к приёмной дочери убийцы, у которой подруга – племянница убийцы, друг – подозрительная личность, дебошир, дымящий, словно десяток паровозов на станции, другой друг – сын Лейлы Мэллой, которую я считаю практически такой же убийцей, как и...

«Я вообще должна это слушать?» – пронеслась в голове Габриэль унылая мысль. Ей было неприятно впускать к себе в уши все эти гадкие, грязные, унижающие её друзей слова, и она чувствовала, что вскоре не выдержит и сорвётся – даже несмотря на то, что ругаться ей придётся с горячо любимой бабушкой. У Габриэль часто забились сердце, все жилы на шее у неё напряглись, в висках что-то заколотилось и забились с острой силой. В груди у неё разлился жар. Нагнув голову по-бычьей, она упрямо смотрела на бабушку, а бабушка смотрела на мать с мрачным торжеством и ожидала её ответа.

Миссис Хаэн была окончательно сбита с толку. Влетая в коридор, она ожидала чего угодно, но не этого. Она представить себе не смела, что её мать снова начнёт ворошить прошлое и поднимать те вопросы, в которых они никогда не могли найти компромисса. Ей было неприятно и стыдно – стыдно за Габриэль, не сумевшую уйти тихо, не тревожа бабушку.

– Так что же, Эмма? – вкрадчиво осведомилась миссис Дэвис. – Что ты на это скажешь?

– Мама, я скажу всё то же самое, – устало промолвила миссис Хаэн, – то, что Эстелл не убивал Джинни, и то, что друзья Габриэль вовсе не так плохи, как ты о них думаешь. Не суди людей за поступки их родителей и родственников, мама. Мы с тобой тоже не идеальны.

Лицо миссис Дэвис пошло ярко-красными оскорблёнными пятнами.

– Мы с тобой, Эмма, не убийцы! Мы никому в своей жизни не причинили зла.

– Кроме Эстелла, – вздохнула миссис Хаэн, – и его приёмной дочери Мелиссы, которую ты готова ненавидеть за то, что она живёт в доме человека, неприятного тебе; кроме Лейлы Лондон, которая вообще не имела никакого отношения к тому, что случилось в нашей семье, кроме её сына, кроме Питера Эндерсона, который, на мой взгляд, вполне неплохой паренёк, кроме Люсинды Кэчкарт, которая не виновна в том, что её двоюродный дядя – отцеубийца, кроме Джоанны Эстелл, которая не могла родиться от других родителей... – миссис Хаэн упрямо наклонила голову, в точности как и Габриэль, и её лицо тоже начало краснеть. – Мама, хватит жить в своих фантазиях! Кого ты ни обвинила бы теперь в смерти Джинни, её уже не вернёшь. Пора с этим смириться и дать девочкам жить так, как хотят они. Свою жизнь мы уже необратимо испортили.

Миссис Дэвис хватала ртом воздух, дрожала всем телом и краснела сильнее и гуще. В её глазах сконцентрировалась вся её сила, и этой силы было достаточно, чтобы заставить вздрогнуть не только миссис Хаэн, но и Габриэль, которая уже начинала опасно раздумывать над побегом из этого дома – серьёзным и долгим побегом.

– ЭММА!! – наконец, грохотнула миссис Дэвис ужасным грубым голосом, и миссис Хаэн вжала голову в плечи. – И ты смеешь говорить такие слова?! Я никогда не перестану искать способ наказать виновных в смерти моей дочери! Ты глупа и эгоистична, Эмма! Ты никогда не думала ни о ком, кроме себя! Вот и сейчас ты не видишь или не хочешь видеть, что твои дочери клюют на ту же самую наживку, что и Джинни! Джинни любила этого Эстелла... она была ему преданна... она верила ему, и он убил её! И его приёмная дочь не может не быть такой же самодовольной, самовлюблённой и беспринципной, как и он!

– Неправда! – завизжала Габриэль. – Бабушка, это всё неправда!

Миссис Хаэн и миссис Дэвис, готовые сцепиться друг с другом, неожиданно остолбенели, и у обеих них опустели глаза. Они смотрели на Габриэль с поражённым неверием, поскольку Габриэль никогда раньше не позволяла себе вмешиваться в их споры, даже если становилась невольной свидетельницей таковых. Но Габриэль чувствовала, что молчать она уже не может, поскольку оскорбили её святыню, которой она жертвенно преподнесла свою первую любовь. Оскорбили и обвинили в постыдном и жестоком деянии человека, которому она была преданна до последнего дыхания и которому охотно отдала бы свою жизнь, если бы в том возникла нужда. Для неё Эстелл означал воплощение всего лучшего, что только мог вместить в себя человек, и слушать, как его называют убийцей и эгоистом, для неё было оскорбительно и мучительно до слёз – мучительно оттого, что его самого не было здесь, чтобы иметь возможность опровергнуть эти слова, а бабушка его отсутствием пользовалась, возводя на него самую гнусную клевету и не чувствуя никакого стыда и стеснения. В тот момент, когда она выкрикнула свои слова грозным и независимым голосом, она уже не могла себя контролировать. Всё её существо заполонили холодная ярость и остервенелое желание доказать свою правоту, потому она не заметила ни предупреждения во взгляде матери, ни удивления, проявившегося в глазах бабушки.

– Это всё неправда, – цедила Габриэль сквозь зубы, – всё неправда, что ты сейчас говоришь! Мои друзья – лучшие друзья в мире, и мне наплевать, что у них там были за родственники! И Эстелл... тоже ни в чём... вовсе... не повинен! Он никого не убивал! Они с Мелиссой оба – прекрасные люди, и ты не можешь их вот так вот обвинять! Хватит!!

Миссис Дэвис долго смотрела на Габриэль пристальным, чего-то ищущим взглядом, и, хотя Габриэль понимала, что этот взгляд хочет обнаружить, она не опускала головы. Ей было совершенно всё равно, и её не волновало, какова будет реакция всех обитателей этого дома, если её тайна неожиданно откроется.

– Вот, Эмма, – наконец, сказала миссис Дэвис, – твоё воспитание. На твоих детей не могут повлиять их собственные родители. Когда-то я позволяла тебе и Джинни выбирать себе круг общения, но лучше бы я этого не делала! И ты поймёшь, как я была права, обязательно! – миссис Дэвис вскинула вверх палец и прибавила: – Причём очень скоро! Габриэль, – она перевела прежний свербящий взгляд на Габриэль, – я надеялась, что ты прислушаешься к моим словам. Никому нельзя верить: люди часто надевают столько масок, что они заменяют истинное лицо. Что ты можешь знать о своих друзьях?

– Всё, – по-детски упрямо буркнула Габриэль, – я их люблю и уважаю! Не думаю, что тебе понравилось бы, если бы о твоих друзьях говорили такие несправедливые вещи!

– Справедливость и несправедливость – понятия относительные, – хрипло сказала миссис Дэвис, очевидно, удерживаясь от приступа кашля, – всё зависит от того, на какой ты ступени... Только ты же не станешь меня слушать, верно?

– Потому что ты неправа, – отрезала Габриэль. – Ты даже не знаешь моих друзей! Как ты можешь их обвинять?

– Я знаю их родителей. А ребёнок – это сорок пять процентов от отца и пятьдесят процентов от матери, добавь сюда пять процентов от его окружения. Ты понимаешь, что это значит.

– Нет! И не хочу понимать! Это неправильные вещи! И тот, кто их высказал, тоже совершенный придурок! Только ты мне не хочешь верить, тогда зачем мы об этом вообще разговариваем? Ты никогда не слушаешь, когда кто-то с тобой не согласен! Тебе просто удобно жить, когда весь мир подстраивается под твои рамки, но нельзя подгонять других под себя! Все разные! И мои друзья не имеют ничего общего с мерзавцами и убийцами!

Габриэль показалось, что в глубине поблёкших глаз миссис Дэвис показались слёзы. Стыд обжёг её душу, ей захотелось принести свои извинения, пока не стало слишком поздно, и миссис Дэвис не ушла к себе наверх, однако ей не удалось заставить себя хотя бы открыть рот. Ей хотелось бы верить, что её упрёки были справедливы, но и в словах миссис Дэвис проглядывало что-то такое, что заставляло её оглядываться в свои воспоминания и сомневаться.

Миссис Дэвис снова подняла палец вверх, но теперь наставила его на миссис Хаэн, которая так и стояла у лестницы с опущенной головой. На её красное, омочённое слезами лицо свисали непричёсанные накрученные пряди волос, упавшие с бигуди.

– Твоё воспитание, Эмма, – желчным тоном повторила миссис Дэвис и, напрягая старые усталые ноги, сделала несколько шагов вверх по лестнице, которая располагалась напротив лестницы, где стояла миссис Хаэн, но вела в ту же самую узкую и короткую галерею. Поднявшись, миссис Дэвис ледяным взглядом взглянула на дочь – та не поднимала головы, – на Габриэль (у Габриэль на щеках рдели алые пятна). – Ты ничего не знаешь, – с сожалением проскрипела она и скрылась в дверном проёме.

Душу Габриэль словно покинул, свалившись с неё, удушающе тяжёлый камень, но она не могла почувствовать полного освобождения, пока тут же стояла пристыженная мать и, кажется, тихо плакала в соединённые лодочкой ладони, которые она прижимала к своему лицу.

– Мама... ты чего? Ты плачешь? – прошептала Габриэль и сделала пару осторожных шагов вперёд. Она протянула руку к плечу миссис Хаэн, но так и не смогла коснуться его – стыд и страх остановили её. – Мама, ну почему? Всё будет хорошо, вы с бабушкой обязательно помиритесь... Вы же часто ругаетесь, – промолвила она миролюбивым тоном и тут же мысленно выругала себя: этих слов, она чувствовала, ей совсем не стоило говорить.

Миссис Хаэн всхлипнула и осторожно отняла мокрые ладони от своего лица. Она, действительно, плакала: глаза у неё покраснели и припухли, по щекам ползли параллельные друг другу блестящие дорожки слёз.

– Габриэль, – укоризненно пробормотала она, – что же ты наделала...

– Что я наделала? – возмутилась Габриэль. Она отшатнулась от матери, и её голос снова возвысился. – Что?! Разве я была неправа?

– Ты могла всего лишь промолчать, – устало сказала миссис Хаэн, – ни к чему тебе знать о наших с бабушкой разногласиях.

– Но она говорила неправду, мама!.. – простонала Габриэль обессиленно. – Как я могла промолчать?

– Ты могла промолчать, чтобы не расстраивать её! – на одном дыхании стремительно проговорила миссис Хаэн, широко раскрывая блестящие глаза. Но вдруг порыв вдохновения, в котором она заговорила, оставил её, и она опять опустила голову, глаза её потухли, а голос сделался старым и скрипучим. – Твою бабушку уже не изменишь, Габриэль. Мы с тобой упрямы, но она ещё упрямее нас. Ведь она же моя мать.

Габриэль закусила губу, рассерженно повернув голову в сторону.

– Это неправильно, – пробурчала она. – Если она будет так всегда думать...

– ...никому не станет хуже, – вздохнула миссис Хаэн. – А теперь иди. Иди к своей подруге, если ты ещё не опоздала, и бери с собой Оону. Вам лучше сегодня продержаться в гостях подольше. Я постараюсь успокоить маму, но... ты понимаешь, что она не захочет меня слушать. Поэтому вам нужно всего лишь выждать время.

Габриэль не испытала никакой радости от этого разрешения, которое она получила с боем и запозданием. Ей не хотелось радоваться потому, что она чувствовала какое-то унижение, словно молила мать на коленях, и та смилостивилась исключительно из-за мягкости своего характера. А ещё у Габриэль возникло такое неприятное чувство, словно её выгоняли из дома. Впрочем, она и сама рада была уйти: после всего, что она услышала здесь об Эстелле и своих друзьях, она не чувствовала никакой родственной приязни либо привязанности к этим дряхлым стенам, которые настолько привыкли жить прошлым, что никак не желали признавать настоящее.

* * *

Во дворе особняка Эстеллов властвовала торжественная холодная тишина – как и всегда. Хозяйского автомобиля не было ни у крыльца, ни внутри гаража, из чего следовал очевидный вывод: он снова на работе. Мелисса была предоставлена сама себе, в точности как и её неожиданно объявившийся названный кузен, привезённый родителями из Стеджерсон-тауна.

– Девчонки! Наконец-то вы тут! – воскликнула Мелисса, сидевшая на ступенях величественного крыльца.

– Мы уже думали, что вы вообще забыли о нашем уговоре, – сурово промолвила Люсинда. Под глазами у Люсинды чернели заметные синяки, и глаза её были не в пример тусклее обыкновенного. Она даже разговаривала замедленно и далеко не с таким энергичным напором.

– Где вас только носило? – удивился Патрик. На его загорелых щеках под влиянием солнца легко появлялись задорные оранжевые веснушки.

– У нас были небольшие проблемы... дома... – промолвила Оона смущённо и потупилась.

– Ма загрузила работой по дому, – легко соврала Габри. – Мы вдвоём полировали тарелочки, пока ма мыла бокалы.

Оона незаметно толкнула Габриэль локтем в бок, однако Габриэль сделала вид, будто бы не ощутила этого толчка, и изобразила на своём лице улыбку, глупей и фальшивей которой ещё не замечал ни один представитель рода человеческого.

– Не слишком это похоже на правду, – рассмеялся Блез, – иначе ты не улыбалась бы, а издавала какие-то странные рычащие звуки и смотрела на нас так, как будто хочешь убить.

– Ну, теперь-то это всё позади, – с нажимом промолвила Габриэль, – и разве я не должна этому радоваться? Мне не нравится ход твоих мыслей, Блез.

– Неважно, что он по этому поводу думает! – нетерпеливо оборвала их Мелисса. – Важно то, что мне нужно хоть как-то подготовиться к приезду своего почти кузена, которого я никогда раньше не видела и...

– ...и которого не желала бы видеть и того дольше? – лениво предположила Линда, с особым прищуром глядевшая в экран своего телефона.

– Вовсе нет! – Мелисса оскорблённо выставила вперёд подбородок. – Мне интересно, конечно, узнать своих родственников и всё такое, но я... боюсь. Я же их совсем не знаю. А вдруг они окажутся ещё более мерзкими монстрами, чем я слышала?

– Такое, по-моему, невозможно, – предположила Джоанна. – Я не верю даже половине тех слухов, что о них ходят. Люди не могут быть настолько плохими, поэтому, Мелисса, не надо беспокоиться. Я уверена, что, если уж родители твоего кузена не окажутся приятными личностями, то он сам ни в коем случае тебя не разочарует.

«Сорок пять процентов от отца, пятьдесят от матери... – рассеянно подумала Габриэль, – если эта теория верна, то пусть Мелисса не надеется, что достигнет взаимопонимания со своим кузеном. Об его родителях не говорили только немые, а уж грязные сплетни о них и те пускали. Если хоть половина из этого – правда...»

Габриэль невольно глубоко, почти страдальчески вздохнула. Ей на ум пришли все те многочисленные слухи, что ходили по Литтл-Мэю о семействе Бальтазара Эстелла, младшего кузена Бертрама Эстелла. Бальтазар Эстелл тоже жил и учился здесь когда-то, в одной школе с Бертрамом, который, как говорили, никогда не любил его: они были слишком разными. Бертрам Эстелл был школьной знаменитостью и не стеснялся никаких эпатажных выходок, Бальтазар Эстелл до последнего года своего обучения оставался примерным тихоней, поскольку простора для развёртывания семейных наклонностей ему не оставляли властный отец, дядя Бертрама Эндрю, и тётушка Регина, мать Бертрама. Также Бальтазара жёстко контролировала его старшая кузина Реджина. Но так не продолжалось вечно: Реджина уехала в Лондон, Бертрам ударился в безумный разврат (в эту часть городской легенды Габриэль нисколько не верила), тётушка Регина умерла, а один Эндрю и его жена Оливия, сами не являвшиеся образцом благонаправленного поведения, не сумели удержать сына в узде. Бальтазар женился, едва соступив со школьной скамьи, несмотря на то, что его брак не одобрил ни один из членов семьи. Его супругой стала Габриэла Дервиш, его бывшая одноклассница, девушка скверного нрава, капризная и самолюбивая. Она была дочерью приятелей Эстеллов и тесно общалась со всеми в этом клане, кроме ещё одной старшей кузины Бертрама Ариадны. Однако в планы Эндрю Эстелла вовсе не входило женить своего единственного сына на девушке, чьи родители уже не раз предавали, а, сверх того, были разорены и имели весьма расплывчатые шансы как-нибудь поправить свои дела. Мистер Эстелл попытался переубедить сына, отговорить от поспешной женитьбы, но, когда это не получилось, вся семья отрёклась от непокорного, лишила его наследства и бросила на произвол судьбы. Бальтазар и Габриэла, однако, поженились, поскольку им вовремя помог отец Бертрама, назвавший своё великодушное пожертвование свадебным подарком, и поспешно отбыли в Стеджерсон-таун, где остались проживать. Они не торопились возвращаться назад, поскольку понимали, что в родных краях их никто не примет. Эндрю Эстелл притворился, будто у него и вовсе не было сына, в точности так же поступил и Эдвард, которому совершенно не хотелось ссориться с братом. Пока Эстеллы морочили сами себе голову, заявляя, что они понятия не имеют, кто такой юноша по имени Бальтазар, живущий в Стеджерсон-тауне и почему-то носящий их фамилию, Дервиши тоже отвернулись от Габриэлы: они всё надеялись улучшить отношения с Эндрю, но этого так и не произошло.

А в Стеджерсон-тауне счастливо жила молодая семья Эстелл. Вскоре у них родился сын Арчибальд. Тот ни разу за свои пятнадцать лет не побывал в родном городе отца, где проживали его родители и родители матери, не навестил дядюшек и тётушек. Впрочем, Габриэль не удавалось осуждать его за это. Ей делалось горько и больно, когда она, думая о Бертраме Эстелле, понимала, что он ничего не сделал, чтобы принять племянника, и не поддержал кузена. Ей всё яснее представлялись гигантские различия между созданным ею идеалом, в который она влюбилась, и реальным человеком, однако она по-прежнему упрямо закрывала глаза на все несоответствия. Ей легче было бы забыть о существовании Арчибальда, о непонятной истории с тётёй Джинни и о неумолимых слухах, которые продолжали жить на языках горожан, несмотря на то, что прошло уже немало времени с тех пор, как эти слухи были актуальны. Она с охотой обманывала саму себя, каждый раз самостоятельно взваливала на шею груз, не делавшийся легче от красочных иллюзий, что она рисовала в своём мозгу, лишь бы продлить блаженные мгновения самообмана.

Габриэль искоса взглянула на Мелиссу: та в напряжённой позе сидела на ступеньках крыльца, подавшись вперёд и чего-то выжидая. Габриэль попыталась отгадать, какие мысли сейчас могут бродить в голове каждого её друга, чтобы постараться сделать свою догадку как

можно правдоподобнее, она осмотрела окружавшие её лица. Но для неё ничего не прояснилось во внутреннем мире людей, в головы которых она пыталась проникнуть. Ребята выглядели спокойными, словно их ничто не тяготило сейчас. Габриэль деловито извлекла из своего кармана телефон и посмотрелась в него. Её лицо тоже было таким – непроницаемым и доброжелательным, однако это не означало, что она не чувствует потрясения от ссоры матери и бабушки и не боится, что её секрет откроется.

«Лгут всё эти физиономисты, – сердито решила Габриэль. – Невозможно быть уверенным в том, что какие-то твои смутные догадки о человеке подтвердятся, если у него действительно окажется горбатый длинный нос, и глаза будут гореть как у волка. Что можно доказать без точных знаний? В чужую душу не пролезешь. Если я сама не понимаю себя, то что во мне может прочесть совершенно посторонний прохожий?»

Мелисса нарушила звенящую знойную тишину ленивым вопросом:

– Быть может, пока войдём в дом? Кажется мне, что эти люди не торопятся приезжать.

– Они же не знают, кого увидят, – спокойно промолвила Люсинда, шурясь под ярким солнцем, – и наверняка ждут, когда вернётся твой дядя. Они хотя бы представляют, кто он такой.

– Они что-то там могут представлять? – фыркнула Мелисса. – Они не виделись с ним шестнадцать лет, Люсинда! За шестнадцать лет с ним столько всего успело произойти!

– С ними тоже, – заметил Стивен.

– Вот и получится, что они встретятся с совершенно незнакомым человеком, которого они продолжают считать своим родственником, – пробурчала Мелисса, склоняя голову к коленям. – Они никогда не были близки даже в молодости, а сейчас... Сейчас я вообще сомневаюсь, что они найдут общие темы для разговора. Да и троюродное родство не слишком близкое.

– Дядя Себастьян мне тоже не совсем дядя, – с горячностью возразила Люсинда, – но ведь у нас сложились прекрасные отношения, хотя я выросла без него.

– Ты и дядя Себастьян – это из одной оперы, а я и вся семья дяди Бертрама – из совсем другой, – отмахнулась Мелисса. – Поверь, Люсинда, в этой семье все друг друга ненавидят. Как в серпентарии. Чтобы не укусили тебя, тебе приходится кусаться. По крайней мере, я делаю такие выводы, когда смотрю на его родственников и когда до меня доходят всякие слухи о них. Боюсь, что дядя Бальтазар, тётя Габриэла и мой кузен Арчибальд точно такие же, – Мелисса ехидно покосилась на Люсинду, по щекам которой расползлись заметные красные пятна.

– Не стоит делать такие поспешные выводы, – вмешалась сидевшая наверху Линда, – может быть, они не столь плохи.

– Ага, может быть... – Мелисса ядовито усмехнулась и поднялась. – Ну что ж, – она вскинула над головой руки, как будто сдаваясь, – раз уж у нас не получается дождаться моих родственников тут, будем ждать в доме. Просидим тут ещё немного – и меня хватит солнечный удар. К тому же, если они вздумают нагрянуть вечером, у меня появится законный повод не запустить их за порог, потому что я никого из них не знаю, – Мелисса блаженно зажмурилась, как будто такой вариант развития событий понравился ей намного больше остальных. – Они глубоко заблуждаются, если и вправду думают, что дядя Бертрам способен вернуться с работы в положенное время. Он говорил мне как-то, что собирается проторчать там до поздней ночи. Поэтому, девочки, – Мелисса настежь распахнула входную дверь и приняла серьёзный вид, – я вас приглашаю сегодня на пижамную вечеринку, чтобы мне не было так страшно одной и чтобы я не начала выискивать несуществующих монстров под своей кроватью, – она натянуто улыбнулась.

– Эй, а почему ни слова о нас? – возмутился Стивен. – Вообще-то мы тоже твои друзья!

– Если дядя Бертрам узнает, что в этом доме ночевали мальчишки, – снисходительно улыбнулась Мелисса, – он оторвёт мне голову. Ну и вам, думаю, в том числе, только намного раньше, чем мне. Поэтому извините, но парням вход запрещён.

– Понял, дружище? – усмехнулся Патрик и, поднявшись со Стивеном на одну ступеньку, с размаху хлопнул того по плечу. – Вот это и называется – техника облома. Девчонок ей с малолетства, наверное, обучают.

– Да... старые добрые комедии врут, – с улыбкой подтвердил Блез, – те самые комедии, где наиболее желанный гость на девичнике – это парень.

– Наша жизнь куда интереснее, чем комедия, – отрезала Мелисса, – потому что мы умудряемся добавить туда немного трагедии...

– ...сурового реализма, – продолжила Оона.

– ...и щепотку старого доброго фарса, – усмехнулась Джоанна.

– Что ж, ингредиенты, по-моему, друг с другом не совсем сочетаются, – осторожно предположил Стивен.

– Сочетаются они или нет, выяснять не нам, – рассмеялась Мелисса, – не мы это блюдо готовили! Так что проходите побыстрее. Собираться на чаепитие несовершеннолетним лицам обоюбого пола не запрещено. Ну, это пока, конечно.

– Слушай, когда ты берёшь такой тон, мне начинает казаться, что ты вышвырнешь меня за дверь, едва я переступлю порог, – добродушно пробурчал Стивен.

– Нет, конечно! – у Мелиссы совершенно искренне округлились глаза. – Ты уверен, что я такая жестокая? Ты слишком низко ценишь меня, Стивен. Сравни меня с Барбарой, и ты поймёшь, кто из нас двоих являет собой чудо терпения и всепрощения.

– Или с Ромильдой, – рассмеялась Люсинда, – потому что Ромильда не позволила бы тебе даже ногу продвинуть за порог без торжественных обещаний вести себя прилично: то есть не зевать и не затыкать уши, когда она начнёт петь.

После яркого солнца, равномерно обливавшего округу волнами жарких лучей, Габриэль было крайне тяжело привыкнуть к темноте, настигнувшей её, когда она переступила порог и Мелисса закрыла за нею – последней, кто проходил, – тяжёлую дверь. В пустом приёмном холле глухо охнули выдвинувшиеся вперёд металлические замки.

– Вот, добро пожаловать, – с гордостью сказала Мелисса, – вы же не помните, где кухня, верно?

– Верно... – прошептал потрясённый Патрик – он, Блез и Линда впервые были у Мелиссы дома. – И вы вдвоём живёте в таком огромном особняке?

– Ну и что? – чуть приподняв бровь, поинтересовалась Мелисса. – Больше простора – больше возможностей спрятаться от дяди и не видаться с ним, если у меня не будет желания разговаривать.

– Если честно, – пробормотала Линда, – то эти бесконечные высокие потолки и огромные комнаты меня напрягают. Я сразу начинаю чувствовать себя героиней фильма ужасов, которой надо убежать от монстра.

– А монстру будет очень легко увидеть тебя здесь, – понимающе, с ноткой иронии протянул Стивен, оглядываясь, – такой простор... он идеален для охотника.

– Не смешно, – Линда поджала губы.

– По-моему, в моём доме нет ничего страшного! – обиделась Мелисса. – И вовсе он не похож на декорации к фильму ужасов. Ну, был похож, конечно, – исправляясь, она низко опустила голову и ярко покраснела, – но это было давным-давно, когда тут жила семья дяди Бертрама. А ещё хуже тут становилось, когда к нему приезжали дяди с кузинами и кузеном. Но сюда больше никто не ходит: дядя Бертрам со всеми ними поругался после смерти своей матери.

Компания помолчала: упоминание о смерти покрывало кожу морозной плёнкой даже в столь жаркий и радостный летний день. Люсинда обвела пространство вокруг себя боязливым взглядом и предложила не слишком уверенным тоном:

– Послушайте, давайте больше не будем об этом говорить.

– Да, – согласился Блез, – мне не по себе, когда о мёртвых вспоминают.

– Уже молчу, – мрачно отозвалась Мелисса. – Я уверена, что сейчас парни начнут требовать еды.

– И зрелищ, – со значительным видом прибавил Патрик, чьё лицо ещё было покрыто бледностью. – Ведь у тебя есть чем нас угостить?

– Зрелища – первая дверь налево, хлеб тоже где-нибудь достанем, но это уже только моя задача, – усмехнулась Мелисса. – Она, будь так добра, проводи, пожалуйста, – Она решительно кивнула и даже гордо улыбнулась, словно подобное поручение было для неё в высшей степени лестно. – А ты, Габриэль... ты можешь пойти со мной?

Габриэль исподлобья посмотрела на Мелиссу. Ей хотелось выяснить, не пытается ли Мелисса таким образом вызвать её на откровенный разговор, темы которого она не знала, но предполагала, какой эта тема может быть. Она не могла задерживаться дольше: это показалось бы подозрительным. Поэтому Габриэль поторопилась ответить:

– Да, конечно, Мелисса, я уже иду.

Мелисса радостно улыбнулась. Глаза у неё были чистые, ясные, совершенно спокойные. Габриэль пристально смотрела в них и не находила никаких признаков презрения и осуждения (Габриэль была уверена, что её ненормальное отношение к Эстеллу не может вызвать никаких иных чувств). Она повела толпу ребят в малую гостиную первого этажа, а Габриэль покорно засемила следом за Мелиссой – на кухню, где ничто не менялось уже более десяти лет.

Мелисса пропустила вперёд Габриэль, затем зашла сама и плотно закрыла дверь. Габриэль угрюмо смотрела в окно. Полоски жалюзи, прикрывавшие его, были подняты, открывая вид на ровно подстриженный газон, посреди которого заботливый Боб Феллиот разбил несколько пышных клумб. На клумбах вились, поднимаясь к яркому синему небу, пышные цветы, названий которых Габриэль не знала.

Мелисса мелкими, практически беззвучными шагами подошла к кофемолке, загрузила в неё крупные душистые зёрна и нажала на кнопку. Под потолком кухни раздался бодрый треск.

– Красивая кофемолка, – не зная, что ещё можно сказать, заметила Габриэль и сразу же почувствовала, что этого говорить не следовало.

– Да, мне тоже нравится, – рассеянно ответила Мелисса.

Распахнув настежь дверь мерно гудящего холодильника, она закопошилась внутри, шурша целлофановыми обёртками и раздвигая что-то в стороны. Крепко сплетя руки между собой, Габриэль ожидала стремительного и страшного удара, который обязательно обрушился бы на её голову в то самое мгновение, когда Мелисса закрыла бы холодильник. Но Мелисса отнюдь не торопилась завершать свои поиски. Наверное, ей нравилось остужать кожу после убийственно жарких прикосновений солнца. Габриэль чувствовала себя взвинченной, настороженной, напуганной. «Зачем она меня позвала? – спрашивала она злорадно молчащий голос здравого смысла. – О чём она хочет со мной поговорить? Почему так долго молчит? Неужели же она знает? Но, если она знает, то отчего не накричала на меня сразу? И как она могла узнать? На чём я прокололась, где же я, чёрт возьми, ошиблась? Неужели я смотрела на него другими глазами? Да, да, было такое... я же старалась себя контролировать, но, как видно, у меня совсем не вышло... Да... и ещё я помню, что месяц назад, когда он спускался по лестнице мимо меня, я прикоснулась к его рукаву кончиком пальца, он даже не заметил... Но Мелисса увидела, наверняка увидела, она же стояла напротив! И я помню... тогда у неё был такой же странный взгляд...»

Сердце её быстро дрогнуло и облилось холодной неприязненной волной, когда она всё-таки задала вопрос, которого, конечно, тоже не следовало задавать:

– Мелисса... ты хотела меня насчёт чего-то допросить?

– Что? – удивлённо спросила Мелисса. Так как она по-прежнему копошилась в холодильнике, её голос звучал глухо и как-то отстранённо. – Почему ты решила, что я хочу от тебя чего-то добиться?

– Ну... ты меня сюда привела, а сама молчишь, – заливаясь краской, вздохнула Габриэль и развела руками. – Как будто ждёшь, чтобы я заговорила сама.

– На самом деле я не думаю, что мне нужно от тебя чего-то добиваться, – вздохнула Мелисса, – ведь ты мне всё рассказываешь, верно?

– Конечно, – без малейшей паузы, но дрогнувшим и изменившимся голосом проронила Габриэль.

«Конечно, я тебе рассказываю всё, кроме того, что я люблю твоего опекуна так сильно, что считаю саму себя ненормальной извращенкой», – прибавила она мысленно мрачным голосом.

Но Мелисса ей поверила: возможно, потому, что она не видела выражения её лица. Издав радостное восклицание, она пробормотала:

– Вот оно... – и извлекла из холодильника огромную банку с шоколадной пастой. – Габриэль, ты же сможешь мне приготовить всем бутерброды?

– Естественно...

Несмотря на то, что Мелисса, казалось, действительно ничего не знала и даже ни о чём догадывалась, Габриэль ей не верила. Она искала подозрительное движение и взгляд, готового мгновенно выдать ложь, но не могла его найти. Его не было. Однако Габриэль не удавалось расслабиться. Она ждала, напряжённо ждала, когда вскроется её тайна, и, не желая самой себе признаваться, тайно желала этого.

Мелисса деловито разливала кофе по стаканам, Габриэль сомнамбулически, практически не осознавая своих действий, намазывала батон шоколадной пастой и устало косилась за окно. Находиться в замкнутом пространстве с Мелиссой наедине было выше её сил.

– Как ты думаешь, – вдруг спросила Мелисса, – а это ненормально, если человек видит призраки давно умерших людей?

– Что? – Габриэль изумлённо приподняла голову и широко распахнула глаза. – В фильмах?

– Нет, естественно, – устало вздохнула Мелисса и закатила глаза. На её щеках разрослись ярко-алые пятна. – Послушай, Габриэль, я спрашиваю, если бы живой реальный человек с глубокого детства видел призраков, причём не каких-то воображаемых, а призраков действительно существовавших людей, что ты сказала бы о таком человеке?

Габриэль помолчала, пронзая краснеющую Мелиссу пристальным взглядом.

– Ну... – старательно подбирая слова, заговорила она, наконец, – ну... я подумала бы... подумала... что этот человек... шизофреник.

– Вот как, – выдохнула Мелисса и отвернулась. Ярко-красные пятна на её щеках стремительно увяли.

– Но ведь меня тоже нельзя назвать полностью нормальной, – поспешно вставила Габриэль. – Получается, я не имею права судить этого человека.

– Именно ты и имеешь, – сердито отозвалась Мелисса, – если спрашивать одного человека о степени вменяемости другого человека, нужно выбрать сумасшедшего – но не окончательно сумасшедшего, который не отдаёт ответа в собственных действиях. Нужно выбрать обычного сумасшедшего, такого, как я или ты.

Габриэль краем рта улыбнулась. Ей страстно хотелось отложить в сторону все эти дела, которые были ей навязаны Мелиссой, повернуться и сказать с усталым смешком: «Ты вообще не понимаешь, насколько я на самом деле ненормальная».

На улице что-то металлически блеснуло, пробившись сквозь частые переплёты решётки заднего двора. Габриэль и Мелисса обе вытянулись, обе одновременно метнулись к окну

и выглянули в него. Действительно, мимо особняка величаво скользил дорогой элегантный автомобиль. Ветровое стекло с водительской стороны было опущено, поэтому Габриэль и Мелисса смогли мельком увидеть лицо человека, сидевшего за рулём. Автомобиль полз крайне медленно, словно стремясь произвести неизгладимое впечатление на всех, кто мог его увидеть. Вёл его мужчина лет тридцати трёх, чрезвычайно похожий на Бертрама Эстелла, равно как и на всех Эстеллов вообще. Сбоку от мужчины сидела какая-то фигура, судя по всему, женская, но разглядеть её внимательнее не удавалось: фигуру укрывала тёмная тень.

Габриэль взглянула на Мелиссу с удивлением и плохо скрываемым испугом. Мелисса подалась назад, её глаза вдруг ярко блеснули, и её лицо сделалось страшным. Габриэль так и не удалось понять, боится она или столь сильно не желает, чтобы родственники Бертрама Эстелла снова переступили этот порог.

– Они приехали, – сдавленным голосом прошептала Мелисса. – Габриэль, идём! Одна я не справлюсь, это точно.

Не задавая никаких вопросов, Габриэль метнулась в дверной проём – Мелисса растворилась в нём мгновением раньше. В полутёмном коридоре она первоначально утратила чувство ориентировки, ткнулась лицом в вешалки, заполненные женской одеждой, споткнулась о тумбочку для обуви, наполненную небольшими кроссовками, балетками и туфельками разнообразных фасонов, неуклюже вытянула руки вперёд и, спотыкаясь, побежала с увеличенной скоростью. Мелисса уже была в приёмном холле. Она с трудом толкнула тяжёлую дверь, вынырнула на крыльцо и там растворилась в потоке яркого жёлтого света. Габриэль помчалась следом. Она подросла ровно к тому моменту, когда автомобиль Эстеллов приблизился к воротам и величаво замер у них: ворота были закрыты. Распахнулась дверца со стороны водительской стороны. Первым вышел тот самый мужчина, которого они видели из окна. Этот мужчина отворил дверь напротив своего кресла и помог выбраться изящной светловолосой женщине, всю верхнюю половину лица которой затеняли широкие поля большой шляпы. Следом раздался ещё один хлопок – это у ворот появился парень примерно одних лет с Мелиссой и Габриэль, невероятно похожий на своего отца. Вся троица выстроилась у ворот и принялась с любопытством озирать просторный внутренний двор особняка. Габриэль скосила глаз в сторону Мелиссы; у Мелиссы явственны стали видны пунцовые пятна на лбу и на щеках.

– Итак... – прошептала Габриэль, – что ты будешь с этим делать?

Мелисса пожалала дрожащими плечами и постаралась сделать своё лицо как можно более невозмутимым. Однако игра давалась ей с трудом: у неё дёргались губы, дрожало нижнее веко, глаза блестели слишком ярко, а на лице то появлялся, то пропадал болезненный румянец.

– Думаю, надо открыть, – сказала она таким же трясущимся, как и её руки, голосом. – И это сделаю я. Но Габриэль... идём со мной?

– А как же ребята? – Габриэль с подозрением взглянула в сторону ворот.

Троица, топтавшаяся за решёткой, уже давно заметила Мелиссу и теперь подавала ей активные знаки руками, головой и даже ногами (мальчик, приехавший с Бальтазаром Эстеллом и его женой, пританцовывал на месте – очевидно, единственно ради привлечения внимания). Мелисса тяжело вздохнула, её глаза поднялись к небу.

– Не я первая, не я последняя.

– Но ребята сидят в доме, они ждут, когда мы их накормим, а мы вот так от них уйдём, ничего не сказав?

Габриэль недоверчиво постреливала глазами на троицу Эстеллов за воротами: у неё не было даже отзвуков желания или сумасшедшего любопытства, по вине которого она так часто влипала в неприятности, как-нибудь связываться с этой семьёй. На взгляд Габриэль, и Бальтазар, и его супруга, и их сын выглядели крайне подозрительно (и Габриэль была в этом убеждена непреклонно, невзирая на то, что её и Эстеллов разделяло довольно внушительное расстояние).

– Мы всё равно к ним вернёмся, только уже не одни, – делано равнодушным тоном проронила Мелисса и стала спускаться по ступеням.

Для Габриэль, привыкшей видеть её ссутулившейся и опустившей голову, будто выискивающей под ногами невидимых микробов, было вдвойне непривычно и удивительно видеть, как она выпрямляет спину – впервые за время их знакомства, – и принимает такой суровый и холодный вид, который принимала миссис Хаэн, когда к ней заявлялись нежеланные гости. Вокруг Мелиссы неожиданно поплыли странные незримые волны уверенности в своих силах. Габриэль повиновалась скорее по зову инстинкта, нежели вдруг очнувшегося здравого смысла (тот, словно обезумев, приказывал ей немедленно повернуться и броситься в дом, а, может быть, даже изобрести какой-нибудь благовидный предлог и убежать через задний двор, пока Эстеллы не преодолели ворота и с ними не пришлось разговаривать либо созерцать их на близком расстоянии). Габриэль неохотно потащила за Мелиссой следом. Их длинные тени прочертили чёрные полосы по асфальту. Оставляя позади крылечные ступени, Габриэль мысленно спрашивала себя, зачем она это делает и не поздно ли ещё умчаться. Она продолжала задавать этот глупый вопрос даже тогда, когда время её, очевидно, вышло: Мелисса сняла с пояса широкое и тяжёлое на вид кольцо, унизанное ключами разнообразных цветов и размеров, и отперла висячий замок на воротах.

– Добрый день, – быстро заговорил глава семьи, выглядывавший сквозь прутья, – Вы, вероятно, Мелисса Эстелл? Могу ли я поговорить с Вашим опекуном?

– Да, я Мелисса, – не здороваясь, с вызовом ответила та. – А поговорить с моим дядей, – она особенно подчеркнула это слово, со значением приподняв брови, – никто из вас сегодня не сможет, потому что он целый день пробудет на работе.

– А завтра? – с надеждой спросил Бальтазар Эстелл.

Мелисса сделала вид, будто серьёзно задумалась, хотя Габриэль хорошо понимала по злорадному неприязненному блеску в её глазах, каков будет ответ, и, как и следовало ожидать, она не ошиблась.

– Не думаю, – безжалостно отчеканила Мелисса, – поскольку он работает без выходных, с восьми утра до восьми вечера, иногда даже дольше.

– В свободное от работы время, – проронил Бальтазар Эстелл, не предпринимая пока, однако, никаких попыток к тому, чтобы проникнуть внутрь, – скажем, завтра?

– Нет, – упорствовала Мелисса. – Вы, сэр, можете себе представить, что Вы оказались бы способны вести приятную беседу, когда перед этим проработали без отдыха половину суток или даже больше?

– Послушайте, но мне нужно с ним поговорить, – загорячился Бальтазар, – не могли бы Вы хотя бы передать ему мои слова и попросить у него позвонить мне, когда он вернётся домой?

– Это можно, – снисходительно проронила Мелисса и слегка наклонила голову в знак согласия, – только, сэр, скажите мне сначала, по какой причине Вы желаете говорить с моим дядей. Не думаю, что он согласится тратить своё время на то, чтобы вспомнить прошлое с дальним родственником.

– То, о чём мы собираемся говорить, – приподняв бледный острый нос, надменно отчеканил Бальтазар, – не следует знать молоденькой девушке вроде Вас, юная леди.

– Тогда сами звоните дяде, – набычилась Мелисса, – и попытайтесь его выловить. Как Вам такой вариант? Я не собираюсь помогать Вам, не зная, чего Вы хотите от нас с дядей!

Габриэль заметила, как мадам Эстелл потянула мужа за рукав в свою сторону и что-то быстро прошептала ему на ухо. Арчибальд Эстелл, встревоженно крутившийся на каблучках чуть в стороне от родителей, смущённо и настороженно поглядывал на девочек, которые вдвоём стояли на пороге и не пропускали гостей даже во двор. Габриэль вдруг подумалось, что Бертрам Эстелл, окажись он здесь, не одобрил бы подобного поведения, и невольно отступила на несколько шагов в сторону. Мелисса сердито поймала её за запястье и притя-

нула к себе снова. Арчибальд Эстелл вздохнул и отвернулся. Он медленно отошёл к машине и присел возле неё на корточках, очевидно, ожидая, когда его родителям надоест биться лбом о непробиваемую стену равнодушия и неприязни Мелиссы, и они вернутся домой, в Стеджерсон-таун. Габриэль почувствовала, как внутри неё, тут же агрессивно выпустив когти, проснулось несвоевременное и в некотором отношении даже глупое чувство – ревность. Она ревновала родственников Эстелла к нему самому, как будто у них были столь хорошие отношения, что встреча после долгой разлуки могла отнять у неё, у Габриэль, крохи того внимания, что она получала как подруга его приёмной дочери. Она злобно зыркнула на Арчибальда Эстелла исподлобья, только её взгляд не принёс никакой пользы, поскольку Арчибальд Эстелл смотрел совсем в другую сторону.

Бальтазар Эстелл, меж тем, видимо, понял, что без предоставления Мелиссе адекватных объяснений он не сумеет продвинуться дальше ворот усадьбы.

– Это касается его отца, – сказал Бальтазар, наконец. – Это касается Энтони Эстелла и материальной помощи ему – так и передайте, юная леди.

– Хорошо, – согласилась Мелисса, но явно неохотно, – передам. А пока, думаю, вы предпочтёте отдохнуть (Габриэль предостерегающе ткнула Мелиссу локтем в бок, но это не подействовало), ведь вы проделали столь долгий путь...

Вперёд выступила мадам Эстелл. Из-под широких полей шляпы её лицо по-прежнему было трудно различить, и единственное, что Габриэль удалось рассмотреть в нём, были её тонкие и бледные, будто от малокровия, губы, которые на мгновение разомкнулись, открывая старательно отбеленные зубы. Голос у мадам Эстелл был высокий, но со странной хрипотцой, будто она недавно переболела либо же этот голос не был ей свойственен. Мадам аккуратно поправила шляпку на своей голове: кажется, ей не хотелось, чтобы девочки видели её лицо, и промолвила:

– Что ж, я премного благодарна Вам, юная леди, за эту любезность. К слову сказать, это же единственная любезность, которой мы от Вас дождались, невзирая на то, что мы являемся Вашими родственниками и Вы должны были бы проявлять по отношению к нам больше вежливости.

Мелисса скривилась, у неё злобно засверкали глаза: она совсем не с этой целью предлагала Эстеллам отдохнуть у себя. Однако и она, и Габриэль понимали, что теперь ссориться открыто нельзя, поэтому им придётся сдаться – хотя бы на время. Они одновременно посторонились, образовав позади ворот нечто вроде арки, сквозь которую Эстеллы торжественно прошагали: сначала мистер Эстелл, приставлявший ладонь козырьком ко лбу и щурившийся, затем миссис Эстелл, губы которой были презрительно поджаты, и, на значительном расстоянии от них, Арчибальд Эстелл, с мрачным и усталым лицом. Он протрусил мимо девочек, не взглянув ни на одну из них и ни с одной не поздоровавшись.

– Грубиян, – шёпотом сказала Мелисса Габриэль.

– Но ведь и ты не лучше, – заметила Габриэль также пониженным тоном.

У мадам Эстелл, видимо, был неплохо развит слух, поскольку она обернулась и проницательным догадавшимся взглядом обвела их из-под сдвинутой назад шляпы. Мелисса и Габриэль вздрогнули и обе невольно налились стыдливой краской. Габриэль потрясла головой первая, лишь бы согнать неуместный румянец и рассмотреть лицо мадам, пока та снова не спряталась под шляпкой. Впрочем, теперь она, кажется, и не собиралась этого делать.

Красоту, схожую с такой, какой обладала мадам Эстелл, традиционно называли «классической». У неё были тонкие черты лица, всю прелесть и правильность которых портили уродливый, странного болотного оттенка, свет в прищуренных ярко-зелёных глазах затаившейся хищницы, и очень бледная кожа, которую мадам, очевидно, старательно берегла от солнечных лучей. Она шагала с горделивым и уверенным видом, не сомневаясь в том, что всё, что есть лучшего и интересного в этом мире, муж, сын либо окружающие обязаны раздобыть и сложить

к её ногам. Габриэль невольно держалась в стороне от миссис Эстелл: то ли почтительность, то ли страх перед нею не позволяли приблизиться.

– Что это такое, – процедила мадам с презрительным видом, глядя на крышу особняка, – куда делись горгульи, что здесь стояли испокон веков? – и она метнула ядовитый взгляд на Мелиссу – та дрогнула, однако твёрдо и без запинки ответила:

– Спросите об этом моего опекуна, когда он вернётся. А до тех пор я попрошу Вас придерживаться свои замечания при себе, мэм, если Вам угодно...

– Мне не угодно, – сварливо отрезала мадам и снова вцепилась взглядом в левое крыло особняка. – Но... а это ещё что такое? – она даже остановилась, её лицо гневно исказилось. – Что случилось со старым гаражом?

– Не всегда же ему быть старым, Габриэла, – примирительно заметил Бальтазар Эстелл.

– Девушка! – сердито воскликнула миссис Эстелл, круто поворачиваясь к Мелиссе, – объясните, что это значит! Ничего не осталось от дома, который я прежде знала!

– Не я же его переделывала, мэм, – устало отозвалась Мелисса и на этот раз даже не подняла глаз. – Вы вроде бы отдохнуть хотели... а вот сейчас Вы кричите, злитесь, сами себя напрягаете. Это нездорово.

– Способствует преждевременной потере молодости и красоты, мэм, – старательно подпела Габриэль.

У миссис Эстелл нервически вздрогнули губы и потемнело лицо. Она сжала ладони, пару раз глубоко вздохнула и только потом, опустив руку в карман, вынула оттуда карманное зеркальце и внимательно изучила в нём своё отражение (при этом она не сбавляла шага, уверенно держа курс на ступени крыльца).

– Итак, – пробурчала она недовольно, – раз уж Вы, девушка...

– Меня зовут Мелисса, – поспешно вставила та с оскорблённым видом.

– Мелисса, – презрительно фыркнула миссис Эстелл, – какое вульгарное и простецкое имя. Совершенно ничем не выделит тебя из толпы, девочка.

– Мне моё имя нравится, – снова по-бычьему наклонив голову, прошипела Мелисса и прибавила: – Его мне дали мои родители.

– У них никогда не было вкуса, – отрубил миссис Эстелл, и лицо Мелиссы начало наливаться опасной краской, а притом ещё и дёргаться, что, как Габриэль успела выучить, было крайне тревожным признаком.

Мистер Эстелл поспешил принести свои извинения:

– Юная леди, юная леди, не стоит так переживать... Простите мою супругу за её... несдержанность, – Габриэла дёрнула носом и искривила губы в презрительной усмешке, – уверяю Вас, что она вовсе не всегда ведёт себя подобным образом... Долгая дорога... и обстоятельства, которые нас сюда привели, Вы должны понять, юная леди...

– Я понимаю, – отчеканила Мелисса, – что хозяева не могут грубить своим гостям, но и гости должны вести себя вежливо. Не слишком это красиво – когда за приветливое обращение тебе платят пощёлками и безосновательными нападками. Перед такими людьми нет желания распахивать свои двери! – эти слова она произнесла с явным намёком, что, как Габриэль считала, должны были понять даже люди наподобие Эстеллов.

Но Эстеллы либо действительно являлись толстокожими и непонятливыми, либо они становились таковыми, когда им невыгодно было что-либо понимать. Как кинозвезда улыбаясь Мелиссе, мистер Эстелл открыл перед нею дверь в дом, словно он был его хозяином, и подождал, пока все дамы (миссис Эстелл с гордым и недоступным видом шагала впереди всех) пройдут в приёмный холл. Следом втиснулся Арчибальд, которому совершенно не нравилось здесь находиться, если только его печальные гримасы и отсутствующие взгляды по сторонам стоило расценивать верно, и лишь затем мистер Эстелл вступил в особняк сам, плотно притворив дверь за собою.

Миссис Эстелл озидала приёмный холл недовольными ярко-зелёными глазами. Габриэль подспудно чувствовала, что мадам готовится произнести гадость: по любому поводу, – и теперь ищет этот повод, чтобы снова выразить своё недовольство. Ей не пришлось искать долго, она впилась взглядом гарпии в ступени лестницы и произнесла шипящим змеиным голосом:

– Девушка! Что это такое?

Мелисса хранила гордое молчание. Впрочем, это не подействовало на миссис Эстелл. Осмотревшись, она подошла к ступеням, поставила на них одну ногу и звучно постучала по ступени каблуком. Неприятный цокающий звук отдался от сводчатых высоких потолков зала.

– Здесь нет ковровой дорожки, – процедила миссис Эстелл звучно. – Когда хозяйкой была мадам, всё было ослепительно и величественно. Увы, Бертрам совершенно не...

– Габриэла, милая, всё это было, – напирая на последнее слово, проговорил мистер Эстелл и снова обратился к Мелиссе, чьи плечи тряслись уже довольно ощутимо, извиняющиеся глаза: – Прошу прощения, прошу прощения!

– Ещё одно слово, – пробормотала Мелисса себе под нос, ни к кому явно не обращаясь, – и я их всех, я их...

Габриэль понимающе склонила голову: когда она смотрела в надменные лица семейки Эстеллов, она чувствовала ту же самую злость и неприятие по отношению к ним, то же желание немедленно выставить их за порог, несмотря на то, что этот дом не принадлежал ей и, следовательно, она не имела никаких прав в нём распоряжаться. Арчибальд Эстелл сделал неловкий шаг поближе к ним; Мелисса гордо и холодно отстранилась. Арчибальд оскорблённо закусил губу.

– Может, чаю или кофе? – кривясь от омерзения, спросила Мелисса.

Миссис Эстелл не заметила ни одной из её гримас, а мистер Эстелл, хотя он их прекрасно видел, предпочёл притвориться, будто бы Мелисса задала этот учтивый вопрос с таким же учтивым выражением лица. «Подкаблучник», – легко определила Габриэль.

– Пожалуй, я не откажусь от хорошего кофе, – согласилась миссис Эстелл надменным тоном, – только, девушка...

– Меня зовут Мелисса! – прорычала та, сузив глаза и агрессивно выгнув шею.

– Не вижу особенной чести в том, чтобы так именоваться, – свысока обронила миссис Эстелл и продолжила говорить так, словно её ничто не прерывало: – Мелисса, раз тебе так угодно, не вздумай наливать в мою чашку ту бурду, на которой живёт и работает Бертрам и которую вы почему-то считаете кофе. Я требую настоящего, не молотого, а зернового кофе, вывезенного из той страны, где кофейные деревья есть.

– А если у меня нет такого кофе, мадам? – провокационно поинтересовалась Мелисса.

– Значит, сходи в магазин или пошли туда вот эту девочку, – миссис Эстелл брезгливо поморщилась в сторону Габриэль, которая, сочтя себя оскорблённой, по-звериному оскалилась. – Ведь ты тут горничной подрабатываешь, верно?

– Неверно, – огрызнулась Габриэль, – я её подруга! И мой дед – хозяин корпорации «Хаэн Камфортэбл!»

У мистера Эстелла в глазах заблестело уважение, однако миссис Эстелл нисколько не впечатлилась. Она посмотрела на Габриэль с высокомерным отчуждённым видом, а затем проронила, словно с сожалением тратя свои слова на такую, как она:

– Ах, это твой отец – тот несчастный неудачник, который прогорает раз за разом и сейчас едва тащит на себе несчастненький, потрёпанный, никому не нужный магазинишко, что, конечно, вот-вот закроют?

– Не закроют, – окрысилась Габриэль, – с чего Вы так в этом уверены?

– Людей, которые умеют делать деньги, – снисходительно улыбнулась миссис Эстелл, – видно сразу.

– Габриэла, хватит уже! – со страданием простонал мистер Эстелл, и только тогда его склочная супруга соизволила умолкнуть.

Вернее, она умолкла не столько по просьбе Бальтазара – она перестала хоть сколько-то его уважать с тех пор, как стала его женой, – а сколько потому, что поняла сама: она не продержится в этом доме ни одной лишней минуты, если продолжит показывать своё недовольство Бертрамом, его домом и воспитанницей, которая, кстати, не понравилась миссис Эстелл с первого взгляда. Она глубоко вздохнула и провела пальцем по широким перилам лестницы.

– Вы проводите нас в столовую? – спокойно и уже намного более вежливо спросила она. У Мелиссы на лбу пролегли глубокие складки.

– Хорошо, – пробурчала она, – следуйте за мной, господа. Габриэль, – она обернулась к застывшей на ступенях подруге и, пользуясь тем, что ни мистер, ни миссис Эстеллы, ни Арчибалд не могли этого увидеть, сделала свои глаза печальными и умоляющими, словно у собаки, что в дождливый день сидит под дверью хозяйского дома. – Габриэль, ты же поможешь мне?

– Помогу, – с неохотой отозвалась Габриэль и, не дожидаясь прямых просьб, вразвалку потопала вниз, к двери, прятанной сбоку от лестницы и ведущей в уютную, тёплую и приветливую кухню, которая нравилась Габриэль куда больше холодной, необжитой и суровой столовой. Вслед ей нёсся требовательный окрик миссис Эстелл:

– Не забудь, что кофе должен быть непременно высшего качества! И положи мне две ложки сахара, причём не забудь добавить сливок, именно сливок, а не тех маловразумительных полуфабрикатов, которыми вы наверняка питаетесь!

Габриэль поспешно хлопнула дверью и прижалась спиной к гладкой, обитой новыми обоями стене коридора, чтобы изолировать себя от ненатурально высокого голоса миссис Эстелл, который начинал вызывать в ней тошноту. Неподалёку находилась малая гостиная, там, как Габриэль могла слышать, работал телевизор и негромко разговаривали девочки, а мальчики открыто выражали своё недовольство.

– Да неужели они там торт стряпают? – шутливо простонал Патрик. – Мой желудок похож на трубу неисправного пылесоса: если его сейчас же не накормить, он всосёт сначала мои кишки, а потом и всего меня.

– Не говори глупостей, – промолвила Люсинда, – думаю, нам всего лишь стоит пойти и поискать их.

– Мы слишком долго ждём, – проворчал Стивен, – скоро моя мать начнёт обрывать провода и требовать объяснений, почему я не предупредил её, что буду у Эстеллов. Кажется мне, ребята, не слишком ей нравится, что я здесь бываю.

– Бабушке тоже, – сумрачно прошептала Оона.

– Но ведь мы всё-таки пришли, – решительно сказала Люсинда, – стало быть, нет повода унывать. Давайте разыщем девочек и заодно подкрепимся.

Габриэль стояла в дверях кухни, слушала эти разговоры и мрачно смотрела на кофемолку. Ей категорически не хотелось что-либо делать ради этих противных Эстеллов, которые смели помыкать ею, насмехаться над нею, Мелиссой и Бертрамом... при мысли о том, что основная волна недовольства мадам была направлена именно на него, в ней вскипала дикая и необузданная ярость.

«Ну и зачем? Зачем я всё это делаю? – уныло спросила она у себя. – Он никогда не узнает, на что я готова ради него, равно как он никогда не оценит моих стараний. Стало быть... если всё напрасно... получается, что я могу действовать только ради своих друзей и ради самой себя. Ведь это мне же выгодно, значит, не будет бесполезной тратой сил и времени. Я могу убеждать себя в этом сколько угодно, однако я в любом случае каждой частичкой своей души, таясь от здравого смысла, буду отдавать Эстеллу добро и пользу от каждого своего хорошего поступка. Звучит слащаво и глупо, но это так». – Она протяжно вздохнула.

«Соберись, Габриэль! Забудь об Эстелле... хотя как можно забыть, если его так мерзко оскорбила женщина, о которой я слышала столько всего плохого! И о Мелиссе... и о ребятах... ведь их унижают в этом доме! Если бы он был моим, я не запустила бы за порог никого из этой семьи, даже если бы они ползали у меня в ногах!»

– Габриэль?

Голос Джоанны, послышавшийся из коридора, заставил её вздрогнуть и неловко вывернуться, словно выпутываясь из кокона собственных тяжёлых мыслей. Габриэль столкнулась взглядом с осуждающим лицом Джоанны, за которой толпились все остальные ребята, находившиеся не в лучшем расположении духа.

– Габриэль, – поинтересовалась Джоанна спокойным – даже слишком спокойным голосом, – где Мелисса?

– Встречает гостей, – глухо пробурчала Габриэль.

– Каких? – удивился Патрик. – Хочешь сказать, что... Эстеллы... Эстеллы приехали?

– Ну да, – голос у Габриэль был отчуждённый, слова она выговаривала монотонно, будто медленно-медленно пережёвывая их. – И уже давно.

– И...и как? – у Стивена заблестели глаза.

– Плохо, – лаконично отозвалась Габриэль.

Стоять лицом к лицу с растревоженной толпой ей было не только неприятно, сколько страшно, словно эта толпа, состоявшая сплошь из её близких знакомых и друзей, могла наброситься на неё и растерзать, если какие-то её слова окажутся не слишком приятными. Габриэль прошествовала к кофемолке и пробежалась пальцами по навесным шкафчикам над тумбами. Она раскрывала и затворяла вновь каждый из этих шкафчиков по несколько раз, лишь бы успокоиться, и не столько искала то, что было ей нужно, сколько заворожённо следила за равномерным открытием и закрытием новых блестящих дверок. То, что находилось за ними, не могло остановить на себе даже невнимательного её взгляда.

– Габриэль, – вкрадчиво сказала Люсинда, осторожными кошачьими шагами и с кошачьей же грацией пробираясь в кухню, – ты так и не объяснила в подробностях, что у них там происходит.

– Они ведут себя ужасно, – прошипела Габриэль.

Она всё-таки сумела углядеть на полке новые кружки, в которых Мелисса подавала чай гостям, и извлекла одну из них. Раздражённо швыряя молотые зёрна в чашку, она шипела сквозь зубы всё то, что думала об этих Эстеллах, и не скрывала своих чувств.

– Они приехали и начали оценивать дом, как будто собрались в нём жить, – говорила она, – и посмели ещё заявить, что у Мелиссы плохое имя! Можно подумать, – она презрительно скривилась, – что Арчибалд или Бальтазар – это такие имена, которыми стоит восхищаться! Я даже не выговорю их с первого раза!

– Но Габриэль, – осторожно вмешался Блез, – никто из нас с самого начала не думал, что они окажутся приятными людьми.

– Таких монстров ты ещё не видел! – огрызнулась Габриэль и плеснула кипятком в чашку миссис Эстелл. – Если она смеет так вести себя в гостях, я ужасаюсь, когда представляю, что творится у неё дома. Да и муж её... полнейший подкаблучник! А сын... большего идиота я ещё не встречала! Пока мы шли от ворот к дому и стояли в холле, он ни слова не произнёс! И смотрел он на нас такими странными глазами, что можно подумать, будто его родители держат его в клетке. Хотя я уже не удивлюсь ничему, что связано с этой женщиной. – Габриэль презрительно фыркнула. – Я не понимаю, как Мелисса сейчас может сидеть с ними там... одна... – она возвела глаза к потолку и передёрнулась всем телом от отвращения. – Мне казалось бы, что я сижу напротив огромной ядовитой змеи, чувствую, как она гипнотизирует меня взглядом и готовится укусить. – Габриэль снова дёрнулась и оставила чайник в сторону. – Она, подай сливки из холодильника, если они там есть, конечно. Что ж поделаешь, придётся попытаться

угодить этой стерве, чтобы она не съела Мелиссу заживо. «Мелисса – вульгарное имя», – Габриэль нервно рассмеялась, – а Габриэла? Звучит отвратительно!

– Габриэль, но её имя практически такое же, как и у тебя, – напомнил Патрик.

Она сердито отмахнулась:

– Нет, не такое же! «Габриэль» звучит намного мелодичнее и красивее, чем какая-то там «Габриэла». Знаете, это имя напоминает мне стук ножа мясника по доске: «Габ-ри-э-ла!»

Краем глаза она заметила, что на лицах ребят застыли изумлённые маски, и постаралась изобразить у себя на губах улыбку как можно дурашливее, чтобы они решили, будто она шутила, в то время как шутить ей хотелось меньше, чем когда-либо.

Она подала пакет со сливками, Габриэль с размаху опрокинула его над чашкой и бешено завращала ложкой в напитке. Она и Линда суетились рядом: они разливали чай и составляли всю посуду на поднос, который Блез сумел разыскать где-то внутри тех же шкафчиков, а Люсинда ворошила продукты в холодильнике, отпуская скудные комментарии:

– Это не то. И это не подходит... а это вообще что такое? – и она брезгливо приподняла двумя пальцами пакет, в котором лежало нечто, источавшее угрожающий запах. – Кто-нибудь знает?!

Линда смерила пакет подозрительным взглядом.

– Понятия не имею... положи это на место и лучше не трогай, вдруг оно опасно?

Наконец, Люсинда сумела при помощи Ооны и Линды соорудить на скорую руку пудинг. Пока они этим занимались, на передовую – то есть на встречу с Эстеллами – отправился Блез, как самый спокойный в компании после Люсинды. Блез был снабжён чаем, кофе, магазинным печеньем, конфетами и поручением передать от поваров, что вскорости будет готово коронное блюдо.

– Именно так и передать? – недоверчиво спрашивал Блез. – Но это же звучит так, как будто я выслуживаюсь!

– Ничего ты не выслуживаешься, – спокойно возразила Люсинда, – я уверена, что эту семью нужно бить именно таким же способом, каким они бьют всех, кто им не нравится. Скажи им, что здесь действительно есть повара, – и они уже станут думать о Мелиссе и мистере Эстелле лучше.

– Это предположение взято всё из той же книги по расположению к себе людей? – скептически осведомился Стивен.

– Возможно, – Люсинда спокойно пожала плечами, – я уверена, что этот трюк подействует. А, даже если я и попаду впросак, нам всё же не стоит сообщать правду: что пудинг приготовили три школьницы, которые пришли сюда в гости. Я уверена, узнай миссис Эстелл об этом, она даже есть не станет

– Ну и славно выйдет, – пробурчал Блез, однако покорно принял и поднос, и наставления, а затем вышел.

Вокруг стола закипела напряжённая работа. Девочки действовали так слаженно и быстро, словно они умели читать мысли друг друга, Габриэль изредка подавала им миксеры, ложки, сахарницы, носилась из угла в угол по незнакомой кухне и с неожиданной быстротой обнаруживала всё, что ей требовалось. Вскоре пудинг был готов, и за ним явился Блез. Глаза у Блеза были остановившиеся, поражённые и неприязненно сощурившиеся, а сам он был бледен и дрожал – как Габриэль сообразила, от отвращения.

– Ну, и как? – сразу подались вперёд ребята.

– Сказать, что это ужасно... – Блез покачал головой и с трудом выдохнул, – значит ничего не сказать. Сначала эта женщина придралась к тому, что блюда принёс не дворецкий. Когда я сказал, что дворецкого тут вообще нет, она спросила, кто я.

– А ты? – с придыханием спросила Люсинда.

– А я сказал, что я помощник повара, подрабатываю тут в свободное от учёбы время, – Блез пожал плечами. – На это мадам Эстелл скривилась, обозвала меня неучёным идиотом и заявила, что никто в мире, даже последний осёл, не ставит подносы так, как я. Мистер Эстелл попросил её помолчать, она разошлась ещё больше и спросила у меня: «Какую дрянь ваши повара измыслили приготовить на этот раз?»

– Дрянь?! – охнула Джоанна.

– Именно так, – Блез невесело покачал головой, – дальше она придралась к тому, что я, видите ли, не надел никакой рабочей формы. Потом раскритиковала подносы. Короче говоря, это невозможная женщина. Делайте что хотите, но меня в то пекло больше не засунешь.

– Равно как и меня, – мрачно открестилась Габриэль.

– Я и не собиралась просить никого из вас, – Люсинда победоносно усмехнулась, – я сама туда пойду. Если пустить к ним кого-то из вас, боюсь, вы умудритесь окончательно рассорить Мелиссу с этими людьми.

– Рассорить?! – искренне возмутился Блез. – Да нам даже делать ничего не надо, они сами неплохо стараются!

– Блез, – Люсинда сердито нахмурилась, – пока что держи своё мнение при себе. Хоть оно и правильное, нам всем придётся помолчать и потерпеть.

* * *

– Итак, – миссис Эстелл недовольно оглядела гостиную, – есть в этом доме хоть одно место, где мы можем расположиться на ночь?

– Раз Вам так не нравится мой дом, мэм, – отрезала Мелисса, – я не стану обременять Вас необходимостью в нём находиться. Через квартал отсюда есть гостиница, не помню, как она называется, но Вы можете спросить по дороге.

У миссис Эстелл на щеках выступили гневные пятна.

– Нет, милочка, – зашипела она, – мы останемся здесь, останемся и будем дожидаться возвращения твоего опекуна, которого ты по какой-то удивительной детской наивности называешь дядей... – миссис Эстелл вздёрнула губу, выпустив из-под неё насмешливый фыркающий звук, – надеюсь, что мы не тебе не помешаем, верно?

– А если я скажу, что Вы ошибаетесь? – с вызовом поинтересовалась Мелисса.

Она смотрела миссис Эстелл в глаза, не моргая. Эти люди не вызывали в ней ни отзвука родственных чувств, особенно после того, как они начали распоряжаться, командовать, унижать её, её друзей и дядю Бертрама. Мелисса не хотела признаваться себе, что она всё-таки считает дядю близким для себя человеком, поскольку обижается, если о нём говорят плохо, и поэтому она старалась вообще о нём не думать. Но это было чересчур трудно, поскольку Эстеллы произносили его имя через каждые пару-тройку фраз, и всегда с раздражением и плохо скрываемой либо вовсе не скрываемой неприязнью.

Мистер Эстелл боязливо посмотрел на супругу, но, сообразив, что Мелисса действительно не собирается им уступать, мягко прижал её ладонь к столу своей.

– Послушай, Габриэла, – тихо сказал он, – предоставь это мне. Девочка не очень... хочет с тобой общаться.

Миссис Эстелл приняла недовольный вид и усмехнулась краем рта с величайшим презрением. Однако она покорно откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди.

– Отлично, дорогой, – она театральным жестом откинула со лба длинную светлую чёлку, – предоставляю переговоры с несовершеннолетней девчонкой, у которой непонятно что творится в голове... словом, предоставляю это тебе.

– Мистер Эстелл, – холодно сказала Мелисса, – Вы действительно думаете, что я позволю вам троим тут остаться, когда вы себя так ведёте?

– Мелисса, прошу прощения, этого больше...

– Сколько раз Вы мне это обещали?

Мистер Эстелл крепко стиснул руку миссис Эстелл, которая явно собиралась снова разразиться потоком оскорблений, и пробормотал:

– Теперь, Мелисса, я клянусь, что нашему разговору ничто не помешает. Я считаю тебя достаточно взрослой для того, чтобы откровенно сообщить о том, что нас сюда привело, несмотря на то, что...

– Несмотря на то, что Вы и Ваша семья не общались с моим дядей много лет? – иронично приподняв бровь, поинтересовалась Мелисса. – Я думаю, что для этого должна быть очень серьёзная причина. Что именно Вы хотите ему сообщить о мистере Энтони Эстелле?

– Мы хотим... вспомнить прошлое, – почти прошептал мистер Эстелл, краснея. – Пойми, Мелисса, когда обе наши семьи решительно воспротивились нашему с Габриэлой браку...

Миссис Эстелл снова фыркнула и неприязненно втянула носом воздух.

– Габриэла, дорогая, – мистер Эстелл обратил к ней виновато вспыхнувшее лицо, – ты не могла бы отойти куда-нибудь вместе с Арчибальдом? Ты не возражаешь, Мелисса, если они посидят в гостиной на втором этаже? Ведь там по-прежнему есть гостиная, верно?

Мелисса смерила миссис Эстелл оценивающим и настороженным взглядом.

– Хорошо, пусть посидят, – наконец, разрешила она, – ведь, я полагаю, сэр, что нам предстоит очень долгая беседа?

Миссис Эстелл, явно недовольная решением мужа, поднялась из кресла, грубо схватила Арчибальда (который в течение всего разговора сидел, забившись в кресло и склонив голову к груди) за руку и выволокла в широкий коридор. Мелисса видела, как они вдвоём поднялись по лестнице, вошли в нужную дверь и исчезли. С уходом миссис Эстелл ослабла напряжённость, которую она чувствовала повисшей в воздухе, и половина её враждебности к мистеру Эстеллу исчезла. Мелисса посмотрела на него настороженно, но не с откровенной неприязнью, и ждала, когда он продолжит говорить – а это ему, очевидно, было нелегко сделать. Она осторожно спросила:

– И... что было дальше, сэр?

– Дальше? – мистер Эстелл сцепил пальцы в замок у себя на коленях и промолвил, не поднимая на Мелиссу взгляда: – Дальше... мы остались наедине друг с другом, без крыши над головой, без работы, в чужом городе. Тогда мистер Эстелл, отец твоего дяди, пришёл к нам на помощь и отдал почти всё, что имел на своём банковском счету. Именно благодаря его бескорыстности мы сумели стать тем, что мы есть сейчас, – в голосе мистера Эстелла появились нотки гордости. – И когда мы узнали, что он сходит с ума, что он может умереть в больнице, мы решили помочь ему... решили помочь так, как он помог нам. Ведь у него осталась жена... любовница...

– Жена, – холодно поправила Мелисса.

– Верно, – согласился мистер Эстелл и продолжил, заметно нервничая: – А также – несовершеннолетняя дочь, Джоанна... Я понимаю, что болезни, подобные той, что поразила моего дядю, неизлечимы, но всё же я хотел бы сделать для него какое-то ответное добро, отплатить за всё, что он подарил мне... Я не хотел бы остаться в его памяти неблагодарным племянником.

– И что Вы предлагаете? – грозно набычившись, спросила Мелисса.

– Об этом, – голос мистера Эстелла неожиданно сделался холодным, решительным и твёрдым, и сам он гордо выпрямился, – я желал бы говорить только с твоим дядей и ни с кем, кроме него. Боюсь, что тебе, Мелисса, как ты ни была бы умна для своего возраста, по меньшей мере рано знать о таких делах.

– Это что-то чрезвычайно секретное? – она агрессивно вытянула шею, однако глаза мистера Эстелла не поменяли выражения. – Прошу Вас, сэр, объяснитесь сначала со мной. Я должна знать, по какому именно поводу собираюсь побеспокоить своего дядю.

– Он же не вечно будет занят, Мелисса, – мягко успокоил её мистер Эстелл, – сегодня или завтра, но он вернётся, и я сам поговорю с ним. Тогда он сам будет решать, стоит тебе знать об этом или нет, пока я не могу сказать тебе ничего больше.

– Я знаю об этой истории больше, чем Вы думаете! – с горячностью возразила Мелисса. – Мой дядя давно поссорился со своим отцом, и этому наверняка есть какое-то объяснение. Он разговаривал с женой своего отца, и я уверена, они и без вас уже решили, что будут делать дальше. Хотите помогать, сэр, – кто Вам в этом препятствует? Но я совсем не понимаю, зачем Вам понадобилось обсуждать это с моим дядей, обратитесь к миссис Эстелл.

Из уважения к Джоанне Мелисса приучилась называть её мать миссис Эстелл даже тогда, когда самой Джоанны рядом не было. Она знала, что дядя Бертрам этого не одобряет, однако при нём держалась своей позиции с ещё большим упрямством. Мистер Эстелл взглянул на неё с немалым удивлением. Однако, видимо, её страстные слова не оказали на него никакого воздействия, поскольку он бесчувственно, словно машина, повторил:

– Мелисса, твоё благородство меня поражает, однако я не могу – повторяю, не могу и не стану – объяснять тебе причин, по которым мне так необходимо пообщаться с Бертрамом.

– Но я...

– Мелисса, потерпи ещё немного. Прошу, дай всему встать на свои места – и тогда ты всё узнаешь, – мистер Эстелл взглянул на неё прямо и твёрдо (этот взгляд совсем не вязался с образом подкаблучника, который нарисовался в её голове, когда она увидела, как миссис Эстелл отдаёт ему холодные приказы, обязательные к исполнению).

Она опустила взгляд себе под ноги. Под её тапочками лежал толстый удобный ковёр, купленный дядей Бертрамом в прошлом году, к полу ковёр придавливали четыре ножки высокого стола со стеклянной столешницей. Напротив себя она видела начищенные ботинки мистера Эстелла и ножки его глубокого кресла, которое находилось в этом доме на разных местах и в разных комнатах столько, сколько Мелисса себя помнила (что давало основания предположить, что оно числилось среди предметов интерьера задолго до её рождения). Смотреть в эту сторону ей было неловко и неприятно, поэтому она быстро вернула взгляд вверх, но предпочла упереть его в столешницу. Сквозь столешницу просвечивали кончики её тапочек, казавшиеся сейчас бесконечно далёкими.

– Вы обещаете? – напряжённо и недоверчиво спросила она.

Мистер Эстелл торжественно наклонил голову:

– Обещаю, Мелисса.

– Смотрите! – подозрительно прошипела она. – Только попробуйте меня обмануть!

– У меня этого нет даже в мыслях, – беспечно ответил мистер Эстелл и пожал плечами. – Зачем мне обманывать подростка, к тому же – свою родственницу?

– Я Вам никакая не родственница, – пробурчала Мелисса.

– Почему же, ведь ты – приёмная дочь моего кузена и, стало быть, моя племянница, – мистер Эстелл говорил совершенно серьёзно, не думая издеваться, как его супруга, и потому Мелисса совершила глупейшую ошибку (как она сама стала считать впоследствии) – она ему поверила, расслабленно, хотя и не совсем, размякла в кресле и пробурчала:

– Хорошо, я подыщу вам комнаты на третьем этаже и позвоню дяде на работу. Но я предупреждаю, что ему ваш приезд может совсем не понравиться.

– С этим мы разберёмся сами, – улыбнулся мистер Эстелл. – Ты покажешь нам комнаты, Мелисса, или сначала угостишь фирменным блюдом своего чудо-повара?

«Интересно было бы узнать, что там девочки успели состряпать», – подумала она отстранённо и сказала без прежней агрессии:

– Пожалуй, сначала – сытный перекус, а потом – осмотр комнат. Я схожу за Вашей женой и сыном.

– Называй Арчибальдом, – крикнул мистер Эстелл ей в спину, – уверен, что вам удастся найти общий язык!

Мелисса совсем не разделяла его уверенности, однако возражать не стала. На её удивление, миссис Эстелл и Арчибальд сидели в гостиной и мирно о чём-то разговаривали. На её появление они отреагировали с одинаковой долей вежливости (миссис Эстелл даже не стала делать никаких провокационных замечаний), и покорно двинулись следом за нею обратно в столовую, где уже стояла у стены Люсинда с опустевшим подносом в руках и искоса следила за реакцией гостей. Мелисса незаметно подмигнула ей и продемонстрировала большой палец, Люсинда обрадованно улыбнулась, но тут же потупилась снова: в неё вонзился острый неприязненный взгляд миссис Эстелл. Той, видимо, не удавалось обузывать свой характер дольше, чем на пару минут. Она одарила пудинг, гордо возвышавшийся на тарелке, презрительным холодным взглядом и поинтересовалась сквозь зубы:

– Девушка, могу я узнать, что за сорт пакости Вы нам преподнесли и какой повар умудрился это приготовить?

– Это йоркширский пудинг, мэм, – максимально вежливым официантским тоном ответила Люсинда, – а приготовил его личный повар мисс, – она кивнула в сторону Мелиссы, которая тут же покрылась толстым слоем краски от смущения и гордости. – Этот повар работает в доме более десяти лет, и на его работу ещё никто не жаловался.

– Конечно! – торжествуя фыркнула миссис Эстелл и с размаху хлопнулась на стул (мистер Эстелл взглянул на неё крайне неодобрительно). – У Бертрама никогда не было вкуса! Неудивительно, что девочка выросла вся в него: он умудрился привить ей все свои мещанские привычки!

– Мадам, – не меняя тона, невыразительно возразила Люсинда, – быть может, Вы сначала попробуете? Хотя бы кусочек?

– В самом деле, мама? – робко поинтересовался Арчибальд, кратко взглянув на мать. – Ты же даже не знаешь, что это за...

– Молчать, Арчибальд, – отрезала миссис Эстелл и скрестила руки на груди. – Какого чёрта я должна это есть? Что это за отвратительная непонятная масса? Девушка, спуститесь вниз и прикажите повару, чтобы он приготовил мне вегетарианскую лазанью!

– Габриэла, – предостерегающе прошептал мистер Эстелл одними губами.

У миссис Эстелл по щекам и по шее поплыли неровные багровые пятна.

– Отлично! – она нахмурилась и с суровым страдальческим видом взялась за ложку, – раскладывайте произведение Вашего повара по тарелкам, девушка. Я попробую убедить себя, что за прошедшие годы у Бертрама появились намёки на хорошее кулинарное чутьё.

«Это вряд ли, – невольно улыбнувшись, подумала Мелисса, – он питается полуфабрикатами из холодильника, в точности как и я».

Люсинда, сохраняя каменное выражение лица, обошла стол по кругу, изящно выкладывая небольшие порции пудинга на тарелки. Первой пудинг отведала Мелисса – и даже зажмурилась от блаженства. Она крайне редко получала счастливый шанс вкушать настоящую пищу, которую готовили с любовью и тщанием живые человеческие руки, а не бесчувственные автоматы на фабриках по производству быстрого питания. Арчибальд с удовольствием орудовал ложкой, мистер Эстелл блаженно улыбался. Миссис Эстелл обвела их неприязненным взглядом и вздохнула. Покачав головой, она последней наклонилась к своей порции, но последней же от неё и отвернулась. Выражение её лица неожиданно сделалось более мягким и даже спокойным. Она с удивлением взглянула на Люсинду и протянула:

– Что ж, не могу сказать, чтобы таланты вашего повара меня поразили, но... однозначно... Бертрам стал более цивилизованным, чем в то время, когда мы с ним были знакомы. Говорите... повар работает тут с тех пор, как Вы появились в этом доме? – она обратила заинтересованный взгляд к Мелиссе.

Незаметно перемигнувшись с Люсиндой, она с совершенно серьёзным видом солгала:

– О да, мэм! Он очень хороший человек.

– Ну а Вы, девушка, – снова недовольно дёрнув верхней губой, проговорила Габриэла, обернувшись к Люсинде, – сколько времени Вы тут прислуживаете?

– Чуть больше года, – бодро ответила та, – с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.

– Вы несовершеннолетняя?

– Вы так этим удивлены? – Люсинда чуть изогнула бровь.

Миссис Эстелл фыркнула:

– Я была уверена, что Вам за двадцать.

Люсинда, несомненно, этим оскорбилась, но её лицо не дрогнуло. Она чуть склонила голову и спокойно объяснила:

– Сейчас мне пятнадцать, мэм.

– И Бертрам берёт на подработку подростков, – миссис Эстелл закатила глаза и откинулась на спинку своего стула. – Именно таких глупостей от него и следовало ожидать. Неужели он не задумывается над тем, к каким последствиям это может привести? Хотя бы ты, Мелисса, – её имя миссис Эстелл выговорила с заметным отвращением, – сказала ему, что молодые люди приносят одни неприятности. Ты думаешь, что Арчибальд – прекрасный юноша? Нет, ни за что на свете я не назову его послушным ребёнком. Он осмеливается возражать своей матери, это во-первых. Во-вторых, он слишком тих и безволен, я не представляю, как он будет наследовать отцовское дело. Наконец, в-третьих, он смотрит на мир глазами овцы...

– То есть ничего не понимает? – осторожно поинтересовалась Мелисса.

Арчибальд сидел с отсутствующим лицом, словно всё то, что его мать говорила, относилось к кому угодно в этой комнате, но только не к нему. Миссис Эстелл вздохнула с мученическим видом:

– Можно объяснить это и так, Мелисса... И вот представь, что в твоём доме работают такие личности, как мой сын...

– Ваш сын кажется мне очень хорошим человеком, – вежливо соврала Мелисса.

– В любом случае, – скривившись, пробормотала миссис Эстелл, – в молодости люди совершают слишком много ошибок, о которых после думают и спрашивают себя: как можно было быть такими идиотами?..

– Габриэла, дорогая, – снова мягко вмешался мистер Эстелл, – ты зашла слишком далеко, может быть, тебе стоит взять ещё одну порцию пудинга?

– Не откажусь!

Миссис Эстелл больше не поднимала никаких неприятных для разговора тем, но это не заставило Мелиссу относиться к ней лучше. Она чувствовала, что присутствие этой скандальной женщины вытягивает из неё силы и терпение медленно, но верно, что было особенно утомительно и подло. Она мечтала, чтобы перекус кончился как можно скорее, но Эстеллы ели медленно и величественно, а в промежутках между едой говорили на какие-то отвлечённые темы друг с другом и с Мелиссой, за которую чаще всего отвечала Люсинда. Голова Мелиссы была забита совершенно иными мыслями. Она напряжённо размышляла над тем, куда можно засунуть неожиданных гостей так, чтобы они не слишком мозолили глаза, и как сообщить об этом дяде Бертраму, чья реакция, она не сомневалась, не стала бы восторженной. Эти проблемы, казалось, набрасывались на неё противным удушающим роем, она запуганно осматривала общество, убеждалась в том, что оно ей не снится, и с тихим вздохом склоняла голову к тарелке снова.

Но время перекуса окончилось, и Мелисса повела гостей наверх – осматривать комнаты. Люсинда показала ей большой палец и незаметно ускользнула вниз. Как только Люсинда исчезла, сам воздух сделался для Мелиссы холоднее и неприятнее, в нём отчётливо потянуло свербящей тоской. Она поднималась по лестнице первой, не спеша и внимательно оглядывая

закрытые двери. Наконец, её выбор пал на три смежных комнаты, одна из которых была гостиной, вторая – комнатой для отдыха приезжающих в особняк родственников мистера Эстелла-старшего, и третья – чем-то вроде спальни, которой никто не пользовался уже много лет. Мелисса с гордостью указала на двери:

– Вот, пожалуйста, эти комнаты я могу предоставить в ваше распоряжение. Сейчас я схожу... попрошу горничную, чтобы она принесла комплекты постельного белья. Располагайтесь и выбирайте комнату, которая больше вам понравится.

Миссис Эстелл решительно распахнула настежь все три двери, коротко заглянула в них мрачными глазами и быстро втянула голову назад.

– Что ж, – пробурчала она, – уверена, это далеко не худший вариант из всех тех, с какими ты могла заставить меня согласиться. Арчибальд (при звуках стали, прозвеневшей в командном тоне матери, тот вздрогнул и усиленно захлопал длинными девичьими ресницами), ты расположишься в гостевой комнате. Ну а нам с тобой, Бальтазар, милый, придётся разлучиться, раз уж Бертрам соизволил сообщить девушке, что супругов селят в одной спальне, – миссис Эстелл говорила с отчётливым презрением, искоса следя, как краснеет и потупляется Мелисса. Убедительное доказательство того, что Мелисса пристыжена, кажется, доставляло миссис Эстелл дополнительное удовольствие. – Эта долгая и неблагодарная дорога меня утомила. Честно говоря, я мечтаю вытянуть ноги и забыться глубоким сном, а ты что скажешь, Бальтазар?

– Всецело разделяю твою точку зрения, – с готовностью отозвался он, выговаривая слова так, будто они были заучены им наизусть уже давным-давно.

– Стало быть, – миссис Эстелл упёрлась хмурым взглядом в сына, – ты остаёшься тут без нашего присмотра. Учти, что ты должен быть максимально вежлив с леди. Не опозорься!

– Не опозорюсь, мама, – механическим тоном подтвердил Арчибальд, не поднимая глаз.

Мелиссе захотелось рассмеяться миссис Эстелл в лицо за данный ей совет, однако она сумела удержать себя в узде. Гости разошлись по спальням, и только она и Арчибальд остались стоять друг напротив друга в коридоре. Мелисса искоса поглядела на него, Арчибальд тоже поднял взгляд. Несколько мгновений они настороженно изучали друг друга, пытаясь понять, как следует начать разговор и нужно ли это делать вообще.

– Слушай, – сказала Мелисса наконец, – может быть, тебе хочется посмотреть телевизор? Или мы можем сыграть партию в шахматы...

– Шахматы? – глаза Арчибальда радостно заблестели. – Ты тоже играешь?

– Немного, – коротко ответила Мелисса и скромно потупилась. – Моих знаний хватает ровно на то, чтобы правильно двигать фигуры и расставлять их на доске.

– Я состою в шахматном клубе в Стеджерсон-гауне, – пониженным восторженным голосом проговорил Арчибальд, и к его впалым щекам прилила возбуждённая краска, – скоро, говорят, что меня назначат его главой, но я не знаю, так ли это на самом деле...

– Тогда тебе будет со мной неинтересно, – облегчённо пробормотала Мелисса, – я позову Люсинду, это моя... моя горничная, ты её уже видел. Тебе не будет зазорно сыграть в шахматы с прислугой?

– С чего бы это? – с искренним удивлением поинтересовался Арчибальд. – Родители всегда говорили мне, что обслуживающий персонал – это такие же люди. Почему я должен был бы брезговать их обществом?

– Ну, понимаешь ли, – издалека начала Мелисса, – мне показалось, что твоя мама была бы против этого.

– Ты ошибаешься, – угрюмо возразил Арчибальд. Его глаза мгновенно потухли, снова сделавшись серыми, тупыми и безжизненными.

– Возможно.

В неприязненном молчании они проследовали вниз по лестнице. В гостиной их ожидала Люсинда, которая где-то успела найти старый белый передник и повязать его себе на пояс,

чтобы максимально естественно смотреться в своём образе. Мелисса укоризненно покачала головой за плечом Арчибальда, Люсинда только хитро улыбнулась и подмигнула им обоим.

– Желаете чаю? – светским тоном поинтересовалась Люсинда.

– Нет, спасибо, – сбиваясь и часто краснея, пробормотала Мелисса. Представлять Люсинду своей горничной ей было совестно, и она стеснялась просить её о чём-то, а уж тем более – выслушивать из её уст вопросы, которые она вовсе не должна была бы задавать. – Люсинда... ты не могла бы... если тебя не затруднит, конечно...

Глаза Люсинды преисполнились преданным вниманием. Покраснев ещё гуще, Мелисса про себя прокляла Арчибальда, его родителей и ту таинственную причину, что притащила их сюда так несвоевременно, и промямлила, решительно поглощая окончания слов:

– Если тебя не затруднит... сыграть партию с Арчибальдом?

– Партию... во что? – вежливо спросила Люсинда. Её рука аккуратно скользнула в карман брюк и продемонстрировала Мелиссе телефон – зачем, осталось для неё загадкой.

– Партию в шахматы, – уверенным и слегка небрежным тоном пояснил Арчибальд. – Ты согласна?

– Конечно! – у Люсинды азартно загорелись глаза. – Я неплохо играю, скажу это сразу, хотя хвастать, конечно, некрасиво.

– Достань доску, пожалуйста, – чувствуя, как на глаза к ней наворачиваются стыдливые слёзы, попросила Мелисса, – она лежит на полке над камином.

Люсинда сделала намекающее выражение лица и снова аккуратно вытащила из кармана телефон. Она даже пару раз ткнула пальцем в его заблокированный чёрный экран и что-то шепнула краем губ (Арчибальд в это время заворожённо любовался картиной, повешенной над камином).

– Кто это нарисовал? – тихо спросил он, указав на картину пальцем.

– Это... – Мелисса пригляделась к картине и равнодушно пожала плечами: – Не знаю. Она здесь уже сто лет висит. Даже дядя Бертрам не в курсе, наверное, кто автор.

– Выглядит очень красиво, – восхищённо промолвил Арчибальд. – Это же чей-то дом... насколько могу судить, это здешний дом. Неужели ты не знаешь, чей он?

– Это дом одной моей хорошей знакомой, – недовольно скривилась Мелисса, – он тоже очень старый, я слышала, что его построили больше полувека тому назад.

Арчибальд раздражённо поджал губы и отвернулся от неё: её немногословность ему совсем не понравилась. Люсинда тем временем, в руках она сжимала шахматную доску. Её взгляд, направленный на Мелиссу, был практически умоляющим, а пальцы её побелели.

– Что ж, – улыбнулась она, – давай начнём партию, Арчибальд!

– Начинайте без меня, – попросила Мелисса. Краем глаза она посмотрела на свой телефон, выглядывавший из кармана джинсов, и Люсинда одобрительно склонила голову. – Я сейчас... подойду...

Люсинда и Арчибальд расположились у окна, раскрыли доску и деловито принялись расставлять фигурки привычными пальцами. Мелисса на цыпочках прокралась за дверь, прикрыла её и только тогда вынула телефон из кармана. Но она не успела даже снять блокировку с его экрана, как перед нею выросли, словно возникнув из воздуха, Стивен, Линда, Патрик, Блез, Джоанна и сёстры Хаэн. У всех них были взволнованные и напряжённые лица, словно это им пришлось, находясь этажом ниже миссис Эстелл, сносить её дурной характер и выслушивать оскорбления в свой адрес и адрес близких им людей.

– Мистер и миссис Эстелл наконец-то отвязались от меня, – коротко пояснила Мелисса, – а Арчибальд сидит у меня в гостиной и играет с Люсиндой в шахматы. Удивительно, но оказалось, что он умеет разговаривать не хуже нас с вами.

– Нам придётся тебя оставить, – сказала Джоанна, – нам только что звонили родители, и они недовольны, что мы так задерживаемся.

Мелисса взглянула на напольные часы-ходики в углу. Было восемь-пятнадцать вечера.

– Вообще-то, нас требуют назад около получаса, – невесело пояснил Стивен, – но мы не могли уйти, не попрощавшись с тобой.

– Простите, простите, пожалуйста! – и Мелисса ощутила, что в очередной раз за этот день предательски краснеет. – Я должна была сразу вас отпустить, как только они приехали... извините... я обязательно позвоню к вам домой и всё объясню..

– Расслабься, Мелисса, – посоветовал Патрик, – уверен, что нас не убьют. Ну, а если даже и попытаются, то останутся – всё-таки родительская любовь не позволит сделать из нас форшмаки за то, что мы решили помочь тебе.

– Да и нашим предкам, – задумчиво вмешалась Габриэль, – не слишком нужно знать, что к тебе приехали родственники, да ещё вот такие... Моим, во всяком случае, точно не нужно, – фыркнула она и почему-то крепко схватила покрасневшую Оону за руку. – Я с радостью вообще осталась бы ночевать у тебя, но я понимаю, что за такую выходку с меня точно снимут шкуру, и никакая родительская любовь этому не помешает. Так что, Мелисса, мы оставляем тебя наедине с этими монстрами в надежде на то, что они тебя всё-таки не съедят.

– Думаю, что они на это не осмелятся, – через силу улыбнулась Мелисса, – вы постарались хорошо накормить их...

– Мы позвоним утром, – пообещала Линда и первая начала спускаться по ступенькам лестницы, – узнаем, жива ли ты!

– Вас проводить? – крикнула Мелисса сверху.

– Не стоит, – отозвался Патрик, – тебе нужно быстро прибраться в столовой, пока Арчибальд с Люсиндой не закончили играть и не забрели туда или мистер и миссис Эстеллы не проснулись. Иначе они точно решат, что твой дядя держит безответственную прислугу.

«Прислуга...» – с болью подумала Мелисса.

Вдалеке хлопнула дверь, и холодные, молчаливые коридоры особняка сделались ещё холодней. Мелисса побрела обратно в столовую, которую она ненавидела больше всех комнат в доме. С чувством гадливости она собрала опустошённые тарелки и чашки со стола, принесла их в кухню и загрузила в посудомойку, а затем без сил хлопнулась на стул, подперев отяжелевшую голову руками. У неё было такое неприятное чувство, точно вокруг неё сейчас поплыл весь её прежний мир. Она мечтала, чтобы чьё-нибудь присутствие согрело её, прежде чем ей придётся возвращаться в гостиную и без особенного интереса следить за шахматным сражением между Люсиндой и Арчибальдом, и в ответ на её молчаливые призывы появилась Джинни. Она появилась беззвучно и незаметно, словно соединившись из невидимых крупинок воздуха, которые вдруг столкнулись друг с другом и приобрели цвет и форму частей человеческого тела. Мелисса быстро взглянула на неё и снова опустила голову.

– Джинни... – пожаловалась она тоскливым голосом, – что такое сейчас происходит, объясни мне? Почему, как только моя жизнь начинает налаживаться, тут же происходит нечто настолько ужасное, что я сразу теряю всякую надежду и желание двигаться дальше? Как же глупо я говорю... – простионала она.

– Всё нормально, – почти прошептала Джинни, присаживаясь на корточки с нею рядом, – слышишь, Мелисса? Это должно было случиться.

– Почему именно сейчас?

– Всегда настаёт такое время, когда приходит пора чему-нибудь случиться, – слабо улыбнувшись, Джинни мягко убрала её руки от лица и заглянула ей в глаза своими светящимися сапфировыми глазами. – Если бы ничего не случилось, стало бы совсем скучно жить, как ты думаешь?

– Никак я не думаю, – обессиленно отозвалась Мелисса. – Ты знала эту... эту миссис Эстелл?

– Знала, – печально подтвердила Джинни, и её глаза на мгновение затуманились.

– Она всегда была... такой?

– Она была даже хуже. Бальтазар сумел исправить и изменить её... совсем на чуть-чуть, я согласна, но и такие изменения знаменательны. Ведь ты же прекрасно понимаешь: и самое грандиозное из кругосветных плаваний начиналось с одного взмаха весла, – и Джинни снова улыбнулась, теперь – намного увереннее, чем прежде.

– Ты хочешь сказать, что даже такую мегеру можно исправить? – недоверчиво спросила Мелисса.

– Всех можно исправить, Мелисса, всех, – подтвердила Джинни с особенным, возвышенным выражением лица, делавшимся у неё в те мгновения, когда она предавалась своим утопическим мечтаниям. – Плохих людей не бывает. Всем нужно давать второй шанс.

– А если они им не воспользуются? Сознательно не воспользуются? – спрашивала Мелисса с горячностью, думая в этот момент вовсе не об Эстеллах, а о Питере, которого она так долго не видела и по которому начинала скучать. – Что тогда?

– Это будет их осознанный выбор, – мягко пояснила Джинни, – когда-нибудь они сами поймут, что упустили и потеряли, и если эта потеря была для них действительно велика, ты почувствуешь их боль и даже пожалеешь их.

– Не хочу я никого жалеть, – угрюмо ответила Мелисса. – Ты не понимаешь, Джинни, но эти Эстеллы... они влезают в чужую жизнь! Зачем они приехали сюда? Они никогда не были близки с дядей Бертрамом, что им нужно от него теперь? А они ещё и в семью Джоанны собрались просочиться... зачем? Ты же знаешь!

– Увы, и на этот вопрос я не могу тебе ответить... Прости, – шепнула Джинни и исчезла.

Мелисса сердито соскочила со стула. В это мгновение ей хотелось всех презирать и всех ненавидеть.

– Не хочешь – ну и не надо! – обиженно отозвалась она и вышла из кухни. Ноги сами принесли её в гостиную – в то место, куда она ни за что не направилась бы, если бы подчинялась велению разума.

Но она попала туда ровно к тому времени, когда Арчибальд и Люсинда, обменявшись горящими взглядами поверх доски, воскликнули в унисон:

– Шах!

Мелисса проплелась к дивану и апатически рухнула на него, зарываясь лицом в подушки. Сияющие от удовольствия лица Арчибальда и Люсинды повернулись к ней.

– Всё, партия окончена! – радостно возвестила Люсинда. – И, кажется, мы сыграли вничью.

– Я просто плохо спал сегодня и потому допустил много вопиющих ошибок, – добродушно проворчал Арчибальд, улыбаясь.

– А я слишком старалась над пудингом, – передразнивая его, звонко рассмеялась Люсинда, – поэтому не воспользовалась ни одной из них. Ничего, – она деловито перевернула доску вверх дном и начала аккуратно складывать в неё фигурки, – завтра утром обещаю тебе такую блестящую игру, против которой ты ничего не сумеешь выставить...

– В свою очередь, я применю все свои таланты и познания, – ухмыльнулся Арчибальд, – так что неизвестно, на чьей стороне останется победа.

Мелисса, безжизненно сидевшая на диване, вдруг напряжилась и подскочила посреди подушек. Её взгляд, сделавшийся осмысленным, прикипел к фигурке изумлённо сжавшейся в комок Люсинды.

– Что ты сказала? – переспросила Мелисса. – Ты хочешь остаться... остаться тут на ночь? Но как же твои родители? Как же...

– Я им позвонила и сообщила, что останусь тут ночевать, – беспечным тоном, совершенно ей не свойственным, сообщила Люсинда. – И они согласились. Думаю, ты согласишься потерпеть моё присутствие в соседней спальне?

– Мне будет страшно одной, – улыбнулась Мелисса, – поэтому ты можешь поспать у меня. Ты можешь... если это, конечно, не так трудно... достать постельное бельё для себя и для меня и застелить нам кровать? И ещё принеси из кладовой себе раскладушку, ты же знаешь, где у нас кладовая... – она неловко улыбнулась, краснея и чувствуя, как пусты и глупы её вымученные слова.

– О, конечно! – легко согласилась Люсинда и вприпрыжку легко понеслась прочь.

Мелисса и Арчибальд снова остались вдвоём, чувствуя, как каждого из них напрягает присутствие другого. Арчибальд взял инициативу на себя и промолвил тихо:

– Знаешь, я всегда хотел узнать, какие они – мои родственники в Литтл-Мэе. Но мама и папа никогда не думали, что мне стоит с ними видеться. Я даже не представлял, что у вас тут есть какая-то своя жизнь...

– Мы же не динозавры, – устало отозвалась Мелисса. – Или ты думал, что в Литтл-Мэе живут круглые идиоты?

– Мама рассказывала мне много плохого о моих дедушках Эндрю и Эдварде...

– Я ничего о них не знаю, – коротко отрубил Мелисса, – мы не общаемся.

– И ты никогда этого не хотела? – с удивлением воззрился на неё Арчибальд, словно не в силах ей поверить.

– Никогда, – без малейших сомнений ответила она. – Я слышала слишком много интересных вещей о них для того, чтобы желать с ними встретиться.

– А я никогда не верил слухам, – сухим тоном обронил Арчибальд и отвернулся, видимо, сочтя её недостойной дальнейшей беседы.

Мелисса тоже молчала: Арчибальд представлялся ей настолько чужим, новым и странным, что она даже не знала, можно ли в разговоре с ним поднимать банальнейшие темы вроде погоды или обучения в школе. К тому же он был сыном Габриэлы Эстелл, и одно это обстоятельство было для Мелиссы похожем на тяжкое преступление, груз позорной тяжкой вины, которую он не брал на себя добровольно, но которую также и не мог сбросить со своих плеч. Демонстративно отвернувшись к окну, затянутому вечерним туманом, она ждала, когда ему надоест молчать и изучать чужую для него гостиную, в которой много лет назад собирались его родители и дедушки с бабушками, чтобы обсудить состояние погоды и своих отпрысков: больше они ни о чём не умели разговаривать мирно (по последней теме, впрочем, они любили спорить, чтобы неудачами детей больнее кольнуть их родителей). Прошло несколько тягостных минут, и Арчибальд медленно, с присущей всем Эстеллам врождённой грацией выбрался из кресла.

– Спокойной ночи, Мелисса, – подчёркнуто вежливо промолвил он.

– Спокойной ночи, Арчибальд, – отозвалась она.

Молчал спящий дом. Где-то несколькими комнатами дальше Люсинда старательно раздвигала раскладушку и стелила постель, словно вжившись в роль горничной, а этажом выше, через стенку друг от друга, спали гости. Мелисса вздохнула: ей недолго оставалось наслаждаться поколебленной тишиной. Она с трудом обуздала своё волнение, дрожащими пальцами вытащила из кармана телефон, с пятой попытки нарисовала графический ключ разблокировки и набрала номер дяди. Он ответил не сразу, лишь после длинной серии глухих, как будто раздражённых чем-то или простуженных, гудков. Его голос, отдававшийся в трубке, звучал утомлённо и встревоженно:

– Мелисса, что-то случилось?

– Случилось, – тяжело вздохнув, напрямик сказала она, – приехал твой кузен Бальтазар с женой Габриэлой и сыном Арчибальдом.

– Зачем? – резко похолодел голос Эстелла.

– Они хотят поговорить с тобой насчёт твоего отца, – промолвила Мелисса стеснительно и сделала паузу. Она ожидала, что он что-нибудь скажет, но он продолжал хранить молчание,

поэтому она заговорила опять: – Я не хотела, чтобы они тут оставались, но мне не удалось их выпроводить. Словом, они сейчас спят на третьем этаже и ждут тебя.

– Ты дома одна? – жёстко спросил дядя Бертрам. – Подожди меня, не засыпай, я постараюсь приехать через полчаса...

– Не надо, – усмехнулась она, – со мной осталась ночевать Люсинда, Люсинда Кэчкарт, ты же её помнишь?

Пауза. Затем голос Эстелла решительно и холодно отрезал:

– Жди меня дома через полчаса. Не ложись спать, пока я не приеду.

– Хорошо... – простионала Мелисса и, попрощавшись, повесила трубку.

На душе у неё стало ещё тяжелее. Она ожидала от дяди Бертрама обычной словесной поддержки и объяснения, но он, как то входило в его привычки, не стал ничего ей сообщать, а всего лишь отдал приказ и отсоединился от линии. Мелисса горестно вздохнула и сунула телефон в карман, не глядя на него: ей было противно вызывать в себе воспоминания о недавнем разговоре. В тишине негромко простучали лёгкие шаги Люсинды. Она заглянула в дверь – и её лицо удивлённо вытянулось.

– Где же Арчибальд? И почему у тебя такое мрачное лицо? Вы поссорились?

– Нет, – отрезала Мелисса и поджала ноги под себя, – он ушёл спать, а я только что позвонила дяде. Он даже запретил мне ложиться спать, пока не приедет! Как всегда! Он боится оставить меня дома одну всего-то на единственную ночь! Неужели он настолько мне не доверяет?

– А он в курсе насчёт Эстеллов? – прагматично спросила Люсинда.

– Конечно, в курсе, – пробурчала Мелисса.

– Тогда естественно, что он волнуется, – со светлой и лёгкой улыбкой сообщила Люсинда, – ведь он совершенно их не знает. Я тоже волновалась бы, если бы моя дочь вдруг оказалась дома одна со своим троюродным братом и его родителями, которых я видела в последний раз больше двух десятков лет назад.

– Для тебя всё легко объясняется, Люсинда...

– Нужно всего лишь уметь искать объяснения, – мягко сказала Люсинда и села рядом с ней. – Что ж, раз нам велели ждать, давай подождём...

Так они и сидели вместе на диване, пока – через полчаса, как и было обещано, – не появился дядя Бертрам. Он казался усталым и взволнованным, но ничего не стал объяснять Мелиссе, даже когда Люсинда деликатно удалилась, и приказал ей сухим, так сильно надоевшим голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.